Т3(2Р-6Мо)л54
М 792

Мордовский Научно-Исследовательский Институт
Социалистической Культуры при СНК МАССР

М. Колесников

Записки

3

История и археология

проверено
1983 г.

Издательство МНИИСК
Саранск—1941

П. Степанов.

К вопросу о происхождении мордвы

Около пятидесяти лет тому назад вышла в свет работа И. Н. Смирнова „Мордва". Работа эта до сего времени является единственной сводной работой по истории и этнографии мордвы, поэтому естественно, что всякий исследователь обращался к этому труду. Таким образом, в течение полувека положения, высказанные Смирновым, господствовали в исторической и этнографической литературе. К чему же сводятся эти положения в части, касающейся истории происхождения мордвы? „Мордва представляет собою крупнейшее из современных восточно-финских племен".[1] Далее он говорит: „Филология уводит нас...на целые столетия дальше, чем самые древние свидетельства истории, в такую эпоху, когда мордва еще не начинала выделяться из группы, обнимавшей собою предков последующих западных и волжских финнов. За этой эпохой идет нетронутая наукой эпоха прафинская, когда нераздельным еще **финским племенем** (*подчеркнуто нами*—**П. С.**) закладывались самые первые элементы культуры".[2] В другом месте мы у него читаем:...„в первое время после своего отделения от западных финнов мордва не знала еще употребления металлов... каменный век пережит был мордвой и родичами ее на берегах Оки и скорее на Западе, чем на Востоке от нее".[3]

Концепция Смирнова, писавшего свою работу в 1895 г., была построена целиком на данных науки того времени. В настоящее же время его работа не может считаться безупречной, и его положения бесспорными. Основным в суждении Смирнова является указание на то, что мордва—„одно из восточно-финских племен". По его схеме сначала существовало „неразделенное финское племя" в „прафинскую эпоху", жившее в районе Оки. Это „финское племя" разделилось на „западных и восточных финнов", которые разделились затем на мордву, мари, удмуртов, коми, суоми,[4] карелов и т. д. Полу-

---

[1] *Смирнов,* Мордва, стр. 1—2.
[2] *Там же,* стр. 3—4.
[3] *Там же,* стр. 37.
[4] Суоми—летописная „Сумь",одно из племен, живущих в Финляндии.

чилось развесистое родословное дерево. В этой схеме ярким образом была выражена господствовавшая в прошлом идея „чистой расы", „чистой культуры". Теория эта, в свете современной марксистской науки, признана антинаучной, искажающей историю развития человеческого общества. Нет необходимости говорить о том, что историю того или другого народа нельзя строить только на результатах исследования какой-либо одной стороны его деятельности. Поэтому выводы только лингвистические не дают нам права говорить о всей истории мордовского народа, они могут быть использованы для написания истории мордвы лишь наряду с данными других дисциплин. Смирнов делал попытку объединить разнообразный материал, но, находясь в цепких лапах идеи праязыка и пранарода, он не смог правильно разрешить вопрос о происхождении мордвы. Предложенная им схема базировалась целиком на схеме, построенной старыми лингвистами, которые исходили в своих построениях от „праязыков" и „пранародов". „Волжско-балтийские финны жили совместно долгое время после отделения от пермской группы, слегка соприкасаясь с германскими народами... новые исторические перевороты двинули западно-финские народы дальше на запад и север"[1] — так говорил О. Доннер—представитель старой лингвистической школы. Аналогичное же суждение мы видим у датского финнолога В. Томсена, который также говорил о „предках... западных и волжских финнов" и о „прафинской" эпохе.[2]

Новое учение о языке—яфетидология, новые данные археологии, этнографии, антропологии, истории заставляют по-новому осветить вопрос, дать новую схему происхождения мордвы.

Общность языковых данных, служившая основанием у старых лингвистов для распределения народов на группы и для построения схем с участием „пранародов" и „праязыков", в свете яфетической теории, говорящей о стадиальности в развитии речи, получила теперь совершенно новое и, несомненно, более правильное объяснение. Таким образом, общность формальных языковых признаков, которая группирует т.н. угро-финские языки, в том числе и мордовские, становится понятной, если мы к ней будем подходить исторически. Она возникла в определенной исторической обстановке, на определенной стадии развития человеческой речи и отнюдь не связана с происхождением языка и народа от одного корня.

Различия же в языке между мордвой, суоми, карелами, мари, удмуртами и др. народами обусловлены тем, что каждый из этих народов имеет свою собственную историю, подчиненную, однако, общим законам развития человеческого общества. Следствием особых условий существования в особой природной обстановке, благодаря общению с соседними народами было то, что возник и оформился мордовский народ как таковой.

---

[1] *Смирнов*, Мордва, стр. 2.
[2] *Там же*, стр. 4.

Несмотря на высказанные выше соображения, все же встречаются и в наши дни работы со старой терминологией, т. е. употребляют выражения: „финны" западные и восточные, „финская культура", „финские" городища, „финские" могильники, „финские" типы вещей и т. п.

Основанием для возникновения термина „финская культура" была идея, выдвинутая финскими националистами, которые стремились обосновать величие своего народа в прошлом, не уступавшего своей богатой историей и культурой ни одному из европейских народов. Русские ученые поддерживали эту идею потому, что не желали говорить о „мордовской", о „марийской" культуре и т. д., ибо все эти народы относились к „неисторическим", т. е. не имеющим своей истории. Здесь представители буржуазной русской науки тесным образом смыкались с представителями буржуазной же финляндской науки. Благодаря этому „финны", впервые упомянутые Тацитом и Страбоном в I в. н. э, стали „пранародом" для всех народов лесной полосы Восточной Европы, а все археологические памятники, находимые здесь, оказались с эпитетом „финские". В дальнейшем же „финские" памятники, археологические и этнографические, стали служить для подтверждения существования народа „финнов", что совпадало со сказаниями Тацита и Страбона. Круг, таким образом, был замкнут по схеме „финны" Тацита и Страбона дали имя комплексу древностей, а древности стали подтверждать существование „финнов".

В послеоктябрьский период в работах некоторых русских ученых стали появляться попытки отдельные памятники древности связать с определенными племенами: мордвой, муромой, мещерой (П. П. Ефименко). Количество сторонников такой конкретизации и отказа от неопределенного термина „финский" становится все больше и больше (В. В. Гольмстен и др.). Но вместе с тем в некоторых работах, печатавшихся в 1930 г. и позднее, бытует старая терминология и старые идеи. „Вторая (*культура.*—**П. С.**) обнимает бассейн Верхней и Средней Волги и значительную часть бассейна Дона и в то же время распространяется далеко на север. История застает в этом безбрежном крае финнов, распадающихся на две большие ветви, из которых каждая в свою очередь делится на более мелкие племена".[1] (*Подчеркнуто нами.*—**П. С.**) Как видим, полностью повторяется концепция Смирнова, который писал свою работу за 35 лет до появления работы академика Готье.

Мордва была включена в круг „финских" народов не только на основании данных лингвистических, но и этнографических. Этнографы в быту мордвы нашли ряд предметов из одежды, украшений, утвари, которые, с одной стороны, имели сходство с подобными же предметами у некоторых соседних народов, а также с предметами из древних могильников, с другой стороны—наименования этих вещей также совпадали. Таким

[1] *Ю. Готье*, Железный век в Восточной Европе, изд. 1930 г., стр. 125.

образом была установлена связь вещей и наименований, которые полностью укладывались в существующую лингвистическую схему. Эта схема затемняет истинную историю мордовского народа и потому должна быть отброшена.

Теперь перейдем к обзору исторических данных, привлекаемых как материал для истории мордвы. Начнем свой обзор с самых поздних источников—с русских летописей.

В русских летописях мордва упоминается неоднократно, однако нет никакой возможности установить точную дату включения мордвы в летописные своды. [1] Бесспорной является дата 1103 г., когда мордва разбила войско князя Ярослава Святославича Муромского, и потому мы ее будем считать крайней датой, когда мордва выступает как народ с определенной территорией, потомками которого является современное мордовское население.

Переходя к рассмотрению других письменных источников ранее указанной даты—1103 г.,—мы вступаем в область догадок, предположений и новых теорий.

Византийский император Константин Багрянородный (правил с 912 по 959 г.) в XIV гл. своего сочинения „Об управлении Империей" говорит: „Печенегия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании на шесть дней, от Мордии на десять дней пути, от Руси на один день". [2]

Если допустить, что северо-восточные границы территории, занятой в X в. печенегами, проходили по верховьям р. Донца и на устье р. Вороны, то тогда от этих мест до древнего мордовского могильника IX—XI вв.—Лядинского действительно будет около 350 км, т. е. расстояние, равное десятидневным переходам. К сожалению Константин Багрянородный не указывает точно, в какой стороне надо искать страну „Мордию" и принадлежит ли это имя действительно стране мордовского народа. Вероятнее всего речь шла именно о мордве, т. к. в перечислении участвуют только народы, непосредственно окружавшие Печенегию с востока и севера. Местоположение „Мордии" приблизительно совпадает с той территорией, которую спустя 150 лет отводят русские летописи Мордве, Мурому и Мещере. Арабские источники на указанной территории помещают „буртас", в связи с чем возникает т. н. „буртасская" теория происхождения мордвы, на которой мы остановимся подробнее.

Некоторые исследователи отожествляют мордву и „буртас", а некоторые, наоборот, говорят, что мордва и „буртасы"—два различных народа. В научный оборот термин „буртасы" проник, несомненно, первоначально из арабских источников. Но помимо этого, этот термин некоторое время употреблялся в ряде документов русского делопроизводства XVII—XVIII вв.

---

[1] Этому вопросу мы посвящаем специальную работу.

[2] Изв. Г. А. И. М. К., в. 91, стр. 10, М—Л., 1934 г., перевод Латышева.

Русские летописи, в их древнейших частях, совершенно не знают термина „буртас", проникает же он в поздние своды не ранее XVI в., т. е. в то время, когда полностью были ликвидированы Казанское и Астраханское царства. Эта дата знаменательна тем, что она позволяет делать предположение о проникновении этого термина к русским вместе с остатками социально-политической структуры Казанского царства.

Итак, впервые „буртасы" появляются в списках русских летописей XVI в. в такой форме:„... понаймовав рати Бесермены и Армены, Фрязи и Черкасы и Бауртасы с ними же вкупе..." [1] Аналогичный текст в „Степенной книге" XVI в. „...понаймовая: Бесермены и Армены и Фрязи, Черкасы и Буртасы". [2] Речь в обоих документах идет о походе Мамая на Русь (1380 г.) и о составе его войска. Чувствуется, что составитель этой заметки мало отдавал себе отчета, когда перечислял подряд Бесермян, Армян, Фрязей, Черкас и Буртас. Несомненно, что для него под этими, знакомыми ему именами, скрывалось вообще войско Мамая, а не определенные отряды из упомянутых народов. Интересно то, что составитель заметки не упомянул мордвы, хотя она несомненно там присутствовала, ибо и до этого и после мордва участвовала в отрядах татар, громивших Рязанскую, Нижегородскую, Муромскую земли. Везде в других документах она упоминается как мордва, здесь же почему-то сказалась тюркская форма „Буртас". Можно допустить, что эпизод 1380 г. описывался со слов пленного татарина, т. к. кто же лучше мог рассказать правду про Мамаево войско. Пленный же, естественно, назвал мордву тем именем, под которым она значилась в пределах Казанского царства.

Термин „буртасы", „буртасский" встречается в различных документах XVI—XVII вв., относящихся к размежеванию земель, сбору налогов и т. п. „Новокрещеным, и мордве и буртасам имяные книги списки и ясачные книги, почему с буртас и мордвы собирают ясак и посопный хлеб и медвяный оброк..." [3] В этом документе смешались группы населения, выделенные по признаку национальному „мордва" и социальному—„новокрещены" и „буртасы". Можно думать, что „мордва" так же понималась здесь, как определенная социальная категория населения, имевшая особую форму и величину обложения.

Из приведенных примеров мы видим, что, начиная с XVI в., только на весьма короткий промежуток времени, термин „буртасы" проникает в русское делопроизводство, а затем в позднейшие летописные своды. Потом этот термин бесследно исчезает из делопроизводства, и остается лишь часть селений с

---

[1] П. С. Р. Л., т. IV, стр. 143, Пгр., 1921 г.
[2] П. С. Р. Л., т. XXI, ч. 2, СПб., 1913 г., стр. 396.
[3] Изв. Тамбовск. уч. арх. ком., XIV, стр. 85, документ 1682 г.

наименованием „буртас“.[1] Последнее обстоятельство давало повод видеть в населении этих деревень и сел представителей особой национальности. Это ни в какой мере не соответствует действительности, во-первых, потому, что население многих деревень, о которых говорилось в XVII в. как о „буртасских“, не сохранилось, как не сохранились и самые селения, во-вторых, в сохранившихся „буртасских“ селениях население состояло из татар и мордвы и, в-третьих: никакого особого народа „буртас“ не существовало.

Попробуем выяснить вопрос с привлечением данных арабских источников. Ибн-Рустэ, сочинения которого относятся к 20—30-м годам X в., говорит: „Земля буртасов лежит между Хазарскою и Болгарскою землями на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой. Буртасы подчиняются царю Хазар и выставляют в поле 10000 всадников“.[2] Далее следует описание быта, отдельные моменты которого близки предполагаемому быту мордвы того времени. Второй арабский писатель-географ Болхи, писавший в 40-х годах X в., говорит: „Буртасы—народ, который граничит с хазарами. Между этими двумя народами не живет никакой другой. Буртасы живут рассеяно по берегам Волги. Буртас—имя страны, как имена Русь и Хазар, Серир же имя государства, а не города или народа... Буртас есть имя страны...“[3] Третий арабский писатель Масуди (умер в 956 г.) упомянул „страну Буртас“, „жителей Буртаса“, которые истребили остатки войска Руссов во время возвращения из похода 913 г. с Каспийского моря.[4] Еще двое из арабских писателей упоминают о буртасах. Ибн-Хаукаль (976 г.) говорит: „Буртас есть имя страны, так же точно, как Русь и Хазар... В настоящее же время не осталось и следа ни из Булгара, ни из Буртасы, ни из Хазара, ибо русы напали (или истребили) всех их, отняли у них все эти области и присвоили себе“.[5] Бекри (умер в 1094 г.) пишет: „...что касается до земли фрдасов, то она лежит между хазарами и блкр (болгары)“.[6] Дальше идет повторение описания, данного Ибн-Рустэ. Мы привели главнейшие описания и упоминания „буртас“ в арабских источниках X в.

---

[1] Пензенская губ., изд. 1860 г., стр. 106: „Керенский уезд: Буртас № 626, 641, Буртас Больш. № 652, Буртас мал. № 618; Краснослободский у.: Буртасы № 885“.

Смирнов, Мордва, стр. 55, упоминает буртас в Алатырском у. Симбирской губ.

Риттих, Матер. для этнограф. России, Казанская губ., ч. 1, Казань, 1870 г., стр. 47—48. „В Тетюшевском у. Буртасы полевые № 2099, Буртасы мал. № 907, Буртасы бол. № 1908; в Свияжском у. Буртасы № 1496, 1512, Буртасы нижн. № 1511; в Цивильском у. Буртасы № 2772, 2781, 2782; в Ядринском у. Буртасы № 3930, Буртас—касы № 3931“.

[2] *Д. А. Хвольсон*, Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах и руссах... СПб., 1869 г., стр. 19—21.

[3] *Там же*, стр. 73.

[4] *А. Я. Гаркави*, Сказан. мусульм. писател. о славянах и рус., СПб., 1870 г., стр. 133.

[5] *Там же*, стр. 218.

[6] *В. Розен*, Известия Ал. Бекри и др. авторов о руси и славянах, ч. 1, СПб., 1878 г., стр. 61—62.

По существу все эти описания есть не что иное, как описание всей территории и всех народов, соседивших с хазарами и болгарами в то время. Что это именно так, можно думать потому, что ни один из упомянутых авторов не упомянул нигде ни мордву, большой и значительный народ, обитавший на той же территории, о которой идет речь, ни какой другой народ, кроме весьма отдаленных Вису и Русь.

„Буртас" же упоминает в форме „Бур—т—с" еще один источник X в., а именно письмо хазарского Кагана Иосифа, относимое к 961 г.[1] В этом источнике мы одновременно с „Буртас" имеем „арису", в чем видят современную „эрзю".

Между ранними упоминаниями „буртас" у арабов и хазар и следующими упоминаниями их в русских летописных источниках и документах проходит не менее шести веков. За это время на территории Среднего и Нижнего Поволжья могли, конечно, исчезнуть и появиться вновь целые народы, как, например, татары, документы так или иначе об этом сказали бы. Здесь же речь идет о народе „буртасы", который по непонятным причинам в течение этих шести веков отсутствует на страницах наших источников, а затем вдруг появляется в XVI в., чтобы окончательно исчезнуть в XVIII в.

Все попытки Смирнова, а также некоторых других авторов видеть в „буртасах" особый какой-то народ, не выдерживают критики. По Смирнову „буртасы" жили раньше на левом берегу Волги и поэтому в ранних русских летописных источниках не упоминаются.[2] Почему же тогда Ибн-Фодлан, ехавший из-за Каспия, прошедший через земли гузов, печенегов, башкир, нигде не упоминает „буртасов"? Затем, характеристика быта, данная арабскими источниками, вполне соответствует быту лесных охотничьих народов, а отнюдь не степняков-скотоводов. Кроме того, в Заволжье на территории, отводимой Смирновым „буртасам", пока не обнаружено никаких археологических памятников, которые можно было бы связать с „буртасами". Таким образом, для жизни „буртас" остается правая сторона Волги.

Посмотрим, что же на правобережье осталось из археологических памятников от X в. кроме термина „буртас" арабских источников? Здесь преобладают археологические памятники не только X, но и более ранних веков, относимые теперь всеми исследователями только к мордве.[3] На этой же территории Константин Багрянородный (X в.) и русские летописи знают только мордву, а южнее печенегов, хазар и к востоку—болгар и не знают никаких „буртас".

На основании приведенных документов мы считаем возможным и единственно правильным отожествить мордву с „бур-

---

[1] *П. К. Коковцев*, Еврейско-Хазарская переписка в X в., 1932 г., стр. 98—99.

[2] *Смирнов*, Мордва, стр. 49—60.

[3] Армиевский, Лядинский, Ефаевский, Паньжинский, Казбекский и многие другие могильники от V до XIV вв.

тасами". Народ-то один, а наименования различны. Различие же наименования зависит от источников, из которых почерпнуты сведения.

Какими же путями возникли эти два различных имени для одного народа? Арабы—торговцы и путешественники общались с населением правобережья Волги, Приокских районов и районов Закамья через посредство болгар. Непосредственное общение отсутствовало, и даже возникла легенда о том, что туземцы соседних с Болгарией земель уничтожают всех чужеземцев, иногда даже поедая их. Благодаря этим обстоятельствам в арабские источники проникали самые скудные сведения об этих народах. Для болгар же, владычество которых в этих землях было более или менее заметно, все эти народы могли покрываться одним именем: „буртасы". Это наименование тесно связано с существованием „буртасских мехов", „буртасских лисиц", одним словом, с термином „буртасье"—меха, а люди—„буртасы"—охотники, пушники. Меха же являлись, несомненно, главной составной частью „дани", которую болгары брали со своих соседей. Этот общий термин, содержащий одновременно понятие „данники" и охотники-пушники, стал известен и арабам.

При таком толковании термина „буртасы" ясно почему у арабов нет ни мордвы, ни мари, ни чуваш, ни удмуртов. Здесь так же, как в русском „немец", исчезли все существующие наименования народов и выступил лишь один признак—не говорящий на русском языке. То же произошло и в отношении всех народов Волго—Камья, как „данников" болгар, пушников-охотников, названных по характеру основного своего занятия. Болхи подчеркивает, что „буртас"—имя страны, и это надо понимать так, что в этой стране было несколько различных народов. Совершенно аналогично возникновение термина „ясашные", или в XVI в. „новокрещены", которые часто в документах употреблялись без добавления мордва, татары, мари и т. п. В Сибири, вплоть до XX ст., местное русское население называло тунгусов, якутов и др. одним именем „ясашные". Следовательно, термин „буртас" гораздо шире, чем наименование одного народа. Он покрывает также всю мордву, т. к. „буртасская" земля это—вся территория от Оки до Средней и Нижней Волги, т. е. та же территория, где другие источники знают только мордву и не знают никаких „буртасов".

При нашем толковании термина „буртас", как наименования болгарских данников, сюда могли включаться не только мордва, но и некоторая часть степняков-скотоводов. Тогда вполне закономерно упоминание верблюдов в числе домашних животных одного из кочевых племен, но не мордвы. Верблюды же эти—главный аргумент у Смирнова и других исследователей в пользу толкования „буртас", как особого народа, жившего в степной полосе.

„Буртасы"—пушники-охотники также совершенно анало-

гичны „бортникам“ из русских документов. Момент этнический здесь полностью исчезает. Например, выражение: „бортничьи деревни“ не содержит в себе ничего, что бы говорило о национальном составе населения этих деревень. Выражение „мордовских и буртасских деревень“ отнюдь не следует понимать, как понимает Смирнов, как содержащее в себе лишь этнический элемент.

Отсутствие термина „буртасы“ в русских ранних летописных источниках находит соответствующее объяснение при нашем понимании термина. Совершенно естественно, что этот термин появляется в документах XVI—XVII вв., т. е. с момента покорения Казанского царства, где господствовала тюркско-арабская терминология и где „буртасы“ были определенной социальной категорией населения. Последнее положение подтверждается существованием селений с наименованием „буртас“, расположенных преимущественно поблизости от Казани и древнего Булгара. По своему характеру эти деревни можно считать аналогичными „бортничьими деревнями“ русских документов. Впоследствии термин „буртасы“, как чужой для русских, исчезает вместе с исчезновением соответствующей категории населения, получившей в системе русского государства новое наименование. Вряд ли поэтому можно рассчитывать и на то, что где-то на очерченной территории между Окой и Волгой когда-либо археологи найдут памятники, которые можно будет приписать „буртасам“.

Таким образом, „буртасы“ и „мордва“ есть два наименования для одного народа, когда речь идет о мордве, причем с исчезновением последних остатков Золотой орды, с исчезновением господства татарской системы управления окончательно исчезает и сам термин „буртасы“, остается же термин „мордва“, имевший распространение не только в русских, но и других источниках.

Хороший пример одновременного, но различного названия одного народа мы имеем у Н. Я. Марра: „Народ—строитель грузинской общественности, государства и культуры все называли в древности иберами, потом со средних веков перешли на именование у арабов гуджами, на западе георгианами, у русских грузинами.(*Подчеркнуто нами.— П. С.*). Сами же себя ни в древности, ни ныне никогда ни одним из этих названий не именовал, а именовал и именует себя „кортвел'ами“.[1]

Не исключена возможность другого пути возникновения самого термина „буртас“. В тюркских языках наблюдается чередование звуков „М“ и „Б“. Если мы учтем это обстоятельство, то тогда вместо „буртас“ у нас будет „муртас“, что очень близко к термину „мордва“ из русских и других источников, а также терминам „уд-мурт“, „коми-морт“. Таким образом, мы подходим к тем формам (*mar, mer, mor-t, mur-t*), ко-

[1] *Н. Я. Марр*, Собр. соч., т. V, стр. 366.

торые существовали в до-хазарскую и до-болгарскую эпоху, что вполне закономерно, и перешли к тем и другим, но в форме „буртас", с иным значением.[1]

Признавая высказанные выше положения достаточно разъясняющими вопрос о „буртасах", мы считаем неосновательным говорить о мордве и „буртасах", как о двух народах и, тем более, излишним подыскивать „буртасам" каких-то потомков из числа существующих в настоящее время народов, как это делали Смирнов, Сбоев и др.

Со сказанием Иордана (жив. в VI в. н. э.) кончается цепь упоминаний мордвы под этим именем в литературных памятниках. Иордан, описывая державу Германариха, наряду с упоминанием готских племен, говорит и о соседях, находившихся, по его словам, в подчинении у Германариха. Необходимо отметить, что Германарих жил в IV в., а Иордан—в VI в. н. э., т. е. спустя два столетия после описываемых фактов. Поэтому перечисленные племена, а от них до нас дошли только одни наименования, могли стать знакомы Иордану в VI в., частью как современнику, а частью по рассказам. Когда же впервые появился термин „мордва"? Вероятнее всего будет остановиться на дате VI в.

Все это будет верно в том случае, если под *„Mordens"* Иордана мы будем подразумевать мордву. Основания для этого имеются хотя бы в том, что Иордан упоминает одновременно *„Merens"*—соответствующую летописной „мере". Можно думать, что *„Mordens"* касается целого круга племен, близких по языку и материальной культуре. О том, как, когда и где возник этот термин, мы будем говорить несколько позднее.

Теперь рассмотрим исторические основания теории „финского" происхождения мордвы. Этот вопрос, как говорилось выше, вышел далеко за пределы кабинетных рассуждении и приобрел острую политическую окраску, т. к. националистические элементы Финляндии строили на этом свою политику борьбы с Советским Союзом. Прежде всего необходимо уяснить себе, что такое „финны"? Здесь безусловно должно быть различие между „финнами" Тацита и Страбона и „финнами" последующих времен. Тацит писал: „Следует ли певкинов, венедов и финнов причислять к германцам или же к сарматам, я не знаю... финны отличаются необыкновенной дикостью и

[1] На этом вопросе мы задержались несколько больше потому, что до самых последних лет еще живо толкование Смирнова, что мордва и „буртасы"—разные народы. Это толкование нашло себе место в рецензии т. Ледяева (Историк-Марксист, № 4—5, 1940 г., стр. 133), где он говорит: „Автор неправильно отожествляет мордву с другими этническими группами Поволжья, например, с буртасами, несмотря на ряд свидетельств о существовании мордвы, как определенного народа ". В новом учебнике „История СССР" не только в тексте: „Правый берег Волги занимало племя „буртасов", о которых часто говорят арабские писатели" (стр. 63), но и на приложенных картах мордва и буртасы различаются. Авторы последней работы почему-то на одной карте X в. „буртас" помещают, а на другой—соседней и дальше—„буртасы" отсутствуют, хотя документы „буртас" упоминают в XVII в.

отвратительной бедностью". [1] Далее Тацит дает описание вообще дикости и бедности, причем забывает точно указать, где обитали „финны". Несомненно, что они обитали где-то к востоку от германцев, и между ними и певкинами поднимались неведомые горы. Под певкинами обычно подразумевают обитателей острова Певки, расположенного в устье р. Дуная. Как видим, территория мало соответствует местоположению современной мордвы и других „финских" племен. Акад. Шахматов говорит: „*Fenni*—„это не племенное название самих финнов, это имя данное им германцами. От Тацита нас отделяют многие столетия, но и из современных отношений ясно, что „*Fenni*", „*Finni*" это название, данное современным Прибалтийским финнам германцами и принятое от них всем образованным миром; самим финнам это имя чуждо. Происхождение имени „*Fenni*", „*Finni*" до сих пор не выяснено... Племенное название „Финны" перенесено на жившие в Повислиньи финские племена (на Невров) готами с известных Готам по прежнему соседству в Скандинавии Лапландцев; причиной такого перенесения могло быть некоторое сходство в языке". [2]

Как видим, термин „финны" не является самоназванием какого-либо народа, а есть германское наименование, вероятно, народов вообще, обитавших в лесистых или болотистых местах. Только из германских языков можно объяснить термины „Финляндия", „Финмаркен", причем в основе наименования лежат, вероятно, географические признаки. Характерно, что термин „финны" отсутствует у Иордана, у восточных писателей и в русских летописях. Все это многократно подтверждает то, что никаких „финнов", как народа, так себя именовавшего, в древности не существовало, и они не могли быть „пранародом" для современных народов лесной полосы Восточной Европы. „Финны"—термин, проникший в литературу при Таците и Страбоне, приобрел историческое значение в весьма поздние времена, благодаря усилиям буржуазных ученых. Современные „финны" есть не что иное, как жители страны Финляндии, т. е. люди финской нации, как американцы есть жители США. Сложилось же современное население Финляндии из представителей ряда племен, причем некоторые из них ведут свою историю с древнейших времен, но как „суоми", „тавасты", „карелы", а не как „финны".

Итак, ясно, что нет никаких оснований „финнов" считать предками народов, населяющих лесную полосу Восточной Европы, в том числе и мордвы.

В отношении более ранних периодов истории мордвы документальные данные еще скуднее. Эти данные, между прочим, также служили основанием для возникновения многих, порой фантастических, теорий и домыслов, связанных с историей мордвы. Мордву отожествляли с андрофагами, будинами и ге-

---

1 Соч. Тацита, перев. В. И. Модестова, СПб., 1886 г., стр. 41.

2 *А. Шахматов*, К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях, Изв. Академ. Наук, 1911 г., № 9, стр. 718.

лонами Геродота, с аорсами Страбона. Отожествление велось, главным образом, по линии географического совпадения территории современного обитания, данных топонимики и мест обитания древних народов. К этому добавлялись различные лингвистические догадки, построенные на случайных звуковых совпадениях. Например, „аорсы" Страбона через „арса" арабских писателей сближались с наименованием эрзи. Но это сближение оказалось совершенно негодным, когда коснулись довольно подробной бытовой характеристики „аорсов"—народа скотоводческого, жившего около Каспийского моря и занимавшегося посреднической торговлей между рынками Азии и Южной России. [1] Остановимся более подробно на отожествлении андрофагов Геродота с мордвой. Геродот (живший между 484—426 гг. до н. э.) во время своих путешествий побывал на берегах Черного моря в греческих колониях. Отсюда он вывез много интересных сведений о быте скифов, сарматов, а также некоторые сведения о других народах, почерпнутые из рассказов греков-колонистов. Геродот является весьма авторитетным и добросовестным историком своей эпохи, особенно в части, касающейся Причерноморского побережья. Его описания многократно подтверждались и подтверждаются многочисленными археологическими данными. Однако имени мордвы он не упоминает. В его описаниях фигурируют совершенно другие имена, по характеру греческие, которые в настоящее время подвергаются расшифровке.

Согласно описания Геродота, к северу от различных скифских племен, полосой с запада на восток, тянулись земли, заселенные андрофагами, меланхленами, будинами, иирками, фиссагетами. По мнению Ю. Готье будины—финны, т. е. может быть и мордва. „Народ этот,—говорит он,—которого Тацит называет тем именем (*финны.--П.С.*), которое потом за ними укрепилось в истории (??), занимает почти ту же территорию, которую, вдумываясь в известия Геродота, можно отвести будинам". [2] В ответ Готье можно привести мнение Смирнова, который говорит, что, по сообщению Геродота, в земле будинов была греческая колония Гелон и было тесное общение будинов с эллинами. Между тем следов эллинского влияния у мордвы мы не наблюдаем, если не считать одной попытки, слабо аргументированной, сблизить формы одежды мордвы с формами византийскими. [3]. Если говорить о влияниях, то надо допускать это влияние в отношении всех упомянутых Геродотом н е с к и ф с к и х народов, т. к. ко всем им через посредство скифов могли проникать э л л и н с к и е вещи.

В основном сближение мордвы с этими народами велось также по принципу совпадения территории обитания совре-

---

1 *Смирнов*, Мордва, стр. 39.
2 *Ю. Готье*, Железный век в Восточной Европе, стр. 126.
3 *Куфтин*, Матер. культ. русск. Мещеры, ч. 1, М., 1926 г. и *Смирнов*, Мордва, стр. 136. Сближает с „дивистием" византийцев.

менной мордвы и народов Геродота. Попытку сблизить будинов с мордвой вряд ли можно признать удачной.

Значительно больше посвящено работ сближению мордвы с андрофагами, причем подчеркиванием наличия антропофагии у андрофагов предполагалась антропофагия у предков мордвы. Здесь также сближение по принципу географическому. Отличие заключается только в том, что мордву заставляют для древнего периода несколько подвинуться к западу на верховья Оки и Днепра.

Одновременно шло лингвистическое сближение термина „мордва" с термином „андрофаг". А. А. Шахматов дает следующее толкование, используя для этого разыскания В. Томашека: „Андрофаги (людоеды)—это, конечно, греческий перевод того имени, которым скифы называли соответствующее племя. Как же звучало скифское имя? Если это имя было сложное, то первая часть его содержала слово человек, сравни новоперсидское „*mard*", ягнобское „*mordi*," зендское „*mareta*," санскритское „*martu*", вторая часть означала „пожирающего, съедающего"; по-скифски она могла звучать—„*hwar*",—„*hwa*", а все соответствующее скифское слово могло произноситься „*mordhwa*".[1] В последнее время появилось новое толкование термина „андрофаг": „андрофаг" это—какой-то хищный зверь, водившийся в Скифии, получивший такое наименование в устах греков, а по-скифски звучащее как „мартихор" („мардхвар", „мардхва"). Наименование же народа могло возникнуть на основе тотемистической связи народа с тотемом и с перенесением имени тотема на народ. Таким образом, автор считает, что: „народность около скифов могла называться названием дикого зверя, т. е. андрофагами, мортихорами (мардхвар, мардхва). Если так, то клеймо людоедства лежит не на народности, а только на звере".[2]

Далее автор говорит, что наименование „мордва" могло также произойти от ирано-скифской основы, имевшей значение „муж", в форме окающего ирано-скифского языка „мортийо"—человек, через „морто"—„мурьде"—„мирьде". Готы познакомились в момент господства формы „мурьде".[2] Из предложенных толкований термина одно ясно, что он возник не на мордовской основе, ибо тогда он имел бы место в мордовском языке.

Вообще о данных Геродота можно сказать, что они общи и неконкретны, а потому в числе указанных им нескифских народов можно предполагать и мордовские племена, особенно если учитывать территорию, отводимую андрофагам, меланхленам, будинам, иркам, фиссагетам. Ясно, что предки мордвы существовали во времена Геродота, но как они именовали себя сами—это до нас не дошло. Сохранилось же, несомненно, чужое, в данном случае ирано-скифское, наименование „мордв-

1 *Шахматов*, Цит. соч., стр. 716.

2 *Д. В. Бубрих*, Можно ли отождествлять мордву с андрофагами Геродота, см. настоящий выпуск „Записок", стр. 29—32.

ва", по своей основе близкое к кругу наименований народов Волго—Окско—Камского бассейна в формах „*mor—t*", „*mur—t*", „*mer*", „*mar*". Данные Геродота—самые ранние о народах Восточной Европы, особенно северной ее части. Дальше исследователи опирались на данные лингвистики, игнорируя весьма важный материал, а именно: археологический.

С вопросом о происхождении мордвы тесно связан вопрос о месте ее обитания в древности. Значение этого фактора мы видели при разборе и толковании данных Геродота. Обычно вопрос о месте обитания мордвы в древности разрешался при помощи анализа топонимической номенклатуры. В основу клали чисто формальный анализ, причем игнорировали исторические данные. Этот формальный анализ естественно был не в силах решить вопроса правильно. „Финские" и „мордовские" наименования рек, озер, урочищ, селений находили на всей территории Восточной Европы, и отсюда делали вывод, что повсеместно обитала мордва. Безусловно, пребывание того или иного народа на определенной территории оставит свой след в наименованиях окрестностей, но это еще не значит, что эти наименования непременно сохранятся в языке тех народов, которые овладеют этой территорией потом. Вероятнее всего предположить, что наименования будут новыми.

Ярким примером может служить наименование урочища „Полянки" близ с. Паньжа, Ковылкинского р-на МАССР, где расположено мордовское селище XIV в. У мордвы это урочище, вероятно, называлось „Кужа", так как аналогичное же место древнего селища близ с. Парапино, того же района называется „Сире кужа", что в переводе на русский язык означает „Старая поляна". При формальном анализе урочище „Полянки" не было бы признано мордовским, а там как раз расположено древнее мордовское селище.

Топонимика не может дать исчерпывающих данных еще и потому, что каждая территория не носит наименований, объясняемых только из одного языка (напр., окончания „лей", „ма", „ва"), а содержит еще много других (напр., никто не объяснял еще окончания на „ра", хотя эти термины заслуживают особого внимания).

Широкое распространение топонимических терминов, объясняемых из мордовского языка, пытались объяснить особой подвижностью мордвы в прошлом, но эта теория не выдерживает никакой критики.

О трудности использования топонимического материала говорит и Н. Я. Марр: „Мы не можем вносить историзма в доисторические вопросы. Финских разъяснений также нельзя вовлекать в обсуждение, напр., доисторической топонимики края... при той сложности, переплета, которая вскрывается яфетической теорией во взаимоотношениях доисторических и исторических племенных образований, с устранением инородовых вторжений... становится совсем не таким легким делом,

как это могло представиться раньше, определить подлинную, напр., финскую часть в названиях". [1]

Указание Шахматова, Томашека, Бубриха на то, что в термине „мордва" мы имеем основу ирано-скифскую, может быть использовано для подтверждения только одного факта, а именно, что мордва и другие народы, у которых в основе наименования есть „*mer*", „*mar*," „*mor-t*" „*mur-t*", жили очень близко со скифо-сарматскими племенами. Об общении же мордвы с этими племенами говорят частые находки вещей скифо-сарматского характера в древних мордовских могильниках. [2] У сармат же мы, наоборот, встречаем вещи мордовские. [3] Эти факты говорят, что мордва, вероятно, соседила с сарматскими племенами и общалась с ними. Сарматы же обитали в степях Поволжья, Дона и до Днепра. Таким образом, древнюю мордву надо искать где-то к северу от этих степей. Мы ее находим приблизительно на тех местах, где она обитает и в наши дни. На этой территории концентрируются все мордовские древности.

Что касается времен ранее Геродота, то и тогда нет никакой необходимости искать мордву где-то за пределами очерченной территории. Материалы археологические и здесь позволяют установить известную преемственность между вещами, которые можно называть бесспорно мордовскими, и вещами первобытно-родовых общин, которые такого имени еще не имели. Таким образом, автохтонность мордвы на указанной территории доказывается археологическими материалами, и все рассуждения о приходе мордвы с Алтая и других мест следует отбросить.

Подводя некоторый итог, мы, следовательно, можем отметить особую живучесть теории „финского" происхождения мордвы и других народов, дожившей в некоторых работах без оговорок до наших дней. В широких же кругах читающей публики эта теория обращается в простое отожествление древних „финнов" с современными жителями Финляндии по формуле: „Мордва произошла от финнов". На самом же деле как финны Финляндии, так и мордва имеют вполне самостоятельные пути развития, обусловленные конкретными историческими обстоятельствами.

Со своей стороны мы предлагаем следующую схему возникновения и развития мордовского народа, как такового, а не историю наименования „мордва" и не историю мордовской культуры. Наша схема далека от совершенства и является лишь слабой попыткой по-новому осмыслить весь накопившийся материал и сложнейший исторический процесс возникновения и развития народа, как общественного организма, с древнейших времен до X в. н. э., когда исторические документы

---

[1] *Н. Я. Марр*, Собр. соч., V, стр. 304.

[2] Армиевский могильник и др., некоторые городища.

[3] *П.Д. Степанов*, Изделия из дерева, в курганах Сусловского курганного могильника, Учен. Зап. Сарат. Госуд. Ун-та, т. IV, в. 3, Саратов, 1925 г.

БИБЛИОТЕКА

ясно и определенно начинают отмечать отдельные этапы дальнейшей истории мордвы.

На Восточно-Европейской равнине как в степной, так и в лесной полосе, в эпоху неолитическую, весьма длительную по времени, жили люди. Эти люди оставили нам свои орудия труда и места обитания. (Говоря только о Восточно-Европейской равнине, мы не представляем жизнь на ней совершенно изолированно от Средиземноморья, Сибири, Зап. Европы).

На территории между Окой, Волгой и верховьями Дона, где с X в. н. э. бесспорно обитает мордва, имеется также некоторое количество неолитических стоянок.

Занятия человека в то отдаленное время были сильно обусловлены характером природных условий, поэтому в лесной полосе материальной базой существования человека были: охота, рыболовство и собирание съедобных растений. В это время первобытная община обитает на дюнах в речных долинах и по берегам рек. Орудия труда, служившие одновременно и оружием, делались из дерева, камня и кости. Было знакомо обитателям неолитических стоянок и гончарство (но без гончарного круга), следы которого в виде обломков глиняных горшков встречаются повсеместно. По форме посуда была круглодонная и имела ямочный и гребенчатый орнамент. Общественный строй того времени определяется как первобытно-общинный, с общественной собственностью и кровно-родственной связью, со счетом родства по материнской линии. Возможна для данной эпохи уже фратриальность в системе родовых отношений. Но она могла возникнуть и существовать значительно позднее, уже во время металла. Сущность ее заключалась в том, что разросшиеся первобытные рода, в силу необходимости, делились на несколько новых, которые впоследствии во фратрии получили возможность нового объединения в племенной организм. Всякое племя, по словам Моргана, состоит из „пары родов меньше двух родов не бывает ни в одном племени".[1] Дальше он набрасывает схему превращения рода в группу родов, объединение их во фратрии. „Фратрии же образуют племя, члены которого говорят на одном диалекте".[2] В другом месте он отмечает, что: „фратрия" имела особую военную организацию, особую одежду и знамя...[3] Вместе с тем: „Фратрия не имела функции управления..."[4]

Остатки такого, вероятно, фратриального устройства сохранились у мордвы в виде парности наречий.[5] Это явление, об-

---

1 *Л. Морган*, Древнее общество, стр. 59.
2 *Там же*, стр. 59.
3 *Там же* стр. 58.
4 *Там же*, стр. 58.
5 Мы полностью отрицаем существование у мордвы племени „Терюхан" и „Каратаев". Таких племен не было. Существуют национально-обособленные группы, возникшие в последние 5—6 столетий, к числу которых следует отнести Терюхан, Каратаев, а также „Шокшу". Возникли они на мокшанской и эр-

щее всем народам Волжско—Окско—Камского бассейна, и потому должно быть отнесено ко временам весьма отдаленным, когда в общественном устройстве людей было больше универсализма. Такой эпохой и была описываемая, когда возникали этнические образования того типа, как их определяет Н. Я. Марр, [1] т. е. в форме первоначального скрещения языков отдельных родовых групп, что получалось в связи с дроблением древнего рода, объединением во фратрии и племена. Свидетельством былых общественных отношений у мордвы являются религиозные воззрения, в которых главная роль принадлежала женщине: „Вирь-ава", „Ведь-ава", „Куд-ава" и т. д. Даже появившиеся, возможно, позднее „Вере-пас" и др. „Пасы" часто осмысляются как нечто среднее между мужчиной и женщиной, а иногда, как женский образ. Возникновение таких религиозных воззрений возможно объяснить только из признания у мордвы первобытно-общинных отношений с матрилинейной системой. Удерживались у мордвы долго в быту и такие персонажи, как семейные „жрицы"—женщины, являвшиеся ничем иным, как пережитком тех же отдаленных времен. Такие женщины—„жрицы" участвовали в свадебном обряде, принося жертву „Юрт-аве" и совершая молитву „Ведь-аве" после первой брачной ночи. На моляне „Бабань-каша" разрешалось присутствовать только женщинам.

От эпохи же матриархальных отношений осталось представление об особой роли брата—покровителя женщины. При совершении свадебного обряда у мордвы невеста обращается к брату как к „кормильцу" и говорит: „кормилец, братец, не сердись на меня несчастную, хлеб-соль на столе твоя была". [2] В терминологии родства, по словам Смирнова, „мордва не выработала специальных терминов для обозначения кровных отношений, соединяющих мальчика или девочку с кем-либо из взрослых: сын обозначается тем же словом, что и всякий молодой человек вообще, дочь тем же словом, что и всякая девушка... мордва различает, далее, не степени родства, а отношения возраста". [3] Такая терминология типична для такого общества, где точно известна мать, а отца определить невозможно, и все родственники делились на группы старше и моложе лица говорящего.

зянской основе и отразили в своих наименованиях, языке и материальной культуре черты своей исторической жизни. Наименование „Каратаи" возникло в болгарско-татарской среде и характеризовало определенную группу мордвы, находившуюся в особом подчинении у Болгар и Татар. Наименование могло возникнуть из форм „кара"—черный и „*тиш*"—род—,т. е. нечто, близкое „черным людям" русских документов. Факты такого рода отмечаются многими исследователями в отношении покоренных народов и класса зависимых людей.

Артамонов, Очерки древнейшей истории Хазар, 1937 г., стр. 80—81. „Кара—джур", „Кара—джу", „Кара—будун"—(черная кость, черный народ). „Терюхане"—эрзя—жители Терюшевской вол. „Шокша"—результат скрещения мокши и эрзи.

[1] *Н. Я. Марр*, Собр. соч., т. V, стр. 345.

[2] *Майнов*, Очерки юридич. быта мордвы, 1885 г., стр. 64, 84, 98.

[3] *Смирнов*, Мордва, стр. 142—143.

Особо интересным является сохранившийся у мордвы специально девичий праздник, где главная роль принадлежала исключительно девушкам, а мужчины занимали пассивное положение, являясь гостями. Приводя все эти примеры пережитков стадии матриархата в быту мордвы, мы далеки от мысли делать обобщения такого типа, что жители неолитических стоянок есть мордва. Кровно-родственная матриархальная община является той универсальной формой, о которой мы говорили выше, и потому одинаково характерна для мордвы как и для всех прочих народов земного шара.

На базе кровно-родственных матриархальных объединений, со всеми вытекающими отсюда формами общественных отношений промежуточного порядка, возникают затем патриархально-родовые коллективы, где вместе с возникновением счета родства по мужской линии, меняется весь общественный строй. Изменение общественного строя находилось в тесной связи с изменением производительных сил. Энгельс говорит, что „... приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения".[1]

На территории, занятой мордвой, сохранилось некоторое количество памятников, относящихся к эпохе бронзы. Находки на них свидетельствуют о том, что человек овладевал искусством обработки бронзы, но продолжал еще широко использовать в быту поделки из камня и кости. Широко было распространено гончарство, но опять-таки без круга. Форма посуды изменилась, получили распространение плоскодонные сосуды. В качестве украшения стали применять орнамент, сделанный путем нарезок и всевозможных чеканов. Население продолжает жить по берегам рек и занимается в основном охотой, рыболовством и собирательством съедобных растений. В конце эпохи появляется скотоводство, о чем говорят некоторые исследователи: „... во второй половине II тысячелетия до н.э. в Волго-Окском Крае происходит известная нивеллировка различных в хозяйственном и культурном отношении племен рыболовов-охотников и скотоводов-земледельцев и повсеместный переход к патриархальным отношениям".[2] Вероятно, широким распространением в это время пользуется из домашних животных лошадь, корова, хотя находки костей их редки и незначительны. Кости свиньи могут принадлежать диким кабанам. На конец же эпохи падает, по словам П. Н. Третьякова, возникновение древнейших городищ, которые „восходят к средине и даже к началу первого тысячелетия до н. э., появляясь на грани эпохи бронзы и раннего железа вместе с укреплением патриархального строя".[3]

Предки мордвы продолжали еще жить в виде первобытных

---

1 *Ф. Энгельс*, Происх. семьи, част. соб. и госуд., Партиздат, 1937 г., стр. 70.
2 *О. Н. Бадер*, Первобытн. х-во на Оке... Вестн. Древн. Ист., № 3, 1939 г., стр. 116.
3 *П. Н. Третьяков*, Краткие сообщения, V, стр. 12.

общин, матриархальных, но уже переходящих в патриархально-родовые. Патриархальный строй достигает своего развития у них в более позднее время и совпадает с распространением городищ с „рогожной керамикой". Патриархат оставил в быту мордвы господство мужчины в семейных и общественных делах. Возникли мужские божества, в противовес божествам—женщинам, возникли религиозные обряды, связанные с жертвоприношениями домашних животных: „Айгор-озкс", „Бука-озкс" и др., где участвовали только мужчины. С момента возникновения патриархальных отношений, с момента развития скотоводства, можно говорить о возможности возникновения определенных религиозных представлений. Жреческие функции в обрядах, за исключением указанных выше, оставшихся в руках женщины, полностью перешли в руки мужчины.

Нам хотелось бы отметить одну характерную деталь религиозных воззрений мордвы, а именно: отсутствие у нее общественных молянов, связанных со свиньей. Никогда в недавние времена свиное мясо и свинья, как жертвенное животное,— не употреблялось во время обрядов, она как бы выпала из круга животных, участвующих в религиозном культе мордвы.

Правда, у некоторых групп мордвы, в частности у „Шокши", есть кое-какие намеки на какую-то особую роль свиньи. Мы имеем в виду обычай вешать в чулане (кухне), налево от входа, на брусе, нижнюю челюсть свиньи. [1] Объяснение этому явлению дается в такой форме: „чтобы водились свиньи". Можно думать, что свинья была сначала объектом охоты и была приручена мордвой, как местное животное. Корова же и овца являются импортными и первоначально фигурировали, как редкие животные, в обрядовых действиях. Поэтому возникли специальные моляны: „Бука-озкс" и др., в которых непременно принимало участие все население первобытной патриархальной общины. Время приручения свиньи определить трудно, приручить ее могли значительно позднее, на стадии уже развитого скотоводства, а до того она попадала в пищу человека как дикое животное.

Вопрос о проникновении скота: лошади, коровы, овцы на мордовскую территорию, к сожалению, не освещен в литературе. Ясно, что скот проник к предкам мордвы уже приручен-ным из южных степей, где кости домашних животных, в частности коровы и лошади, в большом количестве встречаются в погребениях бронзовой эпохи. Интерес представляет выяснение вопроса о способе получения скота лесными жителями у степняков. Здесь может быть только два пути: захват во время военных столкновений и обмен. И тот, и другой путь одинаково использовались. Первоначально скот мог не разводиться, а поступал, если можно так выразиться, в „готовом виде", т. е. его получали или мирным путем, или с боем и, как добычу, съедали с соблюдением соответствующих обрядов

[1] По сообщению т. Маскаева А. И. Он это наблюдал в Теньгушевском районе МАССР.

всем коллективом. Затем стали часть скота сберегать и таким образом возникло скотоводство, как таковое. Период получения „готового" скота мог длиться весьма долго.

Скотоводство у мордвы развилось поздно, об этом может свидетельствовать тот факт, что мордва так и не выработала у себя хорошо развитого способа полного использования молочных продуктов. Следовательно, скот в течение веков служил как мясная пища. Под „хорошо развитым способом полного" использования молока мы разумеем способ скотоводов-кочевников: башкир, казахов, калмыков и др.

Бронзовую эпоху, сомкнувшись с ней, сменила эпоха железа, с особым развитием скотоводства в лесной полосе, с развитием земледелья и с большим оформлением родоплеменной организации. Характерной особенностью эпохи является возникновение на описываемой территории укрепленных мест— городищ. Дата возникновения поселений подобного типа всеми исследователями определяется первым тысячелетием до н.э., но распространение они получают несколько позднее. Возникновение поселений подобного типа обусловлено изменением форм хозяйства, что повлекло изменение структуры общества.

Родовая община все больше и больше прикреплялась к определенной территории, что влекло за собой возникновение родовой собственности на землю, на пастбища, которые стали необходимы для развивающегося скотоводства. Эта родовая собственность значительно отличалась от родовой собственности эпохи матриархата. Эта собственность имела тенденцию к перерастанию в частную собственность, ибо развитие скотоводства влекло за собой развитие частной собственности как на скот, так и на пастбища для этого скота.

В лесной полосе однако происходила некоторая задержка как в развитии скотоводства, так и в развитии частной собственности. Далекие предки мордвы в эту эпоху только закреплялись на определенной, вероятно, ограниченной бассейном какой-либо реки, территории и здесь продолжали жить патриархально-родовыми общинами. Эта территориальная обособленность повлекла за собой известную культурную обособленность. Поэтому у Геродота мы уже имеем наименования пяти народов или племен: андрофаги, меланхлены, будины, иирки и фиссагеты. За этими пятью именами скрывалось значительно большее количество племен с особыми названиями, в том числе и мордва, наименования которых не дошли до нас. Данные Геродота хронологически совпадают со временем развития культуры городищ Дьякова и Городецкого типа и потому приобретают особое значение в деле характеристики быта обитателей этих городищ. Наметившаяся локализация родоплеменных групп на определенной территории хорошо прослеживается затем на археологических памятниках начала нашей эры. П. Н. Третьяков дает карту „локальных групп археологических памятников начала нашей эры" и приходит к

выводу, что таких групп существует несколько. Мы остановимся на двух последних, из которых одна—в верхнем Поволжье базируется на городищах „дьякова типа" с „сетчатой или текстильной керамикой" и „... наконец, ниже устья Оки, в области западного Приволжья располагается еще одна локальная группа городищ, названная В. А. Городцовым группой городищ „городецкого типа", известная также под именем группы городищ с „рогожной" керамикой. Нет никаких сомнений, что в дальнейшем, после соответствующих исследований, эта группа разобьется на ряд самостоятельных подразделений". [1]

Таким образом, на территории между Окой и Средней Волгой прослеживается какой-то археологический культурный комплекс, который впоследствии должен разбиться на несколько обособленных групп. Должны ли мы этот культурный комплекс понимать как нечто этнически обособленное и основу будущих этнических групп? Для Геродота какие-то, вероятно, различия существовали, поэтому у него есть андрофаги, меланхлены, будины и т. п. У этих племен уже есть национальные особенности, которые, однако, весьма незначительны; общее же всем: охота, скотоводство. Прошло много веков, прежде чем возникли действительно национальные различия, которые нашли отображение в вещах мордовских могильников.

Последняя „локальная группа", по терминологии Третьякова, располагается как раз на территории современного распространения мордвы. Но можем ли мы обитателей городищ с „рогожной" керамикой называть мордвой? Пока еще нет, но это самые близкие предки мордвы.

„Обширная площадь, заключенная между течениями р. р. Оки и Средней Волги, орошаемая их притоками Цной и Мокшей, Сурой и др., изобилует памятниками разного рода, не выходящими за пределы двух тысячелетий нашей эры. Громадное большинство из них обнаруживает взаимную культурную связь... Весь этот обширный комплекс памятников имеет в своих отдельных частях лишь небольшие локальные различия. Это позволяет говорить о принадлежности его нескольким родственным племенным образованиям, в которых следует видеть предков мордовского народа". [2] Нам кажется, что указанную дату—начало нашей эры, установленную В. В. Гольмстен для памятников указанной территории, можно несколько отодвинуть, и она как раз совпадает с датой возникновения и развития городищ с „рогожной" керамикой, т. е. со срединой первого тысячелетия до н. э.

К этому же времени следует отнести возникновение соответствующей терминологии, в среде иранской, с основой *„mer"*, *„mar"*, *„mor-t"*, *mur-t"* для всех народов, обитавших к северу от скифов. Народы, с указанной выше основой в наименовании,

---

[1] *П. Н. Третьяков*, Некоторые вопросы этногонии восточного славянства, Крат. сообщ., V, 1940 г., стр. 14.

[2] *В. В. Гольмстен*, Надземные погребения в среднем Поволжье, Кратк. Сообщ., V, стр. 56.

как раз все размещаются на территории, очерченной П. Н. Третьяковым для двух последних „локальных групп памятников". [1]

Что нам оставили обитатели городищ с „рогожной" керамикой и позднейших? Прежде всего сами городища, расположенные довольно густой сетью по берегам больших и малых рек: Оки, Мокши, Суры, Иссы, Алатыря и др. В культурном слое этих городищ мы находим всегда массу костей домашних животных: лошади, коровы, овцы; кости диких животных: медведя, лося, кабана; „...найдены обломки каменных зернотерок, серповидные железные ножи, обломки железной мотыжки, небольшой железный молоток, стрелки и др. предметы. Большое количество орудий сделано из кости и рога животных... Найдены хорошей отделки шлифованные костяные стрелки, гарпун и бо́льшое число проколок и костяных вязальных игл..." [2] Все это—орудия населения, занятого охотой и скотоводством. Геродот говорит о фиссагетах и иирках: „фиссагеты племя многолюдное и особое; живут они охотой. Рядом с ними в той же местности живет народ, называемый Иирками; они также промышляют охотою". [3] И далее следует описание охоты, где обязательно участвует лошадь и собака. Лошадь по числу костей на городищах типа Теньгушевского и других занимает первое место. Присутствие же собаки определяется тем, что многие кости из культурного слоя носят следы собачьих зубов.

Далее исследователь Теньгушевского городища говорит: „Гончарное ремесло было хорошо известно населению Теньгушевского городища. В широком употреблении была керамическая посуда, которая изготовлялась тут же на месте, без применения гончарного круга, лепилась от руки... Наиболее распространенным орнаментом был т. н. сетчатый..." [4] Помимо этого: „...необходимо отметить металлическое призводство... Железо выплавлялось на месте сыродутным способом, свидетельством чему являются находки железных шлаков и криц... Известно было также литье. В культурном слое землянки № 3 были найдены небольшие застывшие натеки—капли красной меди; кроме того были найдены глиняные льячки, шлакированные обломки тиглей и литейные формочки для отливки мелких бляшек". [5]

Весь перечисленный инвентарь и другие предметы, найденные на городище, прекрасно характеризуют население го-

---

[1] См. карту в работе П. Н. Третьякова.

[2] *Е. И. Горюнова*, Раскопки Теньгушевского и Нароватовского городищ в 1939 г., Кратк. сообщ., V, стр. 77.

[3] *Латышев*, в. 1, стр. 17. Любопытно упоминание Аристотеля (жил. 384—322 гг. до н. э.)„... в Амис также привозится извнутри материка очень белый и густой мед, который пчелы делают без сотов на деревьях; такой же мед встречается и в других местах в Понте". Вероятно речь идет о бортном пчеловодстве, которое имело затем широкое распространение у мордвы (*Семенкович*, Гелоны и мордва, М., 1913, стр. 85.).

[4] *Е. И. Горюнова*, Цит. соч., стр. 77—78.

[5] *Там же*, стр. 78.

родищ со стороны производственной. Кроме того на городище же были найдены остатки жилища в виде „землянок округлой формы... диаметром до 3,75 м и глубиной до 1,30 м". Также были найдены длинные землянки длиной до 11 м, шириной до 3 м, глубиной до 1,30. „Каждая землянка (*длинная.*—П. С.) имела по несколько глинобитных очагов и, возможно, была разделена на несколько ячеек, в которых помещались отдельные члены родовой общины". [1]

Таким образом, перед нами памятник, оставленный патриархально-родовым коллективом, который входил в какую-то более широкую племенную организацию, объединенную общностью форм материальной культуры, языка и общественного устройства. Памятники подобного типа не однообразны на всем протяжении своего тысячелетнего существования. Меняется как прием сооружения самих городищ, так и другие стороны жизни человека того времени. Поздние городища датируются VI—VII вв. н. э. Одновременно с ними существуют поселения открытого типа, которые связываются исследователями с развитием земледелия. Такого типа поселки продолжали существовать у мордвы в течение продолжительного времени. [2]

К первым векам н. э. относятся некоторые могильники, принадлежность которых мордве не вызывает никаких возражений со стороны многих исследователей, напр., Армиевский, Сергачский, Иваньковский, на основании материалов захоронения которых мы можем говорить о религиозных воззрениях мордвы

Археологические материалы этого времени в сочетании со свидетельствами исторических источников (Иордан говорит о „*Mordens*") подводят нас к тому моменту, который можно считать начальным в истории мордвы, как народа. Но здесь мордва опять-таки выступает единой только в представлении соседей—поэтому у нее единое наименование, но чуждое ее языку. В собственном же сознании и во внутри-племенном быту продолжает существовать разобщенность, достигшая, вероятно, большой глубины. В сознании мордвы и в наши дни сохранилось понятие: „мон мокшан", „мон эрзян", т. е. я—мокша, я—эрзя, являющиеся ничем иным, как пережитком определенной стадии общественных отношений. [3]

---

1 *Е. И. Горюнова*, Цит. соч., стр. 76.

2 Селище „Полянки" XIV в. Раскопки Горюновой 1940 г. *Н. Харузин*. Знамена у мордвы XVI—XVII в., Тр. этн. отд. Изв. О—ва любит. естест., антроп., этногр., 1900 г. Автор приводит данные о поселениях XVII в.

3 Со своей стороны мы предлагаем следующее объяснение термина „мордва" и условий его возникновения и бытования.

В представлении соседних племен мордва всегда выступает как один народ, о чем свидетельствует единое наименование „мордва". В этом имени заключен какой-то особый смысл, уже не знакомый мордве, но характеризующий ее с какой-то определенной стороны и выделяющий из среды других племен. Какой же это признак и где и когда возникло наименование „мордва"?

Наименование это, как говорят все языковеды, возникло в ирано-скифской среде в то время, когда иранцы соседили с мордовскими племенами. Оно гос-

Консолидация родоплеменных коллективов, начавшаяся много веков назад, повела к тому, что оформились ярко этнические признаки мордвы в языке и материальной культуре. Процесс консолидации ускорялся борьбой с иноплеменниками, гл. обр. со степняками: скифами, сарматами, племенами, входящими в состав хазарского и болгарского царств, но вместе с тем он у мордвы задерживался и, в силу ряда обстоятельств, шел медленнее, чем у соседних народов. Столкновения с соседями оставили неизгладимые следы в быту, языке мордвы. Выявление этих черт—задача будущих исследователей.

Мы считаем началом этнического обособления эпоху городищ. К средине I тысячелетия н. э. мордовский культурный комплекс сложился и имеется в вещах мордовских могильников этого времени.

В эпоху возникновения первых феодальных государств на территории Восточной Европы мордва находилась в стадии патриархально-родового строя, существование которого было обусловлено уровнем производительных сил, которые, несомненно, находились в большой зависимости от тех условий, в которых жила тысячелетиями мордва, являясь автохтонами на территории, очерченной нами выше. Мордва медленно меняла свой образ жизни, не ломала его, не передвигалась с места на место в силу разных причин, а главное потому, что занятая ею территория вполне обеспечивала ее всеми необходимыми жизненными ресурсами и защищала от глубокого вторжения врагов. Имелись налицо все обстоятельства для задержки развития производительных сил и отставания в развитии производственных отношений, т. е. происходила консервация общественных форм и быта. Мордва в своем общественном развитии не перешагнула форму родоплеменных организаций к тому моменту, как вступила в сферу влияния феодальных государств—хазарского, болгарского и русского. Яркую картину быта мордвы (под именем буртас) дает для этого времени Ибн-Рустэ.

подствует, вероятно, с древнейших времен, преимущественно на территории обитания скифских, а затем сарматских племен, проникает в литературу через готов, которые также находились на скифо-сарматской территории и переходит к славянам, оказавшимся в Поднепровье, т. е. на той же скифской территории. Таким образом, этот термин имеет определенное длительное существование на определенной не мордовской территории. Поэтому-то этот термин не вошел в мордовский язык и является для него чужим. Что же послужило причиной возникновения такого наименования и есть ли в самом термине данные для расшифровки? Мы считаем, что термин „мордва"—сложный и состоит из части *mor* или *mor—t*—человек, народ, люди, муж и *tuwa* (*tuwo*)—свинья. Первая часть бесспорно всеми лингвистами считается переходной из иранских языков в том же значении, а о второй части можно сказать, что она появилась в мордовском языке после начала ирано-скифского влияния, т. е. в то время, когда мордва жила рядом со скифо-сарматскими племенами. Следовательно, не будет ничего удивительного, если этот термин будет также иранского происхождения, тем более, что у западных финнов наименование свиньи—*sika*. Основой для возникновения такого наименования, несомненно, послужило то, что мордовские племена в основном питались свининой. Последнее подтверждается

„Нет у них верховного главы, который бы управлял ими, и власть которого признавалась бы законною; есть у них в каждом селении только по одному или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих распрях. Настоящим образом подчиняются они царю хазар".

„Земля их просторна и обилует лесистыми местами. На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги. Вера их похожа на веру Гузов. Собою они стройны, красивы и дородны. Если один из них обидит другого, или оскорбит, или поранит ударом или уколом, соглашения и примирения между ними не бывает, прежде чем понесший вред не отомстит обидчику".

„Девица у них, когда войдет в лета, перестает повиноваться отцу, и сама, по желанию своему, выбирает себе кого-либо из мужчин (для сожития с ним), пока не явится к ее отцу жених, который сватается за нее, и если нравится отцу, то получает от него дочь в замужество".

„Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду; главное же богатство их состоит в куньих мехах"

„Одни из буртасов сожигают покойников, другие их хоронят. Земля, ими обитаемая, ровна, а из деревьев чаще всего встречается в ней хелендж. Занимаются они и землепашеством, но главное их богатство составляет мед, меха и куньи и мех вообще. Страна их как в ширину,так и в длину простирается на 17 дней пути". [1]

Эта цитата подтверждает высказанные нами выше положения о богатствах мордовской земли, о существовании родовых отношений со старшинами во главе родовой общины и с родовой местью, о занятии охотой, скотоводством и частично земледелием.

Феодальная власть Хазарии, Болгарии и Руси поработила мордовский народ, и этот гнет, тянувшийся более тысячелетия, мордва могла сбросить лишь в результате победоносного завершения Великой Октябрьской революции.

наличием огромного количества свиных костей на городищах и селищах, относящихся ко времени соседства мордвы со скифо-сарматскими племенами. Это обстоятельство и могло послужить к возникновению у соседей наименования, означающего „свиноеды". Вероятность возникновения такого наименования подтверждается также тем, что иранцы-скифы, по словам Геродота, не только не употребляли свинины, но считали свинью нечистым животным. Следовательно, у них естественно могло возникнуть указанное наименование в форме „мортува"—свиноеды, по характерной особенности мордовских племен—по употреблению ими в пищу свиного мяса. О широком распространении наименований, построенных по этому принципу, говорят наименования, приводимые там же Геродотом в греческой форме: „Гиппофаги"—конееды, „Галактофаги"—млекоеды, „Андрофаги"—людоеды и др. Так как у нас не греческая форма наименования, то естественно отсутствует окончание „фаги",—т. е. поедающие, пожирающие, все же остальное вполне соответствует принципам построения наименования племен во времена господства скифо-сарматов.

Таково наше объяснение возникновения термина „мордва".

[1] *Д. А. Хвольсон*, Изв. о Хазар., Буртасах, Болгарах..., СПб., 1869 г., стр. 19—21.

Давая свою „схему", мы не собирались давать истории древнейшего периода в жизни мордвы, поэтому многие факты нами не приводятся, хотя они нам известны. В нашу задачу входило показать, что никакого „финского" „пранарода" у мордвы не было, и не могла она говорить на „прафинском" языке. Также не было никакой далекой „прародины", откуда бы мордовский народ мог „притти". Сложился мордовский народ из множества родов и племен, как сложились все другие народы не только Советского Союза, но всего земного шара. Все национальные особенности мордвы: язык, материальная культура, общественный строй есть следствие определенных исторических условий существования, а не есть нечто данное каким-то „пранародом". Поэтому при изучении истории мордвы мы должны руководствоваться марксистско-ленинской методологией, а все „прафинские" и другие подобные антинаучные теории отбросить в сторону.

Проф. Д. В. Бубрих.

Можно ли отождествлять мордву с андрофагами Геродота

Венский ученый В. Томашек в работе *Kritik der âltesten Nachrichten über den skythischen Norden* (*Sitrungsberichte der K. Akademie in Wien*, CXVII) развил следующую теорию. Греческий историк Геродот (V в. до н. э.) упоминает к северу от скифов, восточнее Днепра в верхнем его течении, некую народность андрофагов, т. е. „мужеедов, людоедов". Приводимое Геродотом название можно считать переводом скифского названия. Если принять в расчет, что по крайней мере часть скифов говорила на иранских, т. е. близких к персидскому, языках (это ясно из дошедших до нас скифских собственных имен и отдельных слов), то скифское название могло звучать как мардхвар, мардхва от мард „муж, человек" и хвар „есть". Это мардхвар, мардхва чрезвычайно напоминает русское мордва. Весьма вероятно, по В. Томашеку, что одно и то же скифское название было, с одной стороны, переведено греками как андрофаги, а с другой стороны, сохранено русскими как мордва. Таким образом, по В. Томашеку, открывается возможность отождествлять мордву с геродотовскими андрофагами.

Эта теория была „усовершенствована" финляндским ученым Х. Паасоненом в работе *Die sogenannten Karatai-Mordvinen* (*Journal de la societi Finno-Ougrienne*, XXI). Х. Паасонен из этой теории сделал вывод, что мордва в геродотовские времена людоедствовала, и постарался этот свой вывод подтвердить, охарактеризовав мордву как народность особенно дикую и даже в относительно поздние времена практиковавшую людоедство. Получилась теория В. Томашека—Х. Паасонена.

Эта „усовершенствованная" теория весьма крепко вошла в обиход буржуазной науки.

Следует посмотреть, что эта за теория.

Прежде всего, необходимо снять „усовершенствование" Х. Паасонена. Теория В. Томашека сама по себе не дает основания обвинять мордву в людоедстве. В самом деле. Греки знали о некоем водившемся в Скифии хищном звере, которого называли андрофагом. Случайно до нас дошло и скифское название этого зверя, именно мартихор (мардхвар,

мардхва). Так как на стадии тотемизма этнические названия обычно являются названиями тотема, а название тотема чаще всего является названием животных, то та или иная народность около скифов могла называться названием дикого зверя, т. е. андрофагами, мортихорами (мардхвар, мардхва). Если так, то клеймо людоедства лежит не на народности, а только на звере.

А теперь можно заняться и теорией В. Томашека без пасононовского „усовершенствования".

В. Томашек изволит использовать для своего построения только чрезвычайно поздно засвидетельствованный русский вариант того названия, которым называли мордву соседи, именно русское мордва. Но разве нет ранее засвидетельствованных вариантов этого названия? Есть. У греческого историка Константина Порфирогенета (X в.) мы находим название страны Мордиа. У готского историка Иорданеса (VI в.) мы находим название народности морденс, которое выходит к IV в., когда готы имели государство на Черном море и были в тех или иных сношениях с мордвой. Название морденс у Иорданеса представляет собою косвенную форму от мордий. Не приходится сомневаться, что чем раньше засвидетельствовано название, тем оно ближе к своему первоначальному звучанию. **Ва** в русском мордва следует рассматривать как позднейшее добавление, сделанное, вероятно, по ассоциации с литва и т. п. (ср. старое татарва и т. п.). В греческом и готском вариантах такого **ва** нет. Его не было, конечно, и в первоначальном звучании.

Совершенно ясно, что название мордва не имеет никакого отношения к скифскому мордхвар, мордхва в целом.

Таким образом отпадает основание отождествлять мордву с геродотовскими андрофагами. Кто именно были андрофаги — неизвестно. Быть может, андрофагов и совсем не было, или Геродот что-нибудь смешал. Геродот писал о Скифии преимущественно на основании сведений из чужих рук. Наряду с более или менее достоверными сведениями он поэтому дает немало сведений и баснословных.

Оставим геродотовских андрофагов и займемся вещами достоверными — греческим названием Мордия и готским мордий. Эти названия, несомненно, имеют отношение к мордве. Греческое название, надо думать, непосредственно или опосредствованным образом восходит к готскому мордий. Последнее уже надо возводить к более раннему мурдия: всякое **ор** (с кратким **о**), как это известно из грамматики готского языка, восходит к **ур**. Источником мурдия служит откуда-то взятое готами мурьдь...

Что такое мурьдь... сказать нетрудно. Это — мордовское слово. В мордовской речи „**и**" перед мягким согласным часто восходит к „**у**". Так, эрз. ниркине возникло из нурькине, кирьвастемс из курьвастемс и т. д., диал. эрз. визирь из вузирь (узере), вилимс из вулимс

(улемс) и т. д. Как свидетельствуют за-мордовские связи мордовских слов, эрз. мокш. рисьме получалось из русьме, эрз. сырьне из сурьне и т. п. В этом плане надо указать, что, как свидетельствуют за-мордовские связи мордовского слова, эрз. мокш. мирьде получилось из мурьде. Это мурьде значило „муж".

Итак, готы слыхали, как мордовские воины или торговые люди обращались к своей среде так: мурьде „муж", мурьдьть „мужи", и поняли это как название народности. Быть может, и у самой мордвы данное слово в своем употреблении некогда приближалось к этническому термину. Тут надо вспомнить, что в марийском языке марий значит не только „муж", но и „мариец".

Слово мирьде, раньше мурьде „муж" не является „исконно мордовским" словом. Известно, что в мордовскую речь проникло весьма много ирано-скифских элементов. Проникали они в мордовскую речь чрезвычайно долго: со II-го тысячелетия до н. э. до первых столетий после н. э. Хронология в данном случае определяется с ирано-скифской стороны, ибо мы знаем, как когда звучало какое ирано-скифское слово. Среди прочих ирано-скифских слов в мордовскую речь вошло и слово со значением „муж". Принимая в расчет известные для таких случаев звукосоответствия, мы должны сказать, что в мордовском мирьде, раньше мурьде закономерно отражается весьма раннее и притом принадлежавшее окающему ирано-скифскому языку мортийо „человек".

В ирано-скифской речи мортийо „человек" было производным от морто в том же значении (а морто в свою очередь производимым от более простого слова). Повидимому, в мордовской речи имеет отражение и ирано-скифское морто. М. Е. Евсевьев сообщил пишущему эти строки, что в некоторых мордовских селениях употребляется слово морда в значении „серый, отсталый человек". В звуковом отношении это слово соответствует ирано-скифскому морто. Что касается значения, то, как известно, слова со значением „человек", если применяются по отношению к той или иной социальной или территориальной группе людей, могут отражать социальную оценку, положительную или отрицательную. В данном случае приходится считаться с последней. Ср. различное употребление русских человек, люди в прошлом. Нелишне отметить, что ирано-скифское морто получило достоверное отражение в пермских языках (удмуртск. мурт „человек", коми морт „человек"). Такое же ирано-скифское слово, но только из акающего ирано-скифского языка, именно марта, в номинативе ед. ч. мартас, получило отражение в прибалтийских языках (финск. маррас, в XVI в. еще мардас „существо мужского пола").

Как видно, историю названия мордва приходится объяснять следующим образом.

1) В окающих ирано-скифских языках существовало м о р т и й о „человек".

2) Это слово попало в мордовскую речь в закономерном виде м у р ь д е, позднее м и р ь д е, со значением „муж".

3) Готы познакомились с мордовским словом еще тогда, когда оно звучало как м у р ь д е. Это слово у готов отразилось закономерно как м о р д и й—со значением названия мордвы. От готов данное название усвоили и греки (М о р д и а).

4) По той же линии появилось и позднейшее русское м о р д в а, где в а отражает, по всей видимости, ассоциацию с л и т в а и т. п. (ср. старое т а т а р в а и т. п.). Геродотовские андрофаги во всем этом оказываются не при чем.[1]

---

[1] Пишущий эти строки обращается к читателям „Записок" МНИИСК с просьбой сообщить следующие сведения:

1) В каких именно местностях и в каком именно значении встречается слово м о р д а или м у р д а или м о р д о или м у р д о.

2) Не встречается ли где-нибудь и, если встречается, то в каких именно местностях и в каком именно значении эрз. м у р д о в, мокш. м у р д у и т. п.

3) Не встречается ли где-нибудь и, если встречается, то в каких именно местностях и в каком именно значении эрз. м у р д а в а, мокш. м у р д а в а или м р д а в а и т. п.

Сведения следует посылать по следующему адресу: Ленинград, 136, Лахтинская 19, кв. 3. проф. Д. В. Бубрих.

Е. И. Горюнова.

Поселения, жилища мордвы XIV—XVI вв.

Вопрос о древних поселениях и жилищах мордвы чрезвычайно осложняется скудостью источников. Известия путешественников, имевших случай лично наблюдать жизнь мордвы, крайне отрывочны и поверхностны.

Археология в прошлом также мало или вовсе не уделяла внимания изучению бытовых памятников. Места открытых поселений обнаруживаются значительно труднее. Если ранние укрепления-городища легко опознаются даже не специалистами и пользуются широкой известностью среди местного населения благодаря заметным для неопытного взгляда искусственным защитным валом, открытые селища обычно мало заметны.

Еще в XIX столетии большая часть мордовской территории была покрыта лесом. Многие ранние селища, замаскированные зарослями деревьев и кустарников, были трудно доступны для открытия.

В настоящее время, благодаря тому, что большая часть примокшанской территории обезлешена и подвергается распашке, многие памятники обнажились и получили известность. Новые задачи, которые ставятся современной наукой перед историками культуры, направляют деятельность археолога на путь исследования не только ранних, но также и поздних бытовых памятников—селищ.

Работами археологических экспедиций Мордовского Научно-Исследовательского Института 1936—1940 гг. положено начало систематического изучения поселений мордвы XIV—XVI вв. Небольшой еще материал позволяет однако сделать уже некоторые предварительные обобщения и выводы. Выводы эти до некоторой степени подтверждают и иллюстрируют те схемы, которые были предложены исследователями финского жилища (*Hei Kel, Petzius*) и др. [1]

В ранние периоды интересующей нас эпохи (XIV—XV вв.), когда усилившаяся с половины XIV в. русская колонизация не приняла еще стихийных размеров, основная масса мордвы сидела на исстари принадлежащих ей землях, в глубине большого лесного массива. Он простирался, почти непрерывно,

[1] *Н. Харузин*, Очерки истории развития жилища у финнов, М., 1895 г.

от рек Кудьмы и Пьяны на севере до полосы степей б. Пензенской и Симбирской губерний.

Там, в чащах труднопроходимого чернолесья, на больших и малых лесных полянах, ютились небольшие деревушки мордвы, иногда состоящие всего из нескольких домов.

Один из первых путешественников, посетивших Россию (в половине XVI столетия), следующим образом описывает эту область: „К востоку и югу от р. Мокши лежат огромные леса, в которых обитает мордва, народ, говорящий особенным языком: (они) живут разбросанными селениями, обрабатывают поля..."[1]

Характерно, что в районах, лежащих ближе к Волге, там, где мордва испытала влияние болгар, татар и русских и раньше и быстрее пережила распад патриархально-родовых отношений, уже в XIV в. она селилась большими поселками деревенского типа, члены которых объединялись соседскими отношениями крупной сельской общины. Такие поселения ничем не отличались по своему внешнему виду от русских деревень.

Однако общность рисунка родовых знаков собственности—клейм отдельных хозяйств—свидетельствует об общности происхождения, о родственной связи обитателей поселка. Большие мордовские деревни являются, таким образом, поселением разросшейся и расселившейся семейно-родовой общины.

В более глухих районах, в глубине мордовских лесов, где надолго сохранились, как бы законсервировались, устои патриальхально-родового быта, сохранился и древний обычай селиться небольшими поселками, обитатели которого связаны были узами кровного родства. Поселки эти заключали не более нескольких домов и имели характер маленьких лесных хуторов. Память о таких лесных поселках, разбросанных на лесных полянах, сохранилась в названиях современных мокшанских селений, имеющих окончание „кужа", что в переводе на русский язык означает „поляна".

Говоря о типе лесных поселений мордвы, нужно упомянуть о так называемых „зимницах". Описание этого рода поселений мы нигде не встречаем, но по ряду косвенных упоминаний можем судить об их характере. Упоминания о „зимницах" имеются в платежницах, окладных и межевых книгах, а также в известиях летописца. Последний источник, относящийся к XIV в., повествует, что князь Борис Константинович напал на мордву „и села и погосты их и зимницы пограбиша".[2]

Это свидетельство летописи показывает, что зимницы являлись не временным приютом какого-нибудь зверолова-промышленника, как их обычно толковали, но имели, повидимому, какое-то хозяйство, которое можно было „грабить".

В документах XVI—XVII столетий зимницы упоминаются в

---

1 *Герберштейн* (1517—1526 гг.), Записки о московских делах.

2 *А. Гераклитов*, Мордовские зимницы, стр. 3—5.

платежных списках, как определенная доходная статья, как окладная единица при определении окладов плательщиков казенных податей, причем их отграничивали от сел и деревень. Этот тип поселений ближе стоит к хуторам с заимками.

В актах XVI в. „зимницы" связываются с полянами: „И от ям раменьем к безымянной поляне к трем березам с одного корени, а от березы подле Ольховского вражка, что против мордовской зимницы, а полянка Зелецинскому ухожаю".[1]

За зимницами числились пашни; при них имелись, повидимому, гумна, житницы, запасы зерна, домашний скот. А. Гераклитов публикует один документ (Древнехранилище № 7514) из фонда писцовых книг „список с книг Нижегородского уезду государевых, дворцовых, бортных, оброчных и посопных, сел и деревень, письма и дозору Василия Федор. Борисова да подъячего Третьякова Абрамова лета 7096 году".

После описания села старых Синбилей на речке Озерки мы читаем: „да того же село зимница на Пумерском ручею Волгомасовская, пашни перелогом две чети в поле, а в дву потому же, земля добра".

Дальше, после описания гарей, „полянка Калжен под бором зимничная, на ней пашни пашут и сено косят; да поляна зимничная".[2] Таким образом, „зимницы" можно считать маленькими, разбросанными хуторками, скрытыми в лесных дебрях.

Возникновение зимниц относится к ранним периодам истории мордвы. В одном из документов, опубликованном Н. П. Лихачевым и приводимом А. Гераклитовым, говорится: „Добрые люди великого князя, давая перед судьями свое показание о принадлежности спорных земель к Гороховской волости, между прочим указывали, что исстари были тут зимницы Раменских деревень на убежища от татар".[3]

Можно привести еще множество документов, упоминающих зимницы наряду с селами, деревнями и пашенными полянами.

Несмотря на это, многие авторы рассматривают мордовские зимницы как жилища промышленников, временную стоянку.[4]

Сходное мнение высказывает проф. И. М. Катаев. Он пишет: „Мордва, пограничная с Муромом и Нижним, хотя и живет в лесной местности, но представляется народом земледельческим. У ней были села, окруженные хлебными полями и выгонами для скота, и еще какие-то „зимницы", дающие, как кажется, представление о полуоседлом, полукочевом образе жизни".[5]

В результате археологических обследований, произведенных

---

1 Действия Нижегор. Уч. Арх. Ком., т. XIV, стр. 37—38.

2 *А. Гераклитов*, Мордовские зимницы, стр. 1—5.

3 *Там же.*

4 *А. Е. Любимов*, Исторический обзор адм.-территор. устройства Пенз. губ. Материалы по райониров. и организации Средне-Волжской обл., вып. II, Самара, 1925 г.

5 *И. М. Катаев*, К вопросу о культурном состоянии населения Приокского бассейна в VII—XIII вв. в связи с проблемой „об особом начале" для Великорусской истории. Сборн. О—ва Ист. Фил. и Соц. наук при Пермском ун—те, вып. II, Пермь, 1927 г.

в области средней Мокши, мы имели возможность познакомиться еще с одним типом мордовских поселений интересующей нас эпохи.[1]

Долине рек Мокши и Суры свойственен дюнный рельеф поймы. Гряды аллювиальных наносов заполняют собой низменную пойму, представляя собой ряд плоских незатопляемых возвышенностей, являющихся очень удобными при выборе мест поселений вблизи реки. Несколько поселений, относящихся к XIV—XVI векам удалось обследовать первой археологической экспедиции в 1936 году в пределах Ковылкинского, Рыбкинского и Краснослободского районов МАССР. В результате этого обследования удалось нанести на карту ряд неизвестных ранее мордовских поселений, которые показывают, что район этот некогда был значительно гуще заселен мордвой.

Вблизи заштатного русского города (ныне села) Троицка было обследовано 4 мордовских селища, находящихся в радиусе полукилометра одно от другого: селище Шоломок, Шанголовка, Б. и М. Аристовы селища. Селище Шоломок расположено на плоской треугольной задернованной площадке невысокого песчаного холма, на левом берегу р. Мокши. По преданиям, некогда кругом находился непроходимый лес.

Размеры селища незначительны. Обитаемая часть, содержащая культурный слой и следы жилищ—воронкообразные провалы, сосредоточена была в южной части площадки. Северная ее половина служила, очевидно, загоном для скота.

Расположение жилищ напоминает план расположения землянок на ранних городищах той же области: вокруг центрального строения располагались на равных расстояниях довольно симметрично 4 жилища.

В культурном слое селища были найдены обломки грубой глиняной посуды, свидетельствующие о низкой технике ручной вылепки сосудов.

Глиняное тесто, плохо промешанное, с примесью крупного песка и дресвы.[2] Орнамент на большинстве обломков отсутствовал. Лишь на некоторых обломках был нанесен острием палочки грубый и простой ямочный орнамент, опоясывающий в один ряд шейку сосуда. Из бытовых предметов керамического производства были найдены обломки глиняных пряслиц.

В списке фаунистических остатков нужно отметить кости домашних животных: лошади, коровы, овцы, свиньи и домашней водоплавающей птицы. Список диких охотничьих животных невелик и количественно уступает домашним. Найдены кости лося, медведя, бобра, дикой свиньи и незначительный процент костей хищников.

---

1 Экспедиция Мордовского Научно-Исследовательского Института и Музея 1936 г. под руководством Е. И. Горюновой и совместная экспедиция ИИМК Акад. Наук СССР и Мордовского Научно-Исслед. Института и Музея.

2 Дресва—мелко толченые черепки глиняной посуды, которые замешивают в глиняное тесто при вылепке глин. посуды.

Повидимому, преобладающее значение в хозяйстве насельников Шоломка имело скотоводство, которому благоприятсвовала окружающая поселение природная обстановка.

Ограниченные задачами обследования, раскопки не позволили в должной мере изучить детали бытовой обстановки селища.

Наряду с надземными бревенчатыми постройками, у мордвы бытовали в это время жилища переходного типа—полуземлянки. Примеры такого типа жилищ дают нам М. и Б. Аристовы селища, расположенные на правом берегу р. Мокши, против селища Шоломок, в полукилометре от берега реки.

Оба селища расположены примерно в четверти километра одно от другого. Каждое селище занимает плоскую вершину большого песчаного бугра, имеющего покатые склоны. При закладке одного из шурфов в центре Большого Аристова селища удалось обнаружить правильную четырехугольную яму глубиной около 1,5 метра и шириной 3,70 м с открытым очагом посредине.

Надземная часть жилища представляла, повидимому, конический шалаш, обмазанный глиной и засыпанный землей. Следов крупных деревянных креплений обнаружить не удалось, но были найдены куски глиняной обмазки. Такой тип полуземлянок широко известен повсеместно.

В современной русской деревне можно часто наблюдать полувырытые в землю бани с бревенчатым накатником, засыпанным землей.

Раскопками 1940 г. удалось во всех деталях исследовать этот тип поселения, который бытовал у примокшанской мордвы еще в XIII—XIV вв.

К этому периоду относится исследованное близ села Паньжа, Ковылкинского района селище Полянки. Селище представляет из себя маленький поселок, расположенный на лесной поляне, на вершине невысокой пойменной дюны. Площадь его крайне незначительна. Обитаемая часть поселка, вместе с загоном для скота, занимала всего 1600 кв. метр. В центральной его части находилось 5 жилых построек, расположенных без особого порядка.

Жилища устроены по одному общему плану и представляют собой следующую конструкцию. Стены жилого дома складывались, повидимому, из бревен и обмазывались снаружи слоем глины. Куски найденной в культурном слое обмазки сохранили на обратной стороне следы отпечатков дерева.

Точных размеров жилища установить не удалось. Однако измерения темного пятна, совпадавшего очевидно с обнесенной стенами площадью жилища, показывают длину в среднем около 5 метров при ширине около 4-х метров. Таким образом, жилая площадь равнялась 20 кв. метрам. Все жилища вытянуты с севера на юг. В центре жилой площади, или в ее северной части, было вырыто прямоугольное углубление, в среднем 2 х 3 м. У восточной стенки этой земляной ямы, ближе

к юго-восточному углу, находилась глинобитная печь, устьем своим обращенная на запад. В том же юго-восточном углу находился спуск в яму, состоящий из 2-х земляных ступеней.

Между ямой и стенами дома оставался земляной выступ шириной около метра и более. Дно ямы, углубленной в землю на один метр, было заполнено землей, насыщенной всевозможными органическими остатками с большим количеством золы и углей. Тут же найдено много мелких осколков костей животных, кости и чешуя рыб, битая керамика и другие бытовые предметы.

Трудно решить вопрос, служила ли описанная яма подпольем при досчатом настиле пола, или пол был земляным, и окружающий яму выступ служил нарами для спанья.

Имея в виду сыпучесть песчаного грунта, первое предположение кажется нам более основательным. Принимая его, получает объяснение земляное возвышение, оставленное под основанием глинобитной печи.

Досчатый пол не сбивался, а просто настилался на землю. Такой досчатый настил вполне возможен в жилищах селища Полянки.

Небольшой глинобитный очаг имел, возможно, сходство с чувалом у манси, или походил на глинобитную печь с устьем.[1]

Такой тип печи дало одно из жилищ того же селища. Печь имела вверху круглое отверстие для выхода дыма. К сожалению, глинобитная печь—сооружение очень непрочное, и при отсутствии подпорок в виде стен быстро разваливается и теряет свою форму. В летнее время пользовались открытыми кострищами вне жилища. Следы их найдены на том же селище Полянки.

Одновременно с описанным типом мелких родовых поселений, которые сохранились как архаизмы вплоть до XVI—XVII веков, мордва имела более крупные по размерам поселения деревенского типа, с которыми мы имели возможность познакомиться в результате археологических работ 1939 года.

Археологической экспедицией 1939 года было обследовано одно из таких селищ, которое датируется несколькими монетными находками XVI—XVII вв. Судя по характеру и мощности культурного слоя, длительность его бытования вряд ли превышала столетие. Следовательно, крайние даты его существования могут быть намечены довольно точно в рамках середины XVI и первой половины XVII столетия.

Селище находится на расстоянии около 1 километра от села Кураева, Теньгушевского района МАССР и в 3-х километрах от реки, на выравненной плоскости правобережья р. Мокши, заполненной песчаными наносами. В северо-восточном направлении от современного эрзянского села песчаные наносы образуют вытянутую в северо-северо-западном направлении гряду протяженностью около 3-х километров, вдоль северо-

[1] *Н. Харузин*, Очерки истории развития жилища у финнов. Приложения, рис. 42—43.

западного ее склона находится заболоченная низина с небольшим озерком.

Рельеф местности указывает на то, что некогда здесь находился небольшой ручей, имевший сток в Мокшу, протекавшую ближе к селу.

Наибольший интерес представляло исследование жилища, часть которого попала в первый из заложенных раскопов, а часть была срезана выемкой карьера. Жилище это, погибшее от пожара (как возможно и весь поселок), представляло небольшой дом, сруб с глинобитной печью в углу. Настил пола состоял из тесаных досок. Верхние перекрытия были, повидимому, уничтожены огнем. Расположение домов не имело правильной планировки. Усадьбы располагались группами, воспроизводя тип более ранних родовых поселений. Выравнивание плана мордовских деревень начало производиться по постановлению царского правительства лишь с половины XIX столетия.

Той же экспедицией 1939 года был обследован еще один тип поселений, который по своей культурной стратиграфии вполне идентичен с описанным выше Кураевским селищем, но имеет ряд внешне отличительных особенностей, заслуживающих быть отмеченными.

Обследованный район в окрестностях районного села Теньгушева представляет собой сильно расчлененную холмистую местность, прорезанную в разных направлениях балками и оврагами.

По собранным сведениям многие из этих оврагов являлись руслами пересохших рек, исчезнувших после вырубки леса. В XVI—XVII веках весь этот район был покрыт непроходимыми дубовыми лесами с густым подлеском из кустов орешника, которым и сейчас одеты склоны многих холмов. В реках водилось много рыбы, а в лесах еще с полвека назад можно было встретить крупную дичь.

В первые века нашей эры один из холмов был использован предками современной мордвы для укрепленного поселения (Теньгушевское городище). В тех же условиях стремился поселиться мордвин и в позднейшее время.

Беглой рекогносцировкой было выявлено несколько поздних поселений мордвы, разбросанных в радиусе 2—3 километра от Теньгушевского городища на холмах и мысах, схожих с городищенскими (напр., Сакаевское селище). Интересно, что и современные мордовские деревни, расположенные по правому высокому берегу р. Мокши, своим внешним обликом как бы повторяют тип древних городищ. Таково село Пургасово, Старо-Кадомское городище, деревня Баево, Башкирцы и многие другие (в Теньгушевском районе МАССР и в Кадомском районе Рязанской области). Все они расположены на высоких выступах берега, стрелкой своей обращенных к реке. Более старые усадьбы расположены без особого порядка, и только позднейшие постройки как бы выравнивают улицу. Тип таких по-

селений весьма архаичен и по нашему мнению мало претерпел изменений в течение многих столетий.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам.

Реконструкция поселений мордвы XIV—XVI вв., сделанная на основании имеющихся в нашем распоряжении преимущественно археологических материалов, дает нам в основном два типа.

Первый—небольшой родовой поселок, лесной хутор, заимка, „зимница", состоящая из нескольких домов. Хозяйство поселка земледельческо-скотоводческое, в его самых примитивных формах. Большое значение в экономике имеют лесные промыслы: охота и бортничество.

Жилищем служили полуземлянки квадратной формы, но частично имелись и наземные бревенчатые срубы с плоской, одно или двускатной крышей и глинобитным очагом.

Характерно, что этот тип поселений встречен в таких районах, где поверхностные слои почвы представляют мощный слой аллювиальных песчаных наносов и где земля даже при интенсивной обработке малоплодородна. Культурный слой этих поселений дает остатки дикой фауны, кости домашних животных, керамику, преимущественно ручной вылепки, и некоторое количество покупной посуды (татарской или русской). Поселки этого типа встречаются группами. Группа, которую нам пришлось наблюдать (экспед. 1936 г.) на р. Мокше, состояла из 5 поселков, расположенных один от другого на расстоянии от 0,25—0,75 километра.

Второй тип представляет собой более развитый деревенский поселок, жители которого связаны соседскими отношениями вполне сложившейся сельской общины.

Примером такого поселения может служить Кураевское селище и Рыбкинское селище (1936 г.). Жилищем служил бревенчатый дом с глинобитным очагом. В хозяйстве ведущую роль играло скотоводство и земледелие. Лошадь применялась как тягловая сила.

В культурном слое содержатся остатки керамики двоякого рода:

1. Остатки посуды древнего пережиточного типа, лепленой от руки, с грубыми толстыми стенками.

2. Посуда, сделанная при помощи гончарного круга, стандартного образца, с поясом из нескольких параллельных линий, расположенных в верхней трети горшка.

Вопрос о хронологических рамках бытования различных типов поселений пока еще не ясен. Наиболее архаичные типы поселений местами доживают, как пережитки, до XVI века и сосуществуют одновременно с развитыми поселениями деревенского типа.

Е. И. Горюнова.

К истории ткачества у мордвы

(По археологическим материалам)

Ткачество у мордвы имеет большую историю. Уже ранние памятники, которые мы с большой долей уверенности можем отнести к предкам мордвы,—места поселений—городища первых веков до и начала нашей эры содержат в своих культурных слоях многочисленные доказательства знакомства их насельников с искусством прядения и ткачества. Последнее было развито чрезвычайно широко. Среди вещевых находок солидное место по количеству занимают глиняные пряслица, которые играют роль грузиков и надеваются на деревянное веретено.

Эти пряслица очень сходны с современными, но менее стандартны по форме и часто украшены вдавленным по глине рисунком.

В пряжу шла шерсть и растительное волокно. Какого рода и вида волокнистые растения были известны местным аборигенам, пока мы решить не можем. Повидимому, наиболее древним можно считать знакомство с крапивой, стебли которой употреблялись многими народами.

Стебли крапивы широко использовались народами западной Сибири. Однако низкое качество крапивного волокна, грубость и малая прочность крапивной ткани не упрочили ее место в хозяйстве. Знакомство с коноплей полностью вытеснило крапивное волокно.

Когда произошло это знакомство и самостоятельно ли предки мордвы узнали и окультивировали дико растущую коноплю—вопрос будущих исследований.

Известно пока, что родиной этого растения является западная Азия и Индия, где его разводили на волокно и масло уже задолго до н. э. Повидимому, дико растущая конопля имела значительно больший ареал распространения. Она встречается как сорняк и на Кавказе, и в зап. Сибири, и в Казахстане. Конопля в Мордовии, повидимому, одно из древнейших культурных растений и прочно вошла в быт мордвы.

К моменту возникновения укрепленных поселений—городищ, т. е. уже за несколько веков до нашей эры, мы имеем свидетельства повсеместного знакомства населения с ткачеством.

Черепки глиняной посуды, которую лепили от руки, имеют явные отпечатки грубой ткани, рогожного плетения, которую могли приготовлять на станках самого примитивного устройства. Таким примитивным ткацким станом является вертикальный стан, который до недавнего времени был в употреблении у народов зап. Сибири.[1]

Это крайне несложное сооружение состояло из двух вбитых на некотором расстоянии друг от друга в землю кольев, третья палка служила перекладиной. На ней то и укреплялись нити основы, к нижним концам которых подвешивались отвесы—глиняные грузики. Повсеместные находки таких грузиков, имеющих то форму боченка, то шарика, то катушки, говорят о том, что вертикальный стан был широко известен в это время (первые века до и после н. э.).

Повидимому, к средине первого тысячелетия конструкция ткацкого стана уже изменилась. От вертикальной основы, которая давала возможность получать ткань грубого рогожного переплетения нитей, перешли к горизонтальному натягиванию нитей основы.

В могильниках V—VII вв. н. э. мы встречаем остатки ткани, свидетельствующие о значительном усовершенствовании ткацкого стана, позволяющие разнообразить рисунок ткани введением новых технических приемов ткачества. В ткань в целях украшения стали иногда вплетать металлические „горошины" (Борковский могильник).

К концу первого тысячелетия, благодаря дальнейшим усовершенствованиям ткацкого стана введением нескольких подножек, позволяющих варьировать комбинации нитей основы, стали вырабатывать узорные ткани.

Так, например, в могильнике X—XI вв. (Томниковском) были найдены остатки ткани типа „браных". Находят также части одежды, шитой из ткани в „елочку". Однако наиболее распространенным приемом оставалось так называемое „гроденаплевое" плетение нитей, сохраняющее в принципе прием рогожного плетения. Таким, по преимуществу, сохранился мордовский холст и до современности.

Грубые ткани вырабатывались из посконного волокна; волокна конопли, тщательно обработанные и хорошо отбеленные, позволяли ткать чрезвычайно тонкие холсты, мало уступающие по своему качеству льняным.

Когда и где впервые вошел в обиход лен, мы пока не знаем. По данным этнографии нам известно, что из льняных холстов шились лишь нарядные, праздничные одежды. В повсеместном же обиходе попрежнему употреблялся посконный холст и холст из конопли.

В экономике мордовского хозяйства прядение и ткачество

---

[1] Изделия остяков Тобольской губ. Объяснительный указатель к коллекции изделий остяков Тобольской губ., Тобольский губ. музей., Тобольск, 1911 г.

до XVI века, до развития сети внутренних рынков, продолжали оставаться узко потребительским семейным ремеслом.

Материал для изучения истории ткачества у мордвы дают нам те археологические остатки, которые мы получаем при раскопках памятников материальной культуры. Материал этот пока еще, несомненно, фрагментарен и до сих пор не подвергался настоящему исследовательскому анализу. В настоящее время, благодаря интересным опытам химического и микроскопического анализа незначительных остатков ткани, поставленных лабораторией консервации и реставрации А. Н. СССР, вопрос об истории ткачества и истории культурных растений получает более прочные научные обоснования.

Систематическое лабораторное изучение археологических материалов, добываемых при раскопках, поможет в самом недалеком будущем восстановить историю ткацкого ремесла у мордвы.

Не менее интересным является вопрос о красителях. Известно, что мордва, как и многие народности Поволжья, пользовалась для окраски пряжи самодельными растительными красителями. Так, например, дрок давал желтую краску, зеленый мох, мятлиха и многие другие растения также использовались в сочетании с естественными кислотами, как красители. Чистота и яркость красок, их большая устойчивость заставляют придавать их исследованию чисто практический интерес.

Восстанавливая лабораторным путем первоначальную окраску нитей, удается определить и краситель. Летом 1940 года Мордовским Научно-Исследовательским Институтом совместно с Институтом Истории Материальной Культуры было исследовано 2 памятника в Ковылкинском районе, относящихся к XIV столетию.

Лабораторный анализ незначительных фрагментов пряжи и ткани, найденных при погребениях Паньжинского могильника, дал чрезвычайно интересные результаты для характеристики хозяйства мордвы этого времени.

Приводим протокол лабораторных анализов, произведенных В. Д. Петровым в лаборатории консервации и реставрации Академии Наук СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Анализ археологических образцов из раскопок в Мордовской Автономной ССР.

Образцы волокнистых веществ из Паньжинского могильника (раскопки 1940 г.).

Из погребения № 7 Паньжинского могильника на анализ поступило три образца волокнистых веществ: кусок тонкой ткани, сильно спрессованное войлокообразное вещество и незначительный фрагмент ткани, извлеченный из под золотой подвески. По поручению Мордовского Научно-Исследовательского Института при передаче материала научный руководитель экспедиции Е. И. Горюнова просила обратить особое внимание на то, не найдется ли следов волокон конопли, о широком применении которой в Мордовской АССР сохранились многочисленные исторические указания.

1. Кусок тонкой ткани неправильной формы, размером около 5×7 см, несет на себе остатки превращения в окислы бронзовых или медных украшений и частично сам пропитался окислами меди. Ткань почти черного (черно-коричневого) цвета, довольно плотная, не разрушающаяся при прикосновении, при выемке из почвы не была фиксирована. Первоначальное переплетение нитей хорошо различимо. По одному из краев сохранилась кромка, показывающая переброс нитки утка справа налево.

Ткань выполнена в гроденаплевом (или „полотняном") переплетении нитей основы и утка; ее раппорт слагается из двух нитей основы и двух нитей утка. В среднем на 1 см ткани падает по 17 нитей основы и 17 нитей утка, что позволяет отнести ткань к группе тонких и плотных. Несовпадение размеров петель на кромке говорит о приготовлении ткани на примитивном ручном ткацком станке.

Толщина отдельных нитей (подсчет велся по наименее деформированным нитям в центральной части образца) колеблется от 0,45 до 0,55 мм. Крутка нити как в основе, так и в утке односторонняя, направлена против часовой стрелки (так называемый „виток влево"). В каждой нитке заключается в среднем от 75 до 85 волокон шерсти.

Отдельные волокна шерсти в поле зрения микроскопа в проходящем свете имеют темный зеленовато-оливковый тон.

Толщина волокон относительно мало меняется от 19 микрон до до 36 (38) микрон с подавляющим господством толщины в 21—23 микрона. Вариационная кривая толщины одновершинна, круто поднимается вверх, достигает максимума на 22 микрон., несколько менее круто падает к 29 микрон.; большей толщины достигают лишь единичные волокна. Шерстинки с внутренним каналом вовсе отсутствуют. На поверхности волокна покрыты хорошо сохранившимися чешуйками, ширина которых не достигает диаметра шерстинки. Верхние концы волокон стерты, нижние срезаны. Эти признаки позволяют установить, что на ткань использовалась шерсть достаточно выровненная по штапелю, по толщине относящаяся к группе средних, но приближающаяся к тонким, овечья (но не ягнячья) стриженая (но не щипаная). Это в свою очередь свидетельствует о том, что в эпоху, когда была изготовлена рассматриваемая ткань, местное овцеводство стояло уже на значительной высоте и развивалось по линии тонкорунных сортов. К сожалению мы не располагаем в настоящее время сравнительным материалом по хорошо датированным образцам шерсти овец с мордовской территории различного возраста и не можем говорить о деталях процесса сортообразования на месте. При накоплении данных возможно будет поставить на очередь вопрос о том, шла ли выработка сортов рунной овцы непосредственно на месте без влияния гибридизации или под влиянием облагораживания путем введения чуждых местному сорту кровей.

Первоначально волокно оставляет впечатление, что оно было окрашено в темнозеленый цвет. Однако микрохимический анализ показывает, что впечатление это ошибочно. После обработки отдельных нитей в микропробирке, расплавленным фенолом, при температуре в 100^0 получается васильково-синий раствор, что говорит о применении кубового индигового крашения. Мельчайшие кристаллы индиго, растворяющиеся в пиридине с темносиней окраской, можно получить непосредственно из нагреваемой нити. Если бы первоначальная окраска нитей до ее загрязнения была зеленой, мы должны были бы ожидать, что нить, после извлечения индиго фенолом, приобретет более или менее интенсивный желтый цвет, потому что в народном старинном крашении, использовавшем естественные красители, зеленый цвет шерсти достигался в результате двойного крашения, сперва в желтый цвет каким-либо желтым красителем, обычно принадлежавшим к группе флавонов, а затем в синий, путем проведения через индиговый куб. В этих случаях после экстракции фенолом на волокне остается один желтый краситель, в данном же случае такового обнаружить не удается. Поэтому зеленый цвет, который имеет шерстяная ткань, правильнее всего объяснить наложением на первоначальный синий цвет дополнительного желтовато-коричневого, получившегося за счет загрязнения гумусовыми растворами почвенных вод. Исходный тон выкраски был более или менее темносиний.

Самое окрашивание было проведено не иранским или остиндским индиго, которое дает иную окраску фенольного экстракта, а кубом, заложенным на местной вайде (или „крутике" старинных славянских рукописей) из семейства крестоцветных *Jsatis tinctovia L.* Процесс крашения не достигал еще большого совершенства, о чем свидетельствует неполная равномерность окраски на протяжении одной и той же нити. Крашению подвергалась не шерсть как таковая, а уже готовая пряжа. В противном случае мы должны были бы наблюдать неравномерную окрашенность отдельно волокон шерсти при равномерной средней окрашенности всей нити, чего на самом деле нет.

2. Расслаивающееся на пластинки войлокообразное вещество представляет собой не шерстяной войлок, а шерстяную кудель. Об этом говорит размещение волокон, в значительной мере расположенных параллельно друг другу, а не петлеобразно перепутанных между собой, как это имело бы место при разбивании шерсти на струне перед свойлачиванием ее. По морфологическим признакам шерсть из кудели не отличима от шерсти из описанной выше ткани. Окрашено волокно не было.

Отсутствие подробных сведений об условиях находки не позволяет делать заключения, попала ли кудель в погребении случайно, или была вложена нарочито. Возможно, что она представляет собой остаток подкладки какой-либо части одежды, но во всяком случае не является остатком валеного изделия.

3. Следы ткани, извлеченные из под золотой привески. Ткань очень хрупкая, сохранилась значительно хуже, чем в образце № 1. Разрушенность образца не позволяет выделить сколько-нибудь крупные участки поверхности ткани. По признакам волокна шерсть этой ткани тождественна с волокном шерсти образца № 1. При рассматривании под микроскопом в проходящем свете отдельные участки волокон имеют черно-зеленый цвет. При экстрагировании расплавленным фенолом дает слабое синее окрашивание.

Насколько позволяет судить плохо сохранившийся образец, ткань № 3 не отличима от ткани № 1 и также была окрашена одной вайдой (*Jsatis tinctoria L.*).

Общее заключение.

В XIV веке овцеводство местного населения, обитавшего в районе Паньжинского могильника, стояло на значительной высоте, и с баранов настригалась шерсть достаточно выровненного по толщине штапеля, приближающегося по типу к тонкому или, во всяком случае, к хорошим сортам среднего (максимум средней толщины отдельных волокон падает на 21, 22, 23, мм). В пользу того, что описываемая шерсть была местного, а не привозного происхождения, говорит находка некрашенной шерстяной кудели с теми же признаками волокна. Синее кубовое крашение готовой нитки производилось за счет местного кра-

сителя—вайды *Jsatis tinctoria L.*, но не достигала большого совершенства.

Пряжа ткалась на примитивном ручном станке, причем выделывалась ткань большой тонкости и плотности (17×17 нитей на 1 см). Ткань имела простое гроденаплевое переплетение нитей. Признаки шерстяной нити: толщина от 0,45 до 0,55 мм, виток нити „влево" (против хода часовой стрелки); нить содержит от 75 до 85 элементарных волокон шерсти.

В. Петров.

25.XI.1940 г. Ленинград. Лаборатория консерв. и реставрац. АН СССР.

Т. Купряшкин.

Мордовия накануне первой русской революции 1905—1907 гг. [1]

Землевладение в Мордовии накануне 1905 года

Мордовия принадлежала к числу таких районов царской России, где помещичье и монастырское землевладение сохранилось гораздо в большой степени, чем в других районах страны. По данным „Статистики землевладения 1905 года" вся земельная площадь Мордовии равнялась 2459351 десятине, которая по категориям землевладения распределялась следующим образом: [2]

ЗНАЧЕНИЕ СТРОК	Колич. зем. угодий в десятинах	В % % к общей площади
А. Земли в частной собственности	603577	24,5
Б. Земли казны, церкви и учреждений	532474	21,6
В. Надельные земли	1323300	53,9
Итого	2459351	100

Из таблицы видно, что на долю крестьянства приходилось немногим больше половины всех земельных угодий, тогда как

1 Настоящая работа представляет собой главу из подготавливаемой к печати работы „Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовской АССР".
В современную территорию Мордовской АССР в основном вошли 4 уезда бывшей Пензенской губернии (Инсарский, Краснослободский, Саранский, Наровчатский), 2 уезда бывшей Тамбовской губ. (Темниковский, Спасский), Ардатовский уезд бывшей Симбирской губернии и часть Лукояновского уезда. Эти уезды мы и берем в основу освещаемого материала.

2 Таблица составлена на основе данных „Статистики землевладения 1905 г.", губ.: Пензенская, Симбирская и Тамбовская.

другая половина земель, причем самых лучших, принадлежала помещикам, купцам, монастырям и казне.

По тем же данным на территории современной Мордовии было 780 крупных землевладельцев (из них 417 дворян), в руках которых находилось земельных угодий 403 тыс. десятин или в среднем по 520 дес. на каждого. Из 780 землевладельцев 203 имели в своих руках 273000 десятин или в среднем по 1350 дес., а 80 крупнейших из них имели в среднем по 2325 дес. каждый.

На другом полюсе деревни было 175200 крестьянских дворов, которые имели в своих руках всех удобных и неудобных земельных угодий 1323300 десятин, т. е. в среднем по 7,5 дес. на один двор.

Но надо учесть, что земельные наделы значительной части крестьянства были значительно ниже указанной средней цифры: 36,5% крестьянских дворов Мордовии (в абсолютных цифрах 64 тыс. дворов) имели в своих руках 258 тыс. десятин земли или в среднем по 4 дес. на один двор. Следовательно, 64 тысячи крестьянских хозяйств имели земли меньше, чем 203 помещика. 41,7% крестьянских дворов имели в среднем по 7,8 дес. на двор. Только 21,8% зажиточных и кулацких хозяйств имели по 12,8 дес. на двор.

Данные земской и официальной статистики определяют площадь пахотных угодий территории современной Мордовии в 60% от всех земельных угодий. С учетом этого обстоятельства перед нами встает еще более безотрадная картина землеобеспеченности бедняцко-середняцких масс крестьянства: свыше 40% всех крестьянских дворов Мордовии имели пахотных угодий по 4,5 дес. на двор, а около 40% всех дворов имели в среднем менее чем 2,5 дес. на двор. Следовательно, огромная масса крестьянства Мордовии имела ничтожные земельные наделы, которые могли обеспечить ей только голодное и полуголодное существование и вынуждали итти в кабалу к помещикам и кулакам.

Кроме помещиков крупными землевладельцами являлись монастыри, которыми территория Мордовии особенно изобиловала. Накануне 1905 г. в Мордовии насчитывалось 14 монастырей, владения которых измерялись тысячами десятин. Так, например, владения Пайгармского женского монастыря равнялись 1530 десятинам, Краснослободского спасо-преображенского мужского монастыря—1447 десятинам, Чуфаровского монастыря—1060 десятинам. А владения Саровского монастыря, одного из самых крупных монастырей не только в Мордовии, но и во всей царской России, равнялись 26250 десятинам. Все монастыри в Мордовии по данным „Статистики землевладения 1905 г." имели 38300 десятин земельных и лесных угодий, а вместе с церковью 62000 десятин.

Характерно, что монастыри на территории Мордовии находились главным образом в районах с преобладающим числом мордовского населения, в таких как Инсарский, Краснослобод-

ский и Темниковский уезды. Особенно сильна была роль монастырского землевладения в бывшем Темниковском уезде, где имелось три монастыря, которые владели 28622 десятинами лучших земельных и лесных угодий.

Земельная площадь этих монастырей равнялась площади надельных земель 9486 крестьянских дворов Темниковского уезда. Следовательно, три монастыря владели такой же земельной площадью, какой владели 45 % крестьянских дворов уезда.

Наряду с помещиками, монастыри являлись злейшими эксплоататорами трудящихся масс крестьянства, центрами мракобесия и орудием колониального угнетения мордовского народа.

Бедственное положение бедняцко-середняцких масс крестьянства современной территории Мордовской АССР, зажатого в тисках помещичьего и монастырского землевладения, лучше всего передать словами колхозника деревни Чумартова бывш. Темниковского уезда, Кяжкина Гаврилы Степановича, который в своих воспоминаниях пишет:

„Вокруг села Жегалова,—было имение помещика Новосильцева с винокуренным заводом. В 10 километрах от села Кондровки было имение Демидова, который имел 12 дес. сада и 200 десятин земли. В восьми километрах от деревни Чумартова, вокруг мордовской деревни Ардашево, было имение помещика Егорова, который имел винокуренный завод и десятин 500 земли. В 10 километрах от шалинского помещика было имение лаврентьевского помещика; в 10 километрах от села Лаврентьева в селе Шалах был винокуренный завод; в пяти километрах от села Ардашева находился Санаксарский мужской монастырь; рядом с Санаксарским монастырем был помещик; в 3-х километрах от Санаксарского монастыря был Рождественский девичий монастырь; в 12 километрах тоже девичий монастырь, под названием Ковыляйский; в 30 километрах от Рождественского монастыря был Саровский монастырь.

Итак, в нашем уезде были только помещичьи имения, винокуренные заводы и монастыри. Отсюда понятно, что крестьянину некуда было даже выпустить скотину. Земля принадлежала помещикам да монастырям“.[1]

Распространение отработочной системы в Мордовии

В 1902 году в статье „Аграрная программа русской социал-демократии“ В. И. Ленин писал: „Отрезки крестьянских земель в пользу помещиков,—т. е. отрезки в прямом, непосредственном смысле, и лишение крестьян права выпаса, пользования лесом, водопоем, выгоном и проч. и т. п.—является одним из главнейших (*если не главнейшим*) базисов отработочной системы“.[2] Эти ленинские слова очень хорошо

[1] См. *Т. Купряшкин* и *В. Самаркин* , 1917 год в Мордовии, стр. 9—10.
[2] *Ленин*, т. V, стр. 105, курсив Ленина.

объясняют причину распространения отработочной системы в пореформенной России. О размерах отрезков на территории современной Мордовии довольно наглядно показывает нижеследующая таблица:[1]

УЕЗДЫ	1858 год		Кол-во земель у быв. помещичьих кр-н после реформы 1861 г. (в дес.)	Отрезано	
	Крепостных душ	У них всех земельн. угодий (в дес.)		В абсолютн. цифрах (дес.)	В %%
Инсарский	26227	177376	64684	112692	63,5
Краснослободский	10301	54204	27380	26824	49,5
Саранский	30108	148934	53580	95354	64,0
	66636	380514	145644	234870	61,7

Таким образом, крестьяне указанных уездов, входящих ныне в Мордовскую АССР, потеряли в результате реформы 1861 года 61,7% всех своих земельных угодий, которые были у них отрезаны в пользу помещиков. Крестьянам же без этих отрезанных земель, без выпасов, лугов, водопоя и проч. вести свое хозяйство было совершенно невозможно. Поэтому они вынуждены были снимать эти земли у прежнего своего барина, отрабатывая за нее землю последнего по старинке, своим инвентарем.

Помещики и монастыри современной территории Мордовии, пользуясь тем, что их окружало малоземельное крестьянство, продолжали в значительной степени вести свое хозяйство и накануне 1905 г. на основе отработочной системы. Суть отработочной системы, как говорил В. И. Ленин, состояла в обработке помещичьих земель „инвентарем окрестных крестьян, причем форма платы не изменяет сущности этой системы (будет ли это плата деньгами, как при издельном найме, или плата продуктом, как при испольщине, или плата землей или угодьями, как при отработке в узком смысле слова)". [2]

О широком распространении отработочной системы в помещичьих хозяйствах на территории современной Мордовии говорят данные земской и официальной статистики кануна 1905 года.

[1] Данные за 1858 г. взяты из Пензенского гос. архива, ф. губернского комитета по улучшению быта крестьян, д. 1145. Количество земель у бывших помещичьих крестьян после реформы, за неимением под руками данных ближе к реформе 1861 г., взяты из „Статист. землевладения 1905 г." Разница однако была бы несущественная. Так, напр., по данным 1877 г. по указанным уездам надельных земель у всех категорий крестьянства было 667029 дес., по данным же 1905 г.—675130 дес., разница только в 8100 дес.

[2] *Ленин*, т. III, стр. 142.

„Преобладающим способом пользования земельными угодиями в частном землевладении Темниковского уезда,—пишет земский статистик Романов,—является сдача их в аренду. Из всей обследованной в оценочных целях пашни, принадлежащей частным владельцам уезда, в собственных их запашках оказалось только 37,7%, остальная же площадь 62,3% сдается в аренду. Главными съемщиками являются крестьяне, которые арендуют преимущественно десятинами, а не крупными участками, и притом только на 1—2 года". [1] Согласно этим же данным 62% всей сдаваемой в аренду площади сдано было на один посев и только 38%—более чем на один год. [2]

По данным, приводимым тем же статистиком, 70,1% площади земель сдавалось в аренду за деньги, а 29,9% за отработки и исполу. [3] Аналогичную картину мы имеем и по другим районам Мордовии. По обзору Краснослободского уезда за 1889—1890 гг., в уезде было 65 землевладельцев, имеющих земельную собственность свыше 50 десятин. „Из означенных имений с количеством от 50 до 400 десятин 19 отдаются на срок в аренду, в 15—практикуется обработка земли испольно и через наемных рабочих, в 14 имениях часть земли отдается подесятинно в наем и часть обрабатывается испольно, в 5 имениях практикуется хозяйство совершенно смешанное: часть отдается в наем и часть обрабатывается наемными рабочими и часть—в исполу, в 12 небольших имениях обработка производится исключительно через наем рабочих".[4]

Эти данные говорят о том, что господствующей системой ведения хозяйства в помещичьих имениях Мордовии являлась отработочная система, принимавшая самые разнообразные формы своего выражения: сдача в аренду, исполу, обработка крестьянским инвентарем за деньги и, наконец, отработки в узком смысле слова. Характерно, что некоторые формы отработочной системы жили рядом не только в одном и том же помещичьем имении, но даже и в договорах помещиков с отдельными крестьянами. Документы показывают, что помещик при сдаче своих земель исполу брал еще с крестьянина и деньгами; в других же случаях помещик обязывал крестьянина кроме платы деньгами еще и отработками в узком смысле слова.

„При испольном хозяйстве,—пишет в своем обзоре краснослободский уездный исправник,—в трех имениях обработка производится из одной третьей части урожая, в 2-х имениях крестьяне за испольный посев платят от 3 до 5 руб. за десятину, во всех же других имениях урожай делится пополам". [5]

Условия испольной аренды в Темниковском уезде в 1899—1901 гг. цитированный уже нами выше статистик Романов

---

[1] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губ., вып. VI, Темниковский у., Тамбов, 1902 г., стр. 112.

[2] Там же, стр. 112—113.

[3] Там же.

[4] Пензенский обл. архив, ф. губ. статист. ком-та, д. 207, л. 22.

[5] Там же.

описывает следующим образом: „Съемщик вывозит на взятую десятину навоз с усадьбы владельца, а иногда, если это договорено, и с своего двора, засевают ее обыкновенно наполовину своими, наполовину владельческими семенами. Вся обработка пашни, подсев семян и уборка урожая, в большинстве случаев до молотьбы включительно, лежит на обязанности испольщиков; владельцы обязывают иногда их еще и дополнительными работами, например, по уборке лугов, жнитву ржи на экономической запашке и т. д. За все это испольщики получают известную выговоренную часть урожая зерном, соломой, а в некоторых случаях только зерном, солома же идет сполна в пользу владельца". [1]

В Спасском уезде „съемщики все взятое ими испольно количество десятин засевали своими семенами. Иногда на съемщиков возлагается еще вывозка навоза. В 1895 г. в одном имении сдано в аренду крестьянам на 6 лет 44 дес. пашни в трехпольное хозяйство из половины урожая. Посев и все работы до молотьбы включительно возлагались на съемщиков и, кроме того, они обязывались вывозить на каждую паровую десятину 25 возов навоза". [2]

О широком распространении испольной системы обработки земель помещиков мордовским крестьянством свидетельствует также известный исследователь жизни и быта мордвы восьмидесятых годов XIX столетия В. Майнов.

„Мордва—народ крайне любящий земледелие,—пишет он,—а в большинстве случаев в земле то и чувствуется недостаток, поэтому народ всячески старается раздобыться каким бы то ни было образом землею то у окрестных помещиков, а то и у русских крестьян. Подобные наемки делаются чаще всего из второго снопа (исполу), хотя и бывают в особенно малонадельных местностях случаи найма из третьего снопа, на что, например, охотно идет эрзя Нижегородского, Арзамасского и Ардатовского уездов Нижегородской губернии, где аренда очень высока. Нечто подобное мы видим на заливных лугах по р. р. Мокше и Суре, где мокша снимает помещичьи покосы из третьего пуда". [3]

Испольная обработка помещичьей земли крестьянину была совершенно невыгодна и только большая нужда заставляла его прибегать к этому. Даже один из помещиков Пензенской губ. Ладыженский вынужден был признать, что на крестьянине испольная обработка „отражается убавлением его заработка более чем наполовину его действительной стоимости". [4] По расчетам Ладыженского крестьянин недополучает с каждой испольно обработанной десятины земли 5 руб. 26 коп. Единст-

---

1 Статист. данные к оценке земель Тамбовск. губ., вып. VI, Темниковск. у., стр. 120.

2 Статистические данные к оценке земель Тамбовской губ., вып XI, Спасский уезд., Тамбов, 1905 г., стр. 57.

3 *Майнов*, Очерки юридического быта мордвы, СПб., 1885 г., стр. 234.

4 Труды местных комитетов о нуждах с.-хоз. промышленности. Пензенская губ., СПб., 1903 г., стр. 50.

венной компенсацией за недополученную сумму является стоимость соломы и мякины на сумму 5 руб. 40 коп. с десятины. [1] Следовательно, крестьянин вынужден за весь свой труд в лучшие годы получать только солому и мякину.

Чрезвычайно большое распространение отработки имели при сдаче помещиками пастбищных угодий. В результате крестьянской реформы 1861 г. помещики кроме пахотной земли оставили в своих руках и большое количество самых лучших луговых угодий. Так, например, по Темниковскому уезду на каждые 100 десятин пашни у крестьян имелось 22,6 дес. лугов, а у помещиков—31,4 десятины. На основании этих данных цитированный уже нами выше статистик заключал: „В Темниковском уезде преобладает собственное владельческое пользование сенокосными угодиями". [2] Аналогичную картину мы имеем и в других районах Мордовии, а в некоторых из них обеспеченность крестьянских обществ лугами была значительно ниже чем у крестьянских обществ Темниковского уезда. Так, например, в Ардатовском уезде луга составляли всего 5,9% площади крестьянской земли. [3]

Даже помещики вынуждены были признать, что „скот у большинства крестьян летом, за недостатком пастбищ, голодает, а зимой от бескормицы издыхает, если хозяин заблаговременно не подумает продать часть его, оставшись часто без коровы, иногда и без лошади". [4] Недостаток пастбищных угодий очень часто вынуждал крестьянские общества итти в кабалу к помещику и обрабатывать его поля за получаемые под пастьбу угодия. Помещики же, прекрасно понимая безвыходное положение крестьян, предъявляли им при сдаче самые тяжелые условия, чаще всего в виде отработок. Для подтверждения указанного положения приведем некоторые документы по Темниковскому и другим районам Мордовии.

„Частные владельцы за недостатком своего скота,—пишет земский статистик Темниковского уезда,—сдают поля на пастьбу крестьянам, которые предъявляют большой спрос на пастбищные угодия. Платят крестьяне за пользование пастбищами по большей части не деньгами, а отработкой,—они обязываются выполнением для сдатчика каких-либо работ: по уборке урожая—хлебов и трав, обработке пашни, вывозке навоза на паровое поле, возке дров из лесу в усадьбу и т. д." [4] И далее он подтверждает это примерами:

„Бывшие помещичьи крестьяне снимают под постьбу скота в соседней экономии 12 десятин выгона и до 200 десятин па-

---

[1] Труды местн. к—тов о нуждах с.-хоз. промышлен., Пензенск. губ., СПб., 1903 г., стр. 51.

[2] Статистич. данные к оценке земель Тамбовск. губ., вып. VI, Темниковск. у., стр. 147.

[3] Труды местн. ком—тов о нужд. с.-хоз. промыш., Симбирская г., стр 252.

[4] Труды местн. ком—тов о нуждах с-хоз. промышленности, Пензенская губ., СПб., 1903 г., стр. 70—71.

[5] Статист. данные к оценке земель Тамбовск. губ., Темниковск. у., стр. 128.

ровых, жнивных и яровых полей за вывозку снопов ржи с 52 десятин за 1 1/2 версты". „Одно общество крестьян за право пастьбы скота по паровым, жнивным и яровым полям обязано вывезти из усадьбы владельца на его запашку за 2 версты 5500 возов навоза". Бывшие помещичьи крестьяне за пастьбу скота в соседней экономии по парам и жнивам обязаны сжать и свезти в усадьбу рожь с 4 десятин, вывезти 350 возов навоза, посадить 5 десятин картофеля, вырыть и свезти его на винокуренный завод за 5 верст. За пастьбу на 90 десятинах пара и жнивья и на 20 десятинах суходольного оврага крестьянское общество обязано сжать 13 дес. ржи, свезти в усадьбу помещика снопы с 53 десятин ржи и связать 20 дес. овса.[1] Такую же картину показывают материалы за 1895—1897 гг. по Спасскому уезду. „Данные, полученные местным опросом частных землевладельцев и крестьян,—пишет статистик,—показывают, что за подножные корма для своего скота крестьяне обязываются определенным количеством всяких земледельческих работ по хозяйству землевладельцев: вывозкою навоза, обработкою поля, уборкою урожая хлебов и трав".[2]

Такое положение было не в одном только Темниковском и Спасском уездах, но и в других уездах Мордовии. Это подтверждается воспоминаниями ряда колхозников.

„Помещик Колпашников А. И.,—рассказывает колхозник с. Паньжа, Ковылкинского р-на Голосков Яков Семенович,—имел всех земельных угодий 1100 десятин, из них 150 дес. лугов и выгона. Это давало ему возможность держать наше общество в полной зависимости от себя. Так, например, за предоставление своих лугов после сенокоса в количестве 150 дес. для пастьбы скота, крестьяне села Паньжа и дер. Дубровок обязаны были работать на помещика: вывозить навоз на его поля, целиком и полностью обработать около 100 дес. помещичьей земли своим инвентарем (вспахать, засеять, сжать и свезти в усадьбу)".[3] То же самое рассказывала нам группа колхозников деревни Васильевки, Ковылкинского р-на—Дементьев И. А., Акимкин Н. А. и другие.

„Генерал Водар,—говорили они,—после уборки сена с своих сенокосных угодий в количестве 70 дес. предоставлял их нашему обществу на подножный корм. За это наше общество обязано было посеять ему 20—30 дес. гороха, сжать около 50 десятин ржи, вспахать пар и вывозить навоз из господского двора на его поля. Все эти виды работ нами распределялись между собой в зависимости от количества в каждом дворе скота. Единицей обработки—„черед", как мы ее называли, служила корова или лошадь, 6 штук овец, подтелок приравн-

---

[1] Статист. данные к оценке земель Тамбовск. губ., Темниковск у., стр. 129—130.

[2] Статист. данные к оценке земель Тамбовск. губ., вып. XI, Спасский у., Тамбов, 1905 г., стр. 57.

[3] Рукописный фонд МНИИСК.

нивался „полчереду". Отработки эти ложились тяжким бременем на каждого крестьянина. Достаточно сказать, что за каждый „черед" крестьянин нашей деревни обязан был вывезти из барского двора 4 куб. метра навоза, сжать 10 саженей ржи и т. д. В среднем на двор приходилось вывозить 20—25 возов навоза, сжать около одной десятины ржи, посеять полдесятины гороха. Несколько раз просили мы помещика уменьшить отработки, но ответ получали один: „Если не хотите вы на таких условиях снимать, то снимут казеевские". Нужда заставляла соглашаться снимать опять на старых условиях". [1]

Кроме изложенных форм принуждения крестьян отрабатывать помещичью землю надо добавить штрафы за потраву. Известно, что в результате крестьянской реформы 1861 года помещичьи земли были так размежеваны, что очень часто грань проходила около самого села. Поэтому крестьянский скот легко попадал на помещичью землю.

Чтобы убедиться, насколько штрафы за потраву ложились тяжелым бременем на трудовые массы крестьянства, приведем некоторые факты: 16 декабря 1896 года Тамбовским губернским земским собранием была утверждена такса, по которой землевладельцы должны были взимать „вознаграждение за убытки от потрав". По этой таксе—за пойманную лошадь, крупный рогатый скот и свинью в загороженном месте (сад, конопляники и т. д.) должен был взиматься штраф в сумме 1 руб.; на посеянном поле, на лугах—75 коп., а на отаве, паре, жниве—25 коп.; за мелкий пойманный скот (теленок, овца, коза и т. д.) в первом случае должен был взиматься штраф в сумме 50 к., во втором—35 коп. и в третьем—12 коп. [2]

Таким образом, землевладельцы на „законном" основании имели возможность штрафами давить на трудящиеся массы крестьянства и выжимать с них последнюю копейку. На практике помещики за потраву брали с крестьян столько, сколько хотели. Но так как значительная часть крестьян платить штрафы деньгами не была в состоянии, то вынуждена была эти штрафные суммы помещикам отрабатывать.

„Штраф взимался деньгами,—пишет в своих воспоминаниях колхозник с. Паньжа, Ковылкинского р-на Голосков Я. С.,—но большинство крестьян, не имея денег, вынуждено было за пойманную корову или лошадь отрабатывать на помещика 6—7 дней". А с крестьянской курицей, поскольку ее труднее было по сравнению с скотом загонять в помещичий двор, помещики и церемонились меньше. По рассказу колхозника села Паньжа Селиверстова А. Ф. помещик Колпашников очень часто охотился на крестьянских кур с ружьем. „Достаточно было крестьянской курице перешагнуть на помещичью землю,—рассказывает он,—как она попадала сначала на мушку, а потом и в помещичий суп".

---

1 Рукописный фонд МНИИСК.
2 Гос. архив МАССР, ф. Санаксарского монастыря, д. 130, л. 139.

Помещики наряду с платой за обработку своих пашен и лугов натурой (земельными и сенокосными угодиями, пастбищем, водопоем и т. д.) практиковали наем крестьян для полевых работ и за денежную плату. При этом наиболее распространенным видом найма был зимний, с отдачей платы нанимающемуся вперед. Практиковался этот вид найма гораздо шире помещиками потому, что он был значительно дешевле. Зимой голодный крестьянин готов был пойти на что угодно, лишь бы только сохранить последнюю скотину до весны и спасти свою семью от голодной смерти. Так, например, по Спасскому уезду по средним данным за 1898—1903 гг. существовала следующая разница цен при зимнем и летнем наймах:

Посев одной десятины ржи (3 вспашки, 2 боронования) при зимнем найме стоил 3 руб. 33 коп., при летнем—4 руб. 20 к. Посев одной десятины овса при зимнем стоил 2 руб. 50 к., при летнем—3 руб. Уборка одной десятины ржи при зимнем найме стоила 2 руб. 37 к., по летнему найму—3 руб. 07 коп. [1]

Как видим, зимний наем помещику был очень выгодным: он недоплачивал крестьянину по сравнению с летними ценами от 20 до 25%.

Поскольку полукрепостнические формы эксплоатации крестьянства являлись более выгодными, помещики мало стремились обзаводиться машинами для обработки своих запашек. Документы кануна 1905 г. показывают, что в помещичьих хозяйствах Мордовии плугов и других с.-хоз. машин было очень мало, что наиболее распространенным орудием обработки являлась соха.

„Для обработки земли,—пишет краснослободский уездный исправник,— усовершенствованных орудий не заведено, исключая трех или четырех хозяйств (из 65—Т. К.), в которых хотя и есть плуги, но в самом незначительном количестве и употребляются они более для пашни нови или залежи. Жатвенных машин нет, для обделки же хлеба в некоторых имениях молотильные и веяльные машины заведены". [2] Это было написано в обзоре уезда за 1889 год. Положение не изменилось и через 12 лет. В обзоре за 1901 год мы читаем, что в помещичьих имениях „применение улучшенных сельскохозяйственных орудий, как-то: молотилок, жней, веялок и плугов... введено лишь в нескольких. Под многопольные хозяйства было отведено 443 дес. земли". [3] Об этом говорят и другие источники. В Темниковском уезде „в частных экономиях так же, как и в надельном хозяйстве, наиболее распространенным орудием для обработки почвы является соха: во всех 137 экономиях, обследованных в оценочных целях, имеется только 155 плугов, преимущественно в имениях с собственной запашкой. Таких имений обследовано 63, и только в 17 из них

---

1 Статистич. данные к оценке земель Тамбовск. губ., вып. XI, Спасск. у., Тамбов, 1905 г., стр. 36—37.

2 Пензенск. обл. гос архив, ф. губ. стат. ком—та, д. 207, л. 23.

3 Там же, ф. 5, д. 9254, л. 133.

имеются более усовершенствованные земледельческие орудия: плугов—120, окучников—27, запашников—12 и сеялок—30". [1] По данным за 1895—1897 гг. в Спасском уезде главным орудием обработки земель в помещичьих хозяйствах являлась также соха.[2] Значительная часть помещиков не только не стремилась вводить машинные формы обработки своих полей, но часто отказывалась от них, считая более выгодным обработку примитивным способом. Помещик В. Пукалов (из с. Больших Березников) в 1902 г. в своей записке, поданной в Симбирский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности, доказывал, что в помещичьих хозяйствах производство зерна при машинном способе обработки стоит дороже, чем при примитивном.

„Мы убедились,—писал он,—что производство зерна нам обходится дороже, чем у соседей-стариков, ведущих хозяйство более примитивным способом. Понемногу изломанные машины сдавались в архив и в настоящее время кроме паровых молотилок, которые существуют почти во всех больших имениях, другие усовершенствованные орудия встречаются только или у начинающих хозяйничать, или в имениях, где хозяйство ведется как спорт, а не для дохода". [3] И этот помещик, выражая мнение значительной части своих собратьев, единственным способом повышения урожайности считает только своевременный дождь. „Не сложные орудия и машины нас спасают,—заключает он,—а своевременный дождь". [4] Исключением в этом отношении являлся Саранский и отчасти Инсарский уезды. В первом, по сообщению уездного исправника за 1901 год, „во владельческих экономиях, за редким исключением, земля обрабатывается усовершенствованными земледельческими орудиями, что, конечно, влияет и на урожай хлебов: у владельцев всегда родится хлеба больше чем у крестьян". [5] Во втором, по сообщению исправника за этот же год, обработка земли усовершенствованными орудиями производится „в значительных экономиях", а по сообщению уездной земской управы „в частновладельческих имениях постепенно вводятся усовершенствованные земледельческие орудия и машины". [6]

Однако эти исключения не меняют основного нашего вывода о том, что в большинстве своем помещичьи запашки обрабатывались примитивными орудиями.

Переходим к краткой характеристике способов ведения монастырского хозяйства в Мордовии. Монастыри, как указано выше, являлись злейшими эксплоататорами мордовского кресть-

---

[1] Стат. данные к оценке земель Тамбовск. губ., вып. VI, Темников. у., Тамбов, 1902 г., стр. 83.

[2] Там же, вып. XI, Спасск. у., Тамбов, 1905 г., стр. 35.

[3] Труды местных комитетов о нуждах с.-хоз. промышленности. Симбирская губ., СПб., 1903 г., стр. 119.

[4] Там же.

[5] Пензенск. гос. архив, ф. 5, д. 9255, л. 327—328.

[6] Там же, д. 9255, л. 50, д. 9254, л. 172.

янства. Они так же, как и помещики, высасывали из окружающего полуголодного крестьянства последние его соки. Не отличаясь от помещиков по своей социальной природе, монастыри и по способам ведения своего хозяйства следовали за ними. В основе ведения монастырского хозяйства лежала также полукрепостническая форма эксплоатации крестьянства. Большую часть своих пахотных и луговых угодий монастыри отдавали крестьянам исполу или в аренду.

Приведем некоторые факты:

Краснослободский спасо-преображенский мужской монастырь имел всех земельных угодий 1447 десятин, из них 170 дес. пахотных угодий. Из 170 дес. только 60 дес. в 1893 году посеяно было самим монастырем, остальная земля сдавалась в аренду крестьянам. Вся площадь сенокосных угодий в количестве 660 дес. также обрабатывалась испольным трудом и частично отдавалась в аренду. [1]

Краснослободский успенский женский монастырь в 1893 г. имел всех земельных угодий 734 десятины, из них: пахотной земли—352 десятины, сенокосной—185 десятин. „Отдается в арендное содержание из означенного количества земли: пахотной 105 десятин, сенокосной—100 десятин". [2] Остальная часть земель и лугов этого монастыря обрабатывалась окружающими крестьянами испольно.

Чуфаровский женский монастырь по данным 1903 года имел 1060 дес. земельных угодий, значительная часть которых отдавалась в аренду или исполу. Так, например, 285 десятин пахотной земли, которая находилась от монастыря в 25—40 километрах, ежегодно сдавалась в аренду. А земля в количестве 226 дес., расположенная от монастыря в 8 километрах, частью обрабатывалась самим монастырем, частью сдавалась испольно окружающему крестьянскому населению. [3]

Полукрепостнические формы ведения хозяйства имели место и в других монастырях. Но наряду с этим в некоторых монастырских хозяйствах применялся и наемный труд, как, например, в Пайгармском, Куриловском и Саровском.

Саровский монастырь в январе месяце 1905 года имел 262 человека рабочих, в августе того же года 234 человека, причем поденные рабочие, занятые на полевых работах, в это число не входили. Заработная плата рабочих не превышала 3—5 рублей в месяц. Так, например, рабочие скотного двора получали в месяц 5 руб., работники прачечного заведения 4 рубля и т. д.[4]

По данным на 1904—1905 гг. в 14 монастырях, находившихся на территории Мордовии, насчитывалось свыше 3000 монахов и монашек. Кроме того в Мордовии имелось около 700

---

[1] Гос.архив МАССР, ф. Саранского петропавловского монастыря, д. 29, л. 75—76.

[2] Там же, л. 94.

[3] *Фриновский*, Чуфаровский троицкий общежительный монастырь, Саранского у., Пензенск. губ., Москва, 1905 г., стр. 33.

[4] Гос. архив МАССР, ф. Саровского монастыря, д. 1294.

церквей и мечетей, в которых по данным Всероссийской переписи 1897 г. было 1707 церковнослужителей. Эта громадная армия паразитов, ловко расставив свои сети, жила и жирела за счет трудового народа, обманывала его и помогала царизму и эксплоататорским классам держать трудящихся в повиновении.

Аренда и формы обработки крестьянских земель

Нужда в земле, как было указано выше, была основной причиной, которая заставляла крестьянина обрабатывать своим инвентарем помещичью землю. Это же обстоятельство заставляло крестьянина на невыгодных для себя условиях прибегать и к аренде помещичьих и монастырских земель. Насколько аренда на территории Мордовии была широко распространена, говорят данные земской и официальной статистики восьмидесятых годов.

По этим данным в Темниковском уезде 21,6 % всех хозяйств бывших государственных крестьян и 31,3 % хозяйств бывших помещичьих крестьян прибегали к аренде. В Спасском уезде процент арендующих хозяйств у бывших государственных крестьян равнялся 13,6%, а у бывших владельческих — 47%. [1] По уездам, входившим в бывшую Пензенскую губернию, мы приведем другие показатели: соотношение арендованной земли к надельной. [2]

УЕЗДЫ	На 100 дес. надела арендованной земли	
	У всех категорий крестьян	У крестьян быв. помещичьих
Инсарский	11,4	24,0
Краснослободский	8,4	42,0
Наровчатский	9,3	39,0
Саранский	19,2	38,0
Среднее в Европейской России	8,6	24,0

Эти цифры наглядно показывают, что аренда среди крестьян Мордовии была очень широко распространена, причем степень ее распространения стояла значительно выше средней цифры Европейской части России. Приведенные данные показывают также и то, что аренда среди бывших помещичьих крестьян распространена была гораздо больше, чем в среднем у всех категорий крестьянства. Здесь устанавливается

[1] Сборник статистических сведений по Тамбовской губ., т. XIV, Тамбов, 1900 г.

[2] *Бурлуцкий*, Характеристика Пензенск. губ., стр. 17—18.

прямая связь между крестьянским малоземельем и арендой из нужды.

Надо иметь в виду, что бывшие помещичьи крестьяне землей были обеспечены значительно хуже, чем другие категории крестьянства (государственные, удельные). Если для всех категорий крестьян Мордовии, как мы видели выше, в среднем на один двор приходилось всей надельной земли 7,5 десятин, то бывшие помещичьи крестьяне имели в среднем по 4,7 десятин на двор, а в Саранском и Темниковском уездах — только по 4 десятины на двор.[1] Ясно, что крестьянину существовать на таком нищенском наделе было невозможно. Он вынужден был прибегать к аренде помещичьих земель на самых невыгодных для него условиях. Невыгодность аренды для бедняцко-середняцких масс крестьянства определялась, прежде всего, высокими арендными ценами. По данным статистики восьмидесятых годов арендная цена одной десятины пашни на один урожай колебалась в Мордовии от 10 руб. 50 коп. (Краснослободский уезд) до 15 руб. 60 коп. (Инсарский уезд), одна десятина сенокоса стоила от 8 руб. 70 коп. (Краснослободский уезд) до 13 руб. 80 коп. (Саранский уезд).[2] Накануне 1905 года арендные цены были значительно выше указанных и достигали в ряде районов 20—25 руб. за одну десятину. Так, например, по данным, которые приводились на заседании Ардатовского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 году, арендные цены в уезде равнялись 12—20 руб.[3], а в Наровчатском уезде, в имении князя Арапова и других—20—25 руб.[4] Наряду с высокими арендными ценами помещики при заключении арендных договоров обязывали крестьян целым рядом других кабальных условий. Так, например, помещик Арапов, имение которого находилось на территории современного Ковылкинского района, при сдаче своей земли в аренду обязывал арендатора сданную землю засадить картофелем, а весь урожай сдавать на его винокуренный завод по 6 коп. за пуд. За каждую десятину сданной в аренду земли Арапов брал по 25 руб. Но ввиду того, что такие большие деньги бедняк и середняк уплатить были не в состоянии, он шел „на уступки", соглашаясь удержать арендную цену из сданного на завод урожая осенью. Поскольку весной у бедноты и середняков не было не только денег, но и не было семян для посева арендованной у него земли, то он охотно шел и на другую „уступку". Помещик отпускал нужное количество семян картофеля, но не по 6. коп. за пуд, как должен был крестьянин сдавать ему, а по 12 коп., т. е. ровно в 2 раза дороже.

„И вот, когда сдашь с арендованной земли весь урожай

---

[1] Цифры подсчитаны по „Статистике земель 1905 г.". Губернии: Пензенская, Симбирская и Тамбовская.

[2] *Бурлуцкий*, Характеристика Пенз. губ. в с.-хоз. отношении, стр. 43.

[3] Труды местн. ком. о нуждах с.-х пром. Симбирск. губ,. стр. 272.

[4] Воспоминания колхозника с. Парапина, Ковылкин. р-на Чекашкина П. С. Рукописный фонд МНИИСК.

картофеля,—рассказывает колхозник с. Парапино П. С. Чекашкин,—и с тебя удержат 25 руб. арендной платы и 8—9 руб. за семена, то самому за весь свой труд, за всю обработку и вывозку картофеля на винокуренный завод помещика, находящийся от места посева в 7—8. км, оставалось в лучшем случае, в урожайные годы, 8—9 руб. с десятины".

Надо добавить, что и без того тяжелые условия аренды помещичьих земель становились еще более тяжелыми для бедняцких и середняцких масс крестьянства благодаря тому, что между ними и помещиками при аренде становился кулак, который старался использовать этот случай для своего обогащения. Кулаки захватывали сдаваемые в аренду земли в свои руки, лучшие из которых оставляли для себя, а остальные за более высокие цены сдавали нуждающимся крестьянам.

Об этом факте, имевшем широкое распространение в Мордовии, очень хорошо написали в 1902 году в своей докладной записке на имя Саранского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности приглашенные в качестве членов этого комитета крестьяне А. Онисимов, В. Водясов и С. Чугунов. Указав в начале своей докладной записки о бесправном положении крестьянства, они писали:

„Аренда земли у помещиков и владельцев для крестьянина только и есть единственная надежда к поднятию своего благосостояния, но при настоящих условиях стоит им это большого труда: более сильные наперерыв с беднотой стараются захватить сдаваемую землю в одни руки, потом уже за более высокую цену и трудные обязательства по договору об уплате аренды сдают беднякам, выбрав сперва для себя лучшую землю"[1]. Чтобы ограничить давление кулака в вопросе аренды, крестьяне высказывали совершенно наивную мысль: они просили установить какую-либо форму сдачи (испольную или денежную), „но только непосредственно от самих владельцев мелкими частями".[2] Понятно, что благодаря высоким арендным ценам и другим указанным выше обстоятельствам крестьянину от аренды ничего не оставалось. Что это было так, мы приведем некоторые расчеты. Стоимость урожая с одной десятины посева надельной земли в Мордовии колебалась от 22 до 33 руб. (Краснослободский 22 руб. 80 коп. и Ардатовский—33 руб.).[3] Если вычесть из этой суммы арендную плату около 20 руб. за десятину и стоимость семян около 5—6 руб. на десятину, то крестьянину от аренды буквально ничего не оставалось. Об этом красноречиво свидетельствуют также высказывания одного из членов Ардатовского уездного комитета о нуждах с.-хоз. про-

---

[1] Труды местных комитетов о нуждах с.-хоз. промышленности. Пензенская губ., стр. 149.

[2] Там же, стр. 152.

[3] *Соковнин*, Культурный уровень крестьянского полеводства на надельных землях и его значение в земельном вопросе, СПб., 1906 г.

мышленности А. Сахарова. В своей докладной записке „О реорганизации системы продовольственной помощи, как меры к поднятию сельскохозяйственной промышленности", поданной в Ардатовский уездный комитет, он писал, что аренда для крестьянина „представляет доходный промысел лишь в урожайные годы. Но и при таких обстоятельствах крестьянину остается обыкновенно кроме стоимости обработки земли лишь даровой корм для скота. При неурожаях же, когда у арендатора пропадают и труд, и семена, и арендная плата, это занятие приводит крестьянина лишь к излишней задолженности". [1]

Таким образом, только нужда и голод, которые являлись постоянными спутниками бедняцко-середняцких масс деревни, заставляли их прибегать к аренде помещичьих и монастырских земель.

К крестьянскому малоземелью присоединялись крайне отсталые формы обработки земли. На территории современной Мордовии накануне 1905 года безраздельно господствующей системой ведения полевого хозяйства была трехпольная система с самой примитивной техникой обработки. Кое-где даже сохранилась еще двухпольная система, как, например, в ряде земельных обществ Саранского уезда. Наблюдалось это главным образом в обществах у бывших крестьян однодворцев и дарственников, у которых земли было очень мало и на три поля ее нехватало. [2] Все материалы конца XIX и начала XX в. говорят о том, что основным орудием обработки крестьянских земель Мордовии являлась соха и борона, в ряде случаев даже с деревянными зубьями.

„В крестьянских хозяйствах главнейшим орудием является историческая соха с двумя лемехами... Бороны чаще употребляются с деревянными зубьями, но не редко и с железными. Молотилки, веялки встречаются очень редко, а такие машины, как жнеи ,косилки, конные грабли и проч. вполне отсутствуют". [3]

Вышеприведенный документ характеризует технику обработки крестьянских полей Пензенской губернии в девяностых годах XIX ст. В таком же виде рисуют технику обработки крестьянских земель Мордовии документы начала XX в. „В пределах Саранского уезда,—писал уездный исправник в своем отчете за 1901 г.,—крестьянами земля обрабатывается сохою и бороною; как исключение в некоторых местах, преимущественно в мордовских селениях, встречается плуг. Существующий у крестьян способ обработки земли можно отнести к первобытному, не отвечающему современным условиям возделывания полей". [4] Аналогична была картина и по другим районам Мордовии. Следует еще сказать об удобрении крестьянских полей. Почвы Мордовии требовали возможно частого

---

[1] Труды местных ком—тов о нуждах с.-хоз. промышленности. Симбирская губ, стр. 272.

[2] Пензенск. обл. гос. архив, ф. 5, д. 9255, л. 327—328.

[3] *Бурлуцкий*, Характеристика Пензенской губ., стр. 63.

[4] Пензенск. обл. гос. архив, ф. 5, д. 9255, л. 327.

удобрения, но удобрялись они очень мало. Единственным средством удобрения являлся навоз от домашнего скота. По статистическим данным к оценке земель в Темниковском уезде крестьяне ежегодно удобряли им около 6% всех своих пахотных угодий, а в Спасском уезде—только около 3%. При этом надо иметь в виду, что эти проценты падали главным образом на кулацко-зажиточную часть деревни, у которой имелся и навоз (поскольку имелся скот) и имелась возможность возить этот навоз (поскольку она обеспечена была тягловой силой). Беднота же скота почти не имела, а следовательно не имела и навоза. Если же немного собиралось, то не начем было его вывозить. Поэтому крестьянская беднота вынуждена была иногда продавать навоз зажиточным, которые, например, в Спасском уезде охотно покупали его по 3 коп. воз. [1]

Результатом таких крайне отсталых форм обработки крестьянских надельных земель были низкие урожаи, а следовательно и совершенно ничтожный доход от десятины посева. Об этом красноречиво говорит нижеследующая таблица средней урожайности и доходности крестьянских надельных земель за 18 лет (1883—1900 гг.). [2]

УЕЗДЫ	Средний урожай зерна с 1 дес. посева в пудах за 18 лет (1883—1900 гг.)	Средний валовый доход с 1 дес. посева	
		Рубли	Копейки
Ардатовский	43,4	33	32
Инсарский	41,1	26	15
Краснослободский	33,0	22	80
Наровчатский	42,0	24	83
Саранский	41,1	26	57
Спасский	38,4	25	52
Темниковский	34,4	24	72
Итого по Мордовии (сред. арифметическая)	39,9	26	27
По 46 губ. Европейской России	40,2	30	55

Таблица показывает, что с каждой десятины посева крестьянин Мордовии получал урожая зерна около 40 пудов; весь

[1] Сборник статист. сведений по Тамбовской губ., т. V, стр. 26.

[2] Таблица составлена на основе данных, помещенных в работе Соковнина „Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле и его значение в земельном вопросе", СПб., 1906 г.

же доход с десятины посева (включая и стоимость соломы) равнялся 26 рублям. Таким образом, необеспеченность землей и низкие урожаи, являющиеся результатом крайне отсталых форм ее обработки, не обеспечивали трудящимся массам крестьянства даже жалкого существования.

Расслоение крестьянства в Мордовии и положение бедноты

Колониальное положение Мордовии в конце XIX и в начале XX вв. характеризовалось между прочим и тем, что здесь, как видели мы выше, в наибольшей мере сохранились крепостнические пережитки и давление на крестьян помещиков-крепостников. Это обстоятельство служило большим тормозом для развития капитализма в Мордовии. Однако, хотя медленнее, мучительнее, чем в других районах царской России, капитализм, преодолевая все стоящие на своем пути препятствия, проникал и в мордовскую деревню. Насколько классовое расслоение в мордовской деревне было развито в конце XIX и в начале XX вв. показывают цифровые данные земской и правительственной статистики. Прежде всего мы приведем данные о распределении надельных земель между отдельными группами крестьянства по материалам „Статистики землевладения 1905 года". По этим данным надельные земли крестьян Мордовии распределялись следующим образом:

Группы крестьян	Надельной земли на двор	Кол-во двор.		У них земельн. угодий		
		В абсолютных числах	В %% к общему числу дворов	В абсолютных числах (в дес.)	В %% к общему колич. надельной земли	В сред. на один двор (в дес.)
I.	1 дес. и менее . . .	1904	1,1	1070	0,08	0,5
II.	От 1 до 3 дес. . .	15082	8,6	30337	2,30	2,0
III.	От 3-х до 6 дес. . .	46900	26,8	226427	17,10	4,9
IV.	От 6 до 10 дес. . . .	72952	41,6	575706	43,50	7,8
V.	От 10 до 15 дес. . .	33656	19,2	402514	30,52	12,0
VI.	Свыше 15 дес.	4706	2,7	87166	6,50	18,5
	Итого	175200	100	1723300	100	7,5

Разница в распределении надельных земель, как видим, очень большая. Первые три группы, вместе взятые, составлявшие 36,5% всех крестьянских дворов Мордовии, имели в своем распоряжении только 19,6% площади всех надельных земель или в среднем по 4 дес. на двор, а пахотной по 2,5 дес. на двор. Четвертая группа, составлявшая 41,7% всех крестьян-

ских дворов, имела в своих руках 43,5% всей площади надельных земель или по 7,8 дес. на двор, а пахотной—по 4,5 дес. на двор. Все первые четыре группы крестьянства, составлявшие вместе свыше $^3/_4$ всех крестьянских дворов, представляли собой деревенскую бедноту и маломощных середняков. На таких клочках земли, какими они владели, никакого самостоятельного хозяйства вести было невозможно. Наоборот, последние две группы крестьянства, составлявшие около 22% всех дворов, имели в своих руках 37% всей площади надельных земель или по 13 десятин на каждое хозяйство, а 2,7% крестьянских дворов последней группы имели надельной земли по 18,5 дес. на двор. Последние две группы крестьянства составляли основную массу кулацко-зажиточной верхушки деревни. Однако по количеству одних только надельных земель нельзя судить о силе богатого мужика в деревне. Для этого нужны еще другие показатели. Данные „Статистики землевладения 1905 г." показывают, что по всей Мордовии было 1513 крестьян, которые имели частной земельной собственности более 10 десятин на один двор, причем 368 из них имели свыше 50 десятин каждый, а 21 хозяйство имели от 500 до 2000 десятин каждое. В это количество еще не вошли кулацкие хозяйства, которые владели частной земельной собственностью через товарищества и целые крестьянские общества. [1]

А эта форма владения в Мордовии распространена была довольно широко. Целые крестьянские общества и товарищества имели в своих руках 115760 десятин, тогда как в собственности отдельных крестьян находилось 91728 десятин, т. е. значительно меньше. Понятно, что владельцами земли и через товарищества являлась, главным образом, кулацкая часть деревни. Следовательно, крестьянская верхушка в большинстве случаев имела более высокую обеспеченность надельной землей, владела купчими землями и, кроме того, арендовала еще земли у помещиков и бедноты. А беднота, лишенная средств производства, вынуждена была и свою надельную землю отдавать за бесценок кулаку в аренду, а самой приходилось итти к нему или к помещику в батраки, чтобы заработать себе на кусок хлеба.

Сдавать в наем свою надельную землю крестьянина-бедняка заставляла „обыкновенно не выгода, а печальная необходимость". Сдавали свои наделы „обедневшие, расстроившие свое хозяйство, потерявшие рабочую лошадь", [2] т. е. те, которые не могли уже вести самостоятельного хозяйства на своем клочке земли. Сдавшие свою землю „обыкновенно проживают у состоятельных соседей в работниках, жены и дети у неко-

---

1 В данном случае речь идет о том положении, когда юридическим лицом во владении частной земельной собственностью выступало товарищество крестьян или целое земельное общество. Фактическими же владельцами и этих земель являлась зажиточно-кулацкая часть деревни.

2 Сборник стат. сведений по Тамбовск. губ., т. IV, Темниковск. у., стр. 162.

торых нищенствуют". [1] К сожалению мы не имеем полных данных о сдаче в наем беднотой своих наделов. Некоторые сведения имеются только по Спасскому и Темниковскому уездам, относящиеся к восьмидесятым годам XIX ст. Из этих данных видно, что по Спасскому уезду число дворов, сдававших свои наделы, равнялось 6%, а по Темниковскому уезду—5,1%. Исследователь крестьянского хозяйства этих уездов отмечает, что такой низкий процент сдающих по этим уездам объясняется вовсе не тем, что нет желающих сдавать, а потому, что надельные земли были плохого качества, и спрос на них в связи с этим был не велик. [2] Несомненно, что процент крестьян, сдающих свою землю по уездам бывшей Пензенской губ., входящим ныне в МАССР, был значительно выше.

Наличие резкой классовой дифференциации в мордовской деревне подтверждается также распределением рабочего и крупного рогатого скота между отдельными группами крестьянства. Ниже мы приводим таблицу о распределении лошадей между различными группами крестьянства по Темниковскому и Спасскому уездам, составленную нами по материалам подворной переписи 1882 года: [3]

ЗНАЧЕНИЕ СТРОК	Количество дворов		У них лошадей	
	Абсолютное число	В % % к общему числу дворов	Абсолютное число	В % % к общему числу лошадей
1. Безлошадных	8393	25,3	—	—
2. С одной лошадью . . .	13197	39,9	13197	30,9
3. С двумя лошадьми . .	7485	22,6	14970	35,0
4. С тремя лошадьми . .	2599	7,9	7797	18,4
5. С четырьмя и более . .	1435	4,3	6723	15,7
Итого . . .	33109	100	42687	100

Таким образом, более 25% всех крестьянских дворов являлись безлошадными, а 40% имели по одной лошади. Обе эти группы, вместе взятые, составлявшие более 65% всех дворов, имели в своем распоряжении только 30,9% общего количества лошадей, тогда как последние две группы (с тремя и более лошадьми),

1 Сборник стат. свед. по Тамбовск. губ., т. V, Спасский у., стр. 70.

2 Там же, стр. 75.

3 Таблица составлена по данным „Сборника статистич. сведений по Тамбовск. губ.", т. IV, Темниковск. у., т. V, Спасский у., Тамбов, 1883 г.

которые составляли 12,2% всех дворов, имели у себя 34,1% всего количества лошадей. К началу XX в. пропасть между крайними полюсами деревни возросла еще больше. По данным земской статистики 1897—1898 гг. процент безлошадных и многолошадных хозяйств по тем же уездам по сравнению с 1882 годом значительно увеличился: безлошадных хозяйств вместо 25,3% стало теперь 32,5%, хозяйств с тремя и более лошадьми вместо 12,2% стало 14,5%. Но зато сократился процент однолошадных хозяйств с 39,9% до 33,4% и двухлошадных с 22,6% хозяйств до 19,6%.[1] Эти цифры наглядно иллюстрируют типичный для капитализма закон, когда большинство крестьянства разоряется, лишается своих средств производства, а меньшинство, верхушка деревни, обогащается. Наличие рабочего скота являлось одним из основных показателей мощности крестьянского хозяйства. „Многолошадный крестьянин,—писал В. И. Ленин,—почти всегда—богатый крестьянин; если он держит много рабочего скота—значит, у него и посева много и земля есть, кроме одной надельной, и деньги в запасе есть".[2] А безлошадный и однолошадный крестьянин—это уж деревенский пролетарий и полупролетарий. „Безлошадный крестьянин это—такой, который стал уже совсем неимущим. Это—пролетарий. Живет он (покуда живет, и вернее сказать, что перебивается, а не живет) не землей, не хозяйством, а *работой по найму*. Это—родной брат городского рабочего".[3] Недалеко от безлошадного стоял и однолошадный крестьянин. „Однолошадный крестьянин, как и безлошадный, тоже только „заработками" и перебивается,—писал Владимир Ильич.—А что это значит—„заработки"? Это значит работа в чужих людях, работа по найму. Это значит, что однолошадный крестьянин на половину перестал быть хозяином, а стал наймитом, пролетарием. Вот почему таких крестьян и называют *полупролетариями*. Они тоже родные братья городского рабочего, потому что их тоже обирают на все лады всякие хозяева. Им тоже нет иного выхода, нет иного спасения, кроме как соединиться сообща с социал-демократами для борьбы против всех богатеев, против всех собственников".[4] Не менее характерны данные по тем же уездам в распределении между отдельными группами крестьянства крупного рогатого скота. Ниже мы приводим таблицу о распределении крупного рогатого скота между отдельными группами крестьянства, составленную на основе данных земской статистики за 1897—98 гг.[5]

---

1 Проценты за 1897—98 г. подсчитаны по материалам, помещенным в „Журналах очередного Тамбовского губ. земского собрания, бывшего в декабре 1899 г.", Тамбов, 1900 г., стр. 660—661.

2 *Ленин*, т. V, стр. 278.

3 *Ленин*, т. V, стр. 282, курсив Ленина.

4 *Ленин*, т. V, стр. 283.

5 См. Журнал очеред. Тамбовск. губ. земск. собран., бывшего в декабре 1899 г., стр. 660—661.

ЗНАЧЕНИЕ СТРОК	Кол-во дворов		У них коров	
	Абсолютное число	В %% к общему числу дворов	Абсолютное число	В %% к общему числу коров
Бескоровных	9692	25,2	—	—
С одной коровой	18015	46,8	18015	39,2
С двумя коровами	7584	19,7	15168	33,0
С тремя коровами	2094	5,5	6282	13,7
С четырьмя и более коровами	1113	2,8	6523	14,1
Итого	38498	100	45988	100

Таблица, как видим, также очень ярко показывает глубину классового расслоения в селах Мордовии: 25,2% крестьянских дворов были бескоровными, 46,8% дворов имели по одной корове. Эти две группы крестьянства, составлявшие свыше 70% всех хозяйств, имели в своих руках менее 40% всех коров, тогда как две последние группы, составлявшие всего 8,3% всех хозяйств, имели в своих руках 27,8% всего поголовья коров. Вот эти 14,5% хозяйств, которые имели по три и более лошади каждое, и 8,3% хозяйств, имевших по три и более коровы, представляли собой мужиков-богатеев, кулаков, которые сосредотачивали в своих руках основные средства производства деревни (землю, скот, инвентарь). Так, например, в селе Парапине, Ковылкинского района жили кулаки Абуровы, Богомоловы, а в с. Мордовском Вечкенине, того же района кулаки Воробьевы, имевшие свыше полсотни десятин земли каждый, по 10—15 рабочих лошадей, по 20—30 голов крупного рогатого скота, до 100 голов овец, мелочную торговлю и т. д. Накануне 1905 г. каждое село, каждая деревня имели своих Абуровых, своих Богомоловых и Воробьевых, которые держали в своей зависимости бедняцкую часть деревни и вместе с помещиками, попами и чиновниками высасывали из бедноты последние соки, доводили ее до окончательного разорения.

О грабеже кулачеством трудящейся части мордовской деревни очень яркий материал приводит цитированный нами выше В. Майнов, лично наблюдавший мордовскую деревню восьмидесятых годов XIX ст. В своей работе он описывает одну из форм закабаления трудящихся кулачеством—ростовщичество. „Повелось так,—говорит он,—что деньги взаймы дает тот, кто живет побогаче и успел скопить капитал; таких хозяев по мордовским селам встретить не редкость".[1] Много было таких, которые обладали капиталом до 3 тысяч рублей. Насколько

[1] *В. Майнов*, Очерки юридического быта мордвы, стр. 240.

условия займа были тяжелы показывает тот факт, что самым низким процентом у эрзи считался 25% годовых, а у мокши даже 36%. Эти проценты служили „нормальной" гранью для определения ростовщика и простого займодавца. Поскольку бедняцкие массы жили в постоянной нужде и своего хлеба никогда нехватало, то очень распространенным явлением была дача взаймы хлеба на кабальных условиях.

„Рассказывают,—писал Майнов,—что ростовщики нередко берут четверик на четверть [1] да на каждую четверть по 5 рабочих дней, так что при займе в 50 руб., при цене ржи в 6 руб. за четверть, должник уплачивает в полгода процентов 36 руб. 75 коп., а на сто рублей в год одних процентов 147 рублей. И все-таки берут и на этих условиях, когда нужда заставляет". [2]

Если должник своевременно не мог отдать долга, то кулак обращался в волостное правление, где „недобросовестного" должника секли „за ослушание стариков... и приступали к продаже его имущества", которое и доставалось обыкновенно кулаку, имевшему „преимущественное право покупки перед всеми остальными покупателями". [3] Если же должник имел иногда возможность рассчитаться с долгом до срока, то со стороны кулака-ростовщика было особой милостью сократить процент соответственно этому сроку, так как по установившемуся обычаю он имел право требовать уплаты процентов полностью.

На экономическое развитие Мордовии, на рост товарно-денежных отношений в мордовской деревне большое влияние оказало проведение в девяностых годах по ее территории железной дороги. В 1893 году вошел в действие участок быв. Московско-Казанской дороги от Рязани до Казани. А в 1898 г. началось регулярное движение по линии Рузаевка—Пенза. Продукты с.-хозяйства, которые ранее в сравнительно небольшом только количестве реализовались на местном рынке и частично отправлялись за пределы края по рекам Мокше и Суре, то теперь, с проведением железных дорог, начинают скупаться на местном рынке и отправляться по железной дороге в Москву, в порты Балтийского моря и другие пункты страны. Крупную роль в товарном обращении в Мордовии играли такие железнодорожные пункты как Саранск, Рузаевка, Арапово (Ковылкино) и Торбеево. В 1894 г., т. е. в первый же год после открытия дороги, станция Торбеево отправила 68 тыс. пудов хлеба в зерне (рожь, овес), 45 тыс. пудов муки, 49 тыс. пудов семян, 12 тыс. пудов конопляного и льняного масла, 35 тыс. пудов пеньки и т. д. [4]

Если взять данные за трехлетие—1900—1903 г г.,—то увидим,

---

[1] Четверик=одной мере, четверть=8 мерам.

[2] *В. Майнов*, Очерки юридического быта мордвы, стр. 241.

[3] *Там же*, стр. 243.

[4] *Романов*, Грунтовые дороги Тамбовской губ. и их современное значение, Тамбов, 1897 г., стр. 240—241.

что станция ежегодно отправляла от 239 до 516 тыс. пудов ржи, от 129 до 246 тыс. пудов овса, от 72 до 108 тыс. пудов муки, от 8 до 53 тыс. пудов семян и т. д.[1] Таким образом, за первое десятилетие вывоз муки увеличился более чем в два раза, а вывоз зерна увеличился более чем в 10 раз. Получала станция Торбеево десятки тысяч пудов поваренной соли, керосину, пшеничной муки, сахару и другие виды фабрично-заводских товаров.[2] Несомненно, что проведение железных дорог и рост в связи с этим товарного обращения, рост денежного хозяйства усилили классовое расслоение в мордовской деревне. Потребность в деньгах быстро стала расти. К помещичьему гнету в деревне прибавилась власть капитала, власть денег. „Эта власть денег,—писал Ленин в своей статье „Рабочая партия и крестьянство",—всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и проч."[3]

После реформы 1861 года подати и различного рода платежи действительно выросли непомерно. Крестьянин обязан был платить государственные платежи, выкупные платежи, земские сборы, общественные волостные и общественные сельские сборы. Так, например, крестьяне Темниковского уезда в конце XIX в. ежегодно уплачивали всех видов налогов 290600 рубл., что в среднем составляет: на двор по 16 руб., на одну душу мужского пола —6,9 руб. и на работника мужского пола 10,4 руб.[4] Крестьяне же Спасского уезда уплачивали еще больше: 319000 рублей, т. е. в среднем на каждый крестьянский двор приходилось платить по 20 руб., на одну душу мужского пола 8,2 руб., а на одного работника мужского пола 12,8 руб.[5] Такая же картина была и в бывшей Пензенской губернии. Крестьяне Пензенской губернии уплачивали податей всех видов на один двор 20 руб. 22 коп., а на одного работника—13 рублей.[6]

Таким образом, крестьянин Мордовии уплачивал в среднем на один двор свыше 20 рублей, на одного работника мужского пола около 13 руб. Бедняцко-середняцким массам крестьянства доставать таких денег стоило большого труда. Вся эта сумма податей, взимаемых каждый год с крестьянского населения Мордовии, шла на содержание бюрократического аппарата царизма, на содержание армии, полиции, чиновни-

---

[1] Статистич. данные к оценке земель Тамбовск. г., вып. XI, Спасский у., стр. 40.

[2] *Романов*, Грунтовые дороги Тамбовск. губ., стр. 240—241.

[3] *Ленин*, т. IV, стр. 101.

[4] Сборн. статист. свед. по Тамбовск. губ., т. IV, Темниковский у. Таблицы, стр. 132—135.

[5] Сборн. статист. свед. по Тамбовск. губ., т.V, Спасский у., Тамбов, 1883 г. Сводные таблицы.

[6] *Шванебах*, Наше податное дело, СПб., 1903 г., стр. 143.

ков, попов и т. д. А на мероприятия, которые приносили пользу трудящимся, ничего почти не расходовалось. Достаточно сказать, что в Мордовии всех видов сборов с каждой души крестьянского населения обоего пола взималось от 4 до 6 руб. в год, а на народное просвещение и здравоохранение, вместе взятые, как увидим ниже, тратилось на душу населения ежегодно всего 25—27 коп., т. е. около 5—6% от всей суммы крестьянских платежей.

Взимаемая сумма податей значительно превышала доход от надела, которым крестьянин владел. Поэтому „крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность". [1] Эти выводы, сделанные В. И. Лениным на основе анализа большого фактического материала, подтверждаются и данными, взятыми из жизни крестьян Мордовии. Так, например, при переделе земли в 1881 г. многие крестьяне мордовской деревни Пичевки, Анаевской волости, Спасского уезда „от надела, ввиду его убыточности, отказались". [2] Бывшие помещичьи крестьяне этого же уезда „везде сдают душевые наделы в наем только за подати, редко с самою незначительною к ним платою в 25—50 коп. за надел". А бывшие государственные крестьяне указанной выше деревни Пичевки, где сдатчиков было довольно много, сдавали свою надельную землю „даже дешевле следующих за нее податей и сборов, иногда за половину подушных окладов". [3] Такое же положение было и в Темниковском уезде. Земский статистик этого уезда свидетельствует, что небольшой процент крестьян, сдающих свои наделы в наем (5,1% всех дворов), объясняется вовсе не тем, что нет желающих сдавать свои наделы, а тем, что нет на них спроса, так как крестьянские надельные земли Темниковского уезда малы по размерам и плохи по своему качеству и потому „не вознаграждают владельцев за полный оклад выкупных или оброчных платежей со всеми другими сборами". [4] Поэтому „только большие сравнительно наделы бывших государственных крестьян отдаются по ценам, более или менее превышающим лежащие на них платежи и повинности. Сдача малых наделов в наем затруднительна и потому мало практикуется". [5]

В некоторых же волостях Темниковского уезда беднота вынуждена была сдавать наделы за половину и даже менее годового подушного оклада. „В Шалинской волости вообще очень затруднительно и невыгодно сдавать наделы в наем,—читаем мы в указанном выше источнике,— потому что съемщики не дают за них даже полного подушного оклада. Например, в с. Шалах крестьяне заявляют, что почти нет охотников нанимать

---

1 *Ленин*, т. IV, стр. 101—102.
2 Сбор. стат. свед. по Тамбовск. губ., т. V, Спасский у. Таблицы, стр. 2—3.
3 Сборн. стат. свед. по Тамбовской губ., т. V, Спасский у. Таблицы, стр. 73.
4 Там же, т. IV, Темниковский у., стр. 164.
5 Там же, стр. 169.

крестьянскую надельную землю, сдается иногда весь душевой надел, с усадьбою и покосом, за 6—7 руб., а годовой податной оклад около 11 руб. В селе Лаврентьевка отдается душевой надел и за 3 рубля, а податной оклад тоже более 10 рублей. В с. Чудинке только унавоженную землю можно отдавать за годовой податной оклад". [1]

Чтобы представить насколько подати были тяжелы и разорительны для бедняцко-середняцких масс деревни, приведем тот факт, что на уплату годового оклада 20 руб. нужно было проработать целое лето у местных помещиков и кулакав или на отходе, так как месячная зарплата равнялась 3—4 руб. в летний период и 2,5—3 рублям в зимний период. Для того, чтобы уплатить причитающиеся подати, крестьянину нужно было продать около 50 пудов хлеба. Так как урожай зерновых культур в Мордовии равнялся около 40 пудам с десятины, то для 40% крестьянских дворов, у которых надельной пахотной земли было менее 2,5 десятин на двор (под посевом при трехпольном севообороте находилось из них около 1,5. дес.), нужно было продать весь урожай зерновых хлебов. А для другой группы крестьянства, составлявшей свыше 40% всех крестьянских дворов Мордовии, у которых пахотной земли имелось по 4,5 дес. на двор, нужно было продать около половины получаемого урожая зерновых хлебов.

Продав свой хлеб для уплаты податей по низкой цене осенью, беднота вынуждена была голодать или покупать себе хлеб по ценам почти в два раза дороже чем продала сама. О тяжелом положении крестьянина в связи с вынужденной продажей хлеба осенью для уплаты податей цитированный уже нами выше исследователь Пензенской губернии конца девяностых годов пишет: „Под давлением нужды в деньгах для платежа податей крестьянин, тотчас же после уборки хлеба, везет его на ближайший базар и продает несмотря на то, дорога или дешева цена, ибо выжидать ему нельзя. Такое положение вещей ведет к тому, что осенью все базары запружены крестьянским хлебом, цены падают, а затем подвоз начинает сокращаться, требование же растет, крестьянин, продавший осенью рожь по 4 руб. четверть, весной свою же рожь покупает по 6 руб. четверть, а то и дороже или голодает. Производитель несет убытки—купец барыши". [2]

Непомерно высокие подати, которые крестьянин вынужден был платить, еще больше усиливали классовое расслоение в деревне, разоряли большинство крестьянства, усиливали зависимость этого большинства от кулаков и помещиков и способствовали превращению его в деревенских полупролетариев и пролетариев. Трудности, с какими приходилось бедняку в деревне доставать деньги на уплату податей и на другие расходы, а также и окончательное его разорение нашли свое отражение и в мордовском народном творчестве. Мы приведем

---

1 Сборник стат. свед. по Тамбовск. губ., т. IV, Темниковский у., стр. 167.
2 *Бурлуцкий*, Обзор Пензенской губ. в с.-х отношении, стр. 101.

содержание одной из мордовских песен, которая называется „Кимайть-Оксят" (Кимай и Аксинья): жили-были старшая сестра Окся с меньшим братом Кимаем. Последнего нужда заставляет ехать куда-то далеко, чтобы заработать денег, но об этом он не хочет сообщать своей сестре. Однако она узнает, что Кимай собирается на Яик, она его отговаривает не ехать, так как путь туда является очень опасным, что он в пути неизбежно погибнет. Кимай отвечает ей, что не ехать он не может:

„А если я не поеду на Яик, придет осень,
Наложат на меня осенние подати,
А еще положат мелкий сбор.
Не будет у меня денег платить подати,
Не будет у меня на расход копеечки,
И меня потащут на сельский сход,
Меня велень атят [1] станут оплевывать,
Мне от этого очень нехорошо будет".

Несмотря на уговаривание сестры, он уезжает на Яик, чтобы заработать деньги, и в дороге погибает, как это предсказывала ему сестра. [2]

Не может быть сомнения в том, что в песне отражается гибель героя не как человека только, а как определенной социальной фигуры, как мелкого производителя, гибнущего под влиянием роста товарно-денежных отношений, под влиянием роста капитализма в мордовской деревне.

Тяжелое экономическое положение крестьянина усугублялось политическим бесправием и национальным угнетением. Национальное угнетение и политическое бесправие крестьянина, издевательства и поругания над его личностью выступали везде и всюду, в особенности во время сбора податей, когда царские чиновники отбирали у крестьянина за подати не только последнюю скотину, но и издевались над его личностью: пороли его розгами, сажали в подвалы и избивали насмерть. Приведем несколько фактов. Колхозник села Парапина, Ковылкинского района Чекашкин Петр Семенович в своих воспоминаниях о своей жизни при царизме рассказывает:

„Это было в 1898—1899 гг. Пришел только из степи с заработков. Волостной старшина как раз собирал подать. Ему сообщили о моем прибытии домой, за мной немедленно послали десятника, который передал, чтобы я немедленно шел на съезжий двор. Чтобы оставить из заработанных денег хоть несколько рублей для нужд семьи, я решил уплатить не всю причитающуюся с меня на одну душу подать в сумме 6 р. 23 коп., а только 4 руб. Пришел на съезжий двор, когда отдал свои 4 рубля, и сказал, что больше не имею денег, стар-

[1] Велень атят—буквально означает сельские старики, по содержанию для описываемого периода—имущая часть села, мужики-богатеи, которые ворочали всеми делами в деревне.

[2] Рукописный фонд МНИИСК, фольклорный раздел, „Исторические песни", стр. 110—111.

шина стал кричать: „Врешь, у тебя есть деньги". И с этими словами схватил меня за грудь, разорвал ворот рубахи и вытащил мою мошну [1] с несколькими рублями, а десятникам велел открыть подпол, куда меня и втолкнул он, ударив ногой по спине. В темном подполе старшина продержал меня с утра и до позднего вечера. Потом взял из моей мошны причитающиеся с меня еще 2 рубля 23 коп. и выпустил из подпола. Помню еще такой случай, связанный с уплатой податей. Тогда мне было 13—14 лет. У нас из скотины была только одна коровенка. Платить подати было нечем, потому что жили очень бедно. Приехал в село волостной старшина отбирать скотину бедняков за неплатеж податей, в том числе и нашу корову. Отца дома не было. Мать спрятала корову в амбаришко. Когда старшина со старостой и с сборщиками податей пришли к нам, коровы на дворе не оказалось. Долго искали на гумнах, но найти корову им никак не удалось. Наконец добрались до амбара. Старшина потребовал ключей, но мать отказалась открывать, сказав, что у ней ключа нет. Тогда старшина велел изломать замок. Корову обнаружили и увели. Мать рыдая просила старшину не брать коровы, но никакие мольбы не действовали на него. Стараясь удержать корову, мать стала цепляться и держаться за веревку, которой вели корову, падая на землю. Тогда старшина стал ее бить палкой по рукам. Корову все-таки отобрали, увели в г. Наровчат, а руки у матери от побоев старшины все распухли". [2]

Еще более зверский случай расправы с крестьянами при взимании податей произошел в 1893 году в заштатном городе Шишкееве, Инсарского уезда. Передадим этот факт так, как он описан был начальником Пензенского губернского жандармского управления. 18 ноября 1893 г. в заштатном городе Шишкееве, по приказанию Инсарского уездного исправника Иванова, был собран в волостное правление сход по поводу взноса податей.

„Когда же собрался народ и началось взыскание податей, то исправник, находясь тут, в присутствии, позволял себе произносить площадные слова, а также и волостной старшина Калмыков, который при сборе податей позволял себе при этом наносить многим побои, например: крестьянину Алексею Баландину и запасному рядовому Степану Волчихину. Кроме того по приказанию исправника многих обыскивали, нет ли у них денег, и для этой цели брали их по одному в особую комнату, где полицейский урядник Кретинин и рассыльный исправника инсарский мещанин Василий Моргунов вместо обыска наносили крестьянам сильные побои, как-то: отставному солдату Андрею Евсееву, крестьянину Алексею Баландину, Степану Волчихину и отставному рядовому Ивану Ахматову.

---

[1] Мошна—кошелек, имеющий вид кисета, сшитый обыкновенно из тонкой, мягкой кожи, надевалась веревочкой на шею под рубашку.

[2] Рукописный фонд МНИИСК.

Последнего били так, что урядник взял его за волосы, повалил на колени, и рассыльный Моргунов наносил ему удары кулаком по шее и голове. Наконец, урядник свалил Ахматова на пол и бил его ногами в бока и грудь так, что тот почти не дышал, тогда урядник позвал полицейского сотника рядового Власа Рванцева, приказал убрать Ахматова в арестантское помещение. Рванцев потащил его за кушак в арестантскую, где оставил его почти без чувств, вечером приехала за ним его жена и увезла домой, где ночью на 23 число ноября Ахматов скончался, а 26 же ноября труп покойного был анатомирован уездным врачем Головым и признано, что смерть Ахматова последовала от нанесения ему побоев." [1]

Эта расправа с безвинными крестьянами произведена была не только в присутствии, но и по приказанию уездного исправника—представителя царской власти в уезде. После того, как Ахматова почти мертвого вытащили из этой особой комнаты, исправником было дано приказание втащить туда еще крестьянина Илью Мещерякова, но последний отказался, сказав, что там и так одного уже убили. „Тогда исправник начал ругать его площадными словами, сказав: „что ты думаешь тут тебя бить нельзя?" Позвал урядника и приказал дать ему пощечину, что и было исполнено; урядник при этом рвал Мещерякова за бороду и волосы, после чего приказано было отправить его (Мещерякова) в арестантское отделение". [2]

Описанные выше факты вовсе не являлись каким-то исключением или отклонением от общей политики и практики царизма в деревне, наоборот, все эти факты и им подобные были обычным явлением в русской и мордовской деревне, они являлись „нормальной" формой обращения царской власти с многомиллионным крестьянским населением обширной Российской Империи.

Чтобы не умереть с голода, бедняцкая часть деревни вынуждена была массами отправляться на поиски работы далеко за пределы своего края. Количество деревенской бедноты, ежегодно отправлявшейся из пределов современной Мордовской АССР в разные города и районы бывшей царской России, достигало громадной цифры. Чтобы иметь представление о количестве отходников, уходивших из Мордовии, приведем некоторые цифры из отчетов уездных земских управ и исправников по трем уездам бывшей Пензенской губ., входящих ныне в Мордовскую АССР, за 1901 год.

Из Саранского уезда по этим сведениям отправлялось 10832 человека, из Инсарского—12600 чел., а из Краснослободского—14500 человек. [3] Таким образом, число отходников только по трем перечисленным уездам выражалось в круглых цифрах в 38 тыс. человек.

Общее же количество отходников с территории современ-

---

1 Пензенский обл. гос. архив, ф. 5, д. 8332, л. 7,8.
2 Там же.
3 Там же, ф. 5, д. 9255, л.л. 54,146—147, 335—336.

ной Мордовской АССР накануне 1905 г. можно определить цифрой 75—80 тыс. человек. Основная масса этой громадной армии полупролетариев работала в качестве батраков у помещиков и кулаков в Заволжских степях, Новороссийском крае и в других районах царской России. Меньшая же часть работала чернорабочими в различных городах и промышленных районах страны. „Главным занятием на стороне,—писала Инсарская уездная земская управа в своем отчете за 1901 год,—служат сельскохозяйственные работы, за небольшим исключением найма на нефтяные заводы, пароходные пристани и т. д.“ [1] Из 14500 человек, уходивших на отхожие промыслы в 1901 году из Краснослободского уезда, 8270 чел. отправились „на работу для уборки хлебов и трав в губернии Саратовскую, Оренбургскую и Самарскую“. Из этого же уезда „для работы на баржах отправлялось в Саратов и Астрахань до 600 чел.“, до 2500 человек, преимущественно татарского населения, занималось в отходе „разносною торговлею, извозом и наймом в услужении“. [2] Из Саранского уезда на заработки крестьяне отправлялись „преимущественно в низовые Поволжские губернии и в область Войска Донского, для полевых работ“. [3] В Темниковском уезде „из всех других волостей уезда первое место по развитию отхожих промыслов принадлежит мордовской Широмасовской волости... В Широмасовской волости есть плотники, пильщики, портные, торговцы, извозчики и все они отлучаются из своих деревень по паспортам и билетам. Но самый распространенный отхожий промысел крестьян рассматриваемой волости—земледельческие работы в Новороссийских степях и за Волгою. А с недавнего времени значительные партии рабочих из волости имеют заработки на строящихся железных дорогах“. [4] В Теньгушевской волости, того же уезда крестьяне брали ежегодно по 900 видов на отлучку, но в своем большинстве на короткие сроки. Постоянно проживающих на стороне из этой волости оказалось 180 чел., которые жили, главным образом, в Крыму, Петербурге, Ростове на Дону, Самаре и Тифлисе. [5] Многие татары Атюрьевской волости проживали на заработках в Тифлисе, Крыму и Петербурге. „Мордва той же волости ходит на летние работы за Волгу“. [6]

Условия работы отходников были очень тяжелые. Начало и конец рабочего дня для них определялся восходом и заходом солнца. А оплата их тяжелого, изнурительного труда была низкая. Проработав целое лето, отходник приносил домой гроши. По данным волостных правлений за 1901 г. заработок всех отходников Саранского уезда (10832 чел.) достигал 500 тыс. руб., т. е. в среднем на каждого по 45 руб. в сезон или

1 Пензенский обл. гос. архив, ф. 5, д. 9254, л. 180—181.
2 Там же, д. 9254, л. 146—147.
3 Там же, л. 42.
4 Сборник стат. свед. по Томбовск. губ., т. IV, Темниковск. у., стр. 198—199.
5 Там же, стр. 200.
6 Там же, стр. 202.

по 7—8 рублей в месяц. [1] Средний заработок отходников, занятых на сельскохозяйственных работах, был значительно ниже среднего заработка всех отходников уезда. Сезонный заработок 600 чел. отходников Краснослободского уезда, работавших на баржах, определялся в 30000 руб., т. е. в среднем на каждого по 50 руб. в сезон или по 7—8 руб. в месяц, а сезонный заработок 8270 чел. отходников, которые были на сельскохозяйственных работах, определялся в 140000 руб., т. е. в среднем по 17 рублей за сезон на каждого или по 3—4 р. в месяц. [2]

Ясно, что этих грошей хватало в лучшем случае на уплату податей и долгов, а обеспечить семью необходимой одеждой, обувью и хлебом денег опять не оставалось. Приходилось снова итти в кабалу к помещику или к кулаку. Часть же отходников, разорившись окончательно, теряла связь с сельским хозяйством и превращалась в кадровых пролетариев.

В заключение настоящего раздела мы остановимся на положении батраков, работавших в помещичьих и кулацких хозяйствах на территории современной Мордовии.

Положение батраков, работавших в кулацких и помещичьих хозяйствах, было так же очень тяжелым. Длина рабочего дня не нормировалась никакими законами: в летнее время батраки работали „от зари до зари", т. е. не менее 16—19 часов. Оплата труда была крайне низкая. По сообщению инсарского уездного исправника за 1901 г. в весенне-летнее время поденная плата работнику на своем довольствии равнялась 25—40 коп. в день, а работнице 15—25 коп в день. Помесячно работнику на хозяйском довольствии платили от 4 до 6 руб., а работнице от 1,5 до 3 руб. За весь летний сезон, продолжавшийся 6—7 месяцев, работник получал 40 руб., а работница—всего 18 рублей. За целый же год работник получал 50 руб., а работница—24 рубля. [3] На положение батрака оказывало громадное влияние наличие полукрепостнических пережитков в деревне, сословная и гражданская неполноправность крестьянина. Это приводило к тому, что нанимателем батрак рассматривался как человек, над которым можно было издеваться, бить и пороть его как в период крепостного права. Воспоминания прежних батраков—теперешних колхозников Мордовии, а также и архивные материалы дают немало фактов такого издевательского отношения над личностью батрака. Колхозники деревни Васильевки, Ковылкинского района Дементьев и др. в своих воспоминаниях пишут, что обращение с рабочими экономии со стороны помещика Водар и его слуг было дикое. „Очень часто плеть управляющего Шусткина С. С. гуляла по спинам рабочих". И далее они приводят ряд фактов: в 1899—1900 гг. управляющий имением без всякого на то повода выпорол пастухов экономии Акимкина Н. А., Дементьева М. А. и других. Аналогичного же рода факты приводит колхозник

[1] Пензенск. обл. гос. архив, ф. 5, д. 9255, л. 335—336.
[2] Там же, л. 146—147.
[3] Там же, д. 146—147, л. 7.

с. Паньжи Голосков Я. И. Но наиболее характерным из всех этих фактов является заметка, помещенная в 1894 г. в газете „Биржевые ведомости" под заголовком „Возрождение конюшни".

В ней описывается порка конюха Власова предводителем дворянства Саранского уезда Юрловым Ю. И. Содержание этого факта сводится к следующему: 8 июля 1894 г. помещик Юрлов осматривал свои конюшни. При осмотре заметил, что конюх Власов, парень 20 лет, толкнул одну из стоявших в конюшне лошадей в бок рукояткой вил. Власов объяснил свой поступок тем, что лошадь, которую он ударил, наступила на его босую ногу своей подковой и он, чтобы избавиться от нестерпимой боли, отпугнул лошадь. Однако такое объяснение не удовлетворило Юрлова. Он взял Власова за ухо и вытащил его на двор, где приказал своему кучеру и наезднику пороть Власова ременным арапником.

„Экзекуция была произведена по всем правилам искусства: штаны с Власова были сняты, рубашка поднята, и удары были настолько сильны, что спина и руки, которыми несчастный старался укрыться, были буквально исхлестаны в кровь. Но этого показалось мало руководившему истязанием г. Юрлову. Он схватил Власова за волосы и тыкал его лицом в землю, потом приказал принести вилы и ударить Власова по спине рукояткою, чтобы он знал, как бить моих лошадей. Несмотря на то, что нашлись люди, объяснившие, как и кому надо жаловаться, Власов не решился преследовать Юрлова.

— Бог с ним, разве что поделаешь. Земский начальник подчинен предводителю, становой тоже не променяет барина на меня, я же лишусь места, и, кроме того, Юрий Иванович (Юрлов) отнимет землю от моих родственников и родных...

Совершивши это безобразное самоуправство, г. Юрлов, как ни в чем не бывало, разъезжает по уезду и весьма развязно всем объясняет:—Нельзя, знаете, не проучить этих конюхов, это необходимо. Я немало не скрываю, что выпорол мужика, я даже этим горжусь. Я знаю, что будет сделана попытка меня за это пропечатать, но я надеюсь, что звание предводителя спасет меня от этой неприятности". [1] Правда, звание предводителя не спасло Юрлова от неприятности быть пропечатанным в газете, но звание предводителя, звание русского дворянина освободило его от ответственности за свой поступок, за истязание батрака Власова.

Саранский уездный исправник вынужден был формально заняться описанным в газете фактом, поручив приставу 1-го стана „негласным путем произвести об этом дознание". Но одновременно он обязывал пристава написать ему: „Было ли в данном случае истязание или же только нанесение побоя, дела о которых начинаются лишь по жалобам потерпевших". [2]

Дело о порке конюха Власова кончилось без последствий,

---

1 Гос. архив МАССР, ф. 34, д. 20, л. 63—64.
2 Там же.

т. е. так же, как и тысячи подобных дел. Объясняется это все тем же, что крестьянское сословие и после реформы оставлено было неполноправным, подчиненным „вооруженному розгой привилегированному землевладельцу“, [1] за которым стоял весь бюрократический аппарат царизма, защищавший и охранявший его интересы.

Обнищание крестьянства

В результате хищнической эксплоатации со стороны помещиков и капиталистов трудящиеся массы Мордовии были доведены до полного обнищания. Приводимая ниже таблица о сокращении поголовья скота в Мордовии является ярким примером обнищания основных масс крестьянства.

По Спасскому и Темниковскому уездам с 1882 по 1897 г. произошли следующие изменения в количестве крестьянского скота: [2]

ЗНАЧЕНИЕ СТРОК	Годы		Убыль	
	1882	1897	В абсолютных числах	В %%
Лошадей	42687	37241	5446	12,7
Коров	67581	45988	21593	32,0
Овец	161110	135771	25339	15,7

Следовательно, за 15 лет произошли громадные изменения в количестве крестьянского скота. Особенно намного сократилось число коров. Еще большее сокращение скота произошло по Инсарскому, Краснослободскому, Наровчатскому и Саранскому уездам. По этим уездам с 1870 по 1892 г. произошли следующие изменения: [3]

ЗНАЧЕНИЕ СТРОК	Годы		Убыль	
	1870	1892	В абсолютных числах	В %%
Лошадей	202700	98000	104700	51,7
Крупного рогатого скота .	114600	64900	49700	43,5
Овец	358100	204400	153700	43,1
Свиней	92300	35000	57300	62,1

1 *Ленин*, т. V, стр. 92.

2 Данные за 1882 г. взяты из „Стат. свед. по Тамбовск. губ“., т. IV и V, данные ка 1897 г. помещены в „Журн. очер. Тамбовск. губ. зем. соб., быв. в декабре 1899 г.“

3 Таблица. сост. по данным, помещенным в цитиров. выше работе Бурлуцкого, стр. 65 и 72.

Таким образом, почти наполовину сократилось поголовье крупного рогатого скота и овец, а число лошадей и свиней сократилось даже больше, чем наполовину. Основные массы крестьянства вынуждены были, следовательно, поедать свой основной капитал. Особенно большое сокращение скота за эти годы объясняется, очевидно, результатом неурожаев и голода 1891-92 г. Но надо иметь в виду, что систематические неурожаи и хроническое голодание крестьянства сами по себе являлись результатом ограбления основных масс крестьянства помещиками, кулаками и царскими чиновниками. Обнищание основных масс крестьянства современной территории Мордовской АССР очень ярко показывают данные о росте недоимок по различным видам налогов, а также задолженности вообще. По данным за 1892 г. крестьяне Мордовии имели недоимок только по податям в сумме 3457 тысяч рублей. По Саранскому уезду недоимки равнялись 214% к сумме основного годового оклада, а по Ардатовскому—даже 325%. [1] По отдельным волостям эти цифры были еще выше. В феврале 1897 года председатель Саранской уездной земской управы доносил пензенскому губернатору, что недоимки по земским платежам крестьян Кривозерьевской волости (при окладе в 3694 руб.) доходят до 32600 руб., т. е. равняются 9-летнему окладу. [2] Если принять во внимание недоимки не только по податям, выкупным платежам, но и недоимки за продовольственную ссуду и др., то задолженность крестьянства казне достигала громадных цифр. По Ардатовскому уезду вся эта задолженность равнялась 4 миллионам руб., что в среднем составляло около 80 руб. на каждый крестьянский двор. [3]

„Соображаясь с наличным имуществом крестьянского населения уезда,—писал один из членов Ардатовского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности,—можно с уверенностью сказать, что если бы весь показанный долг взыскан был с него (крестьянства) без предоставления ему каких-либо льгот, уезд в настоящее время представлял бы из себя скопление голодного пролетариата, не способного бороться, по отсутствию у него к тому каких-либо средств, ни с природой, ни с капитализмом и готового при всяком удобном случае нарушить существующий порядок и спокойствие". [4]

Кроме недоимок по разным платежам бедняцко-середняцкие массы крестьянства имели большую задолженность кулакам-ростовщикам и крестьянскому банку. В 1902 г. одним из членов Ардатовского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности для выяснения этого вида задолженности было обследовано типичное для уезда крупное мордов-

---

1 Свод статист. материалов, касающихся экономического положения сельскохозяйства Европейской России, СПб., 1894 г.

2 Пензенск. обл. гос. архив, ф. 5, д. 8743, л. 4.

3 Труды ком—тов о нужд. с.-х промышл. Симбирская губ., стр. 272.

4 Там же, стр. 272.

ское село—Атяшево. В результате выяснилось, что из 309 домохозяев села 204 домохозяина или 66% были должны местным кулакам и крестьянскому банку. Сумма долга равнялась 14143 рублям или в среднем 62 рублям на каждое задолжавшее хозяйство.[1]

Таким образом, основные массы крестьянства эксплоатацией помещиков, монастырей и кулаков были доведены до полного разорения. Классовые противоречия между помещиками и крестьянством—с одной стороны, между деревенской верхушкой и бедняцкими массыми крестьянства—с другой, стали все больше и больше обостряться.

Переселение крестьян из Мордовии

„Как известно,—писал В. И. Ленин,—на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России“ .[2]

В связи с невыносимо тяжелым положением некоторая часть крестьян современной территории Мордовии начинает возлагать надежды на улучшение своего положения посредством переселения в Сибирь и другие районы. Они думали, что в новых местах могут жить привольно во всех отношениях, а в земельном в особенности. Цитированный уже нами выше член Пензенского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности землевладелец Ладыженский в своей записке рассказывал, как крестьяне Пензенской губернии встретили официальное правительственное распоряжение 1894 года о переселении вдоль линии строившейся Сибирской железной дороги.

„Предложение это,—писал он,—вызвало среди крестьянского населения массовые стремления итти на новые места. Мало соображаясь как с своим семейным, так и экономическим положением, крестьяне записывались в волостях почти поголовно и с возрастающим нетерпением ждали разрешения из Министерства... От времени заявления о желании переселиться до получения проходных свидетельств от земского начальника и представления их на железных дорогах, чтобы воспользоваться льготным проездом, в деревнях ходили самые разнообразные толки о новых местах поселения, большей частью не соответствующих действительности. Обилие нетронутых земель хорошего качества, легкость их обработки, богатство лесов, множество рыбы в водах, благодатный климат, возна-

[1] Труды местных комитетов о нуждах с.-хоз. промышленности. Симбирская губ., стр. 215—216.

[2] *Ленин*, т. XV, стр. 524.

граждающий человека превосходными урожаями хлебов, плодов и овощей, при ничтожном с его стороны труде—соблазняли каждого и тянули к предполагаемой привольной жизни."[1] Надежда мордовского крестьянина найти в новых местах привольную, обеспеченную жизнь нашла свое яркое отражение и в мордовском народном фольклоре. В одной мордовской сказке „Сыре Варда" („Старая ведьма") рассказывается, как плохо жилось мордвину с мордовкой несмотря на то, что они вместе с тремя сыновьями работали день и ночь до поту. Тогда сыновья решили отправиться в Сибирь, где думали найти себе привольную жизнь. Один из братьев представил жизнь в Сибири в своей песне такой:

В Сибирь! в Сибирь!..
Найдем там вольную землицу:
Где хлебу род, где пчелам вод,
Где скот родится каждый год,
Где люди пьют вино и мед,
А не холодную водицу. [2]

Территория современной Мордовской АССР выделяла громадное количество переселенцев. По данным за 15-летие (1896—1910 г.) из Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний, части территории которых составили современную Мордовию, переселилось 34142 крестьянских двора с населением свыше 200 тыс. душ обоего пола. [3] Покидая свои родные места, крестьяне надеялись покончить с нищетой и в новых краях найти себе счастье. В надежде на это счастье в дороге они терпели всякие лишения: голод, холод, болезни и т. д.

Но доехав до места, большинство крестьян-переселенцев ожидаемого счастья не находило. Не имея ни крова, ни денег, они вынуждены были итти наниматься к местным кулакам в работники и влачить жалкое существование. Крестьянин уезжал в надежде, что в новых местах он вылезет из нужды и станет самостоятельным хозяином. Но по приезде туда, он скоро разочаровывался. Оказывалось, что на новых местах тоже нужен был рабочий скот, инвентарь, нужны были деньги; без этих „вещей" и в новых местах стать самостоятельным хозяином было нельзя. Устраивался хорошо и на новом месте тот, кто имел капитал.

Не найдя ожидаемого для себя счастья и в новых местах, крестьяне возвращались обратно на свою родину. Так, например, из 60 семейств с. Селищи и дер. Тройни, Краснослободского уезда, переселившихся в 1891 г. в Белебеевский уезд Уфимской губ., осталось там только 5—6 дворов, а остальные же, не найдя „воображаемых привольных мест, изобилующих всеми бла-

---

1 Труды местных ком. о нуждах с.-хоз. пром. Пензенская губ., стр. 31—32.
2 *С. Аникин*, Мордовские народные сказки, СПб., 1909, г., стр. 22.
3 Сборник статист. свед. за 1901—1922 гг., Москва, 1923 г.

гами природы... вернулись в Селище и Тройни на свое пепелище... Все они разорились вконец". [1]

„Остались те,—писал помещик Ладыженский,—которые попали в исключительно благоприятные условия и те, которые, истратив все что имели, не нашли средств, чтобы вернуться на родину". [2]

Надежды правительства и помещиков на то, что переселение в значительной степени притупит и обезвредит аграрный вопрос, не оправдались. Крестьянство все более и более убеждалось в том, что для улучшения своего положения оно должно итти по другому пути. И взоры его устремлялись на рядом лежащие помещичьи земли. Крестьянство самой жизнью убеждалось в необходимости революции против помещиков и царизма, как в единственном средстве улучшения своего материального и политического положения.

Промышленность в Мордовии и положение рабочих

Характерной чертой развития капитализма в Мордовии являлось слабое развитие промышленности. Согласно данным А. В. Погожева, относящимся к 1902 году, промышленность на территории Мордовии и количество занятых в ней рабочих представляется в следующем виде: [3]

ВИДЫ ПРОИЗВОДСТВА	Количество заводов и фабрик	Рабочих	
		На всех предприятиях	В среднем на каждое предприятие
Чугунолитейных	4	95	24
Железо-прокатных	1	700	700 [4]
Полуфаянсовых	2	65	33
Суконных	1	172	172
Бумажных	1	300	300
Спичечных	2	229	115 [5]
Лесопильных	2	77	38
Пенько-трепальных	2	200	100
Махорочных	1	48	48
Мукомольных	3	85	29
Винокуренных	19	662	35
Крахмальных	3	113	34
Итого	41	3078	75

[1] Пензенск. епарх. ведом., № 18, 1903 г., стр. 747.

[2] Труды местных комитетов о нуждах с.-хоз. промышленности. Пензенская губ., стр. 44.

[3] Таблица составлена по данным, помещенным в работе А. Погожева: „Учет численности и состава рабочих в России", СПб., 1906 г.

[4] Железно-прокатный завод находился в селе Вознесенском, которое в современную Мордовскую АССР не входит. Мы включаем его в таблицу постольку, поскольку для анализа социально-экономического положения (а в следующих главах и революционного движения) берем весь уезд. Завод ввиду нерентабельности в 1909 г. был закрыт.

[5] Одна спичечная фабрика с 169 рабочими в современную территорию МАССР также не входит.

Таким образом, на территории Мордовии имелось 41 предприятие с общим количеством рабочих около 3000 человек. Большинство из указанных предприятий представляли собой небольшие, плохо оборудованные мануфактуры с отсталой техникой производства. Достаточно сказать, что 83% всех предприятий имели менее 50 рабочих каждое. Наиболее видное место в промышленности Мордовии занимали винокуренные заводы, составлявшие около половины всего количества предприятий, которые в большинстве своем находились в руках помещиков.

Сумма их годового производства по данным обзоров Пензенской и Тамбовской губерний за 1906 год составляла около 6,5 миллионов рублей. Кроме указанных в таблице к наиболее крупному виду предприятий нужно отнести депо и мастерские станции Рузаевка, насчитывавшие около 300 человек рабочих. В целом, как видим, промышленность в Мордовии была развита очень слабо, что в значительной степени объясняется ее колониальным положением.

Большинство промышленных предприятий в Мордовии возникло в пореформенный период и особенно в девяностых годах. Для подтверждения этого положения можно привести погубернские данные о времени возникновения фабрик и заводов по Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерниям. Поскольку современная территория Мордовской АССР составилась на 95% из территорий указанных губерний, то и данные о времени возникновения фабрик и заводов в этих губерниях, несомненно, отражают возникновение их и на территории Мордовии. Для удобства пользования данные расположим в виде таблички и получим следующую картину: [1]

ГУБЕРНИИ	Основано в период					
	В % % ко всем предприятиям					
	До 1861	От 1861 до 1870	От 1871 до 1880	От 1880 до 1890	От 1891 до 1900	От 1900 до 1902
Пензенская	7,9	7,3	10,1	19,7	53,3	1,7
Симбирская	14,3	7,6	9,5	19,2	45,6	3,8
Тамбовская	11,8	14,2	12,7	18,9	41,5	0,9

Следовательно, из всех существующих к 1902 году фабрик и заводов до реформы 1861 года возникло только около 10 проц., остальные же все возникли в пореформенный период, причем около 50 проц. всех предприятий возникло за последнее десятилетие XIX столетия.

Основным контингентом рабочих на фабриках и заводах Мор-

[1] *См. Погожев*: „Учет численности и сост. рабочих в России", стр. 75.

довии была местная крестьянская беднота, не порвавшая еще окончательно связи с сельским хозяйством. Положение их было очень тяжелым. Владельцы фабрик и заводов, пользуясь привязанностью рабочих к своему наделу, а также наличием большого количества свободных рабочих рук, готовых в любое время заменить работавших, подвергали их жесточайшей эксплоатации. Меньше 12 часов рабочего дня не было ни на одном предприятии. На большинстве их рабочий день был 12—14 часов, а на некоторых доходил до 16—17 часов. За всю эту изнурительную работу рабочий получал нищенскую зарплату, равнявшуюся 3—5 рублям в месяц. Приведем некоторые факты из данных Пензенского губернского статистического комитета за 1887 год: на винокуренном заводе купца Начаркина при селе Дарьино, Саранского уезда рабочий день равнялся 12 часам, зарплата—4 рублям.[1] На кожзаводе, принадлежавшем крестьянину г. Краснослободска, рабочий день равнялся 12 часам, зарплата—4 рублям.[2] На кожзаводе Саранского купца Мещерякова, находившемся в г. Саранске, продолжительность рабочего дня в летнее время была 16 часов в сутки, в осеннее-зимнее время—12 часов. Заработную плату рабочие получали в месяц 5 рублей.[3] На Саранском кожзаводе купца Цинговатова продолжительность рабочего дня равнялась в летнее время 17 часам в сутки, в осенне-зимнее время—12 часам.[4] Аналогичная картина имелась и на других предприятиях. Земская статистика 80 гг. раскрывает ужасную картину положения рабочих темниковских заводов и Ширингушской суконной фабрики. По данным этой статистики по Темниковскому уезду в восьмидесятых годах занято было работой на местных фабриках и заводах 877 человек. Все они были крестьянами из ближайших к фабрикам и заводам селений. Заработную плату получали они помесячную—от 4 до 6 руб. в месяц, а продолжительность рабочего дня равнялась 16 часам. Женщины, подростки и дети, труд которых широко применялся, получали за тот же 16 или 17-часовой рабочий день значительно меньше, чем взрослый мужчина. „При производстве сукон и ковров,—пишет земский статистик Романов,—работают преимущественно девушки и дети разного пола от 10 лет. Малолетние получают не более 3 рублей в месяц при своей пище, с 18 лет получают 3—4 рубля в месяц, а 6 рублей может получить только взрослый чернорабочий при фабрике. По отзывам крестьян работы малолетних очень для них тяжелы, потому что рабочее дневное время продолжается от 4 часов утра до 8 часов вечера".[5] Таким образом, рабочий день не только взрослых,

---

[1] Пензенский обл. гос. архив, ф. губ. стат. ком—та, д. 187, л. 164—165.
[2] Там же, л. 247.
[3] Там же, л. 305.
[4] Там же, л. 193.
[5] Статистические данные по Тамбовской губ., т. IV, Темниковский уезд, стр. 197.

но и малолетних детей равнялся 16 часам. И за это даже взрослому рабочему платили по 20 копеек, а детям менее 10 коп. в день. Понятно, что этого скудного заработка нехватало даже на пропитание самого работающего. Но даже и эту нищенскую заработную плату рабочий на руки не получал. Из нее вычитывались штрафы, а остальная часть оседала в кармане капиталиста через фабричную лавку. „Зарабатывать сверх своего содержания ничего не доводится,—читаем мы в цитированном уже источнике,—получаемое вознаграждение расходуется при самых работах на покупку муки и других припасов и товаров в фабричных лавках". [1]

Некоторое представление о положении рабочих железоделательного завода Карамзина, находившегося в Краснослободском уезде, дает описание одного священника, которое было помещено в „Пензенских епархиальных ведомостях" в 1883 г. Рабочими этого завода являлись жители деревни Ново-Богородского, половина которых состояла из бывших заводских людей, а другая половина—из бывших господских дворовых крестьян. Хлебопашеством они не занимались, жили исключительно на заработной плате, получаемой за работу на заводе. „Живут (они) весьма бедно: избы их перекосились, на одних нет крыш, а у других—рам, у третьих ворот и проч... Из 50 дворов, составляющих деревню Ново-Богородскую, только в пяти дворах имеется постоянный хлеб насущный". [2] Еще в более худшем положении находились рабочие суконной фабрики Суворова при с. Ширингуши. Здесь также на фабрике работали взрослые мужчины, женщины и дети разных возрастов. Рабочий день равнялся 17 часам, одинаково и для взрослых, и для малолетних. Начинался он в 5 часов утра и продолжался до 10 часов вечера. Зарплату большинство рабочих (ткачи и прядильщики) получали сдельную. Ткачи работали на ручных станках и получали по 2 рубля с так называемой „половинки" сукна, которая равнялась 40 метрам. Только при очень хорошем материале „половинку" можно было выткать в неделю. При плохом материале требовалось две недели. Из 2 рублей отдавалось еще мальчику-шпульнику 20 коп. Прядильщики получали за свою работу по 13 коп. с основы, 2 прядильщика (работали попарно) изготовляли в день 5—6 основ. Кроме того, надо иметь в виду, что употребляемые при работе сальные свечи рабочие покупали на свои деньги. Следовательно, рабочему оставались в буквальном смысле гроши. Ткач в месяц мог заработать 4—6 руб., из них 60—70 коп. отдавал шпульнику и около одного рубля тратил на покупку свечей. Не больше 6—8 рублей в месяц зарабатывали и прядильщики. Подростки, которые выполняли работы при чесальных машинах (настилали шерсть, присматривали), получали в месяц от 1,5 до 3 рублей, а женщины, выполнявшие большей частью поденные работы, полу-

[1] Статистические данные по Тамбовской губ., т. IV, Темниковский уезд, стр. 197.

[2] Пензенские епархиальные ведомости, №15, 1883 г., стр. 29.

чали в день 12 копеек. Несколько выше заработную плату имели кузнецы, столяры и слесаря. Первые и вторые получали в месяц 9—12 рублей и третьи—15 рублей. [1] Эти цифры говорят сами за себя и не нуждаются в особых комментариях. Они раскрывают перед нами зверскую эксплоатацию рабочего класса капиталистами. Рабочие фабрики за свой 17-часовой трудовой день, работая всей семьей, не имели возможности заработать себе средства даже на пропитание, не говоря уже о создании для себя мало-мальски человеческих условий.

Земский статистик так характеризовал положение ширингушских рабочих: „Большинство семейств в Ширингуше едва пропитываются, хотя имеют какую-нибудь фабричную работу и взрослые и подростки обоего пола... Некоторые семьи нищенствуют". [2] К этим словам статистика трудно что-либо добавить.

Тяжело жилось также рабочим-железнодорожникам. Рабочий день у них равнялся 11 часам, а у ремонтных рабочих в летнее время 15—16 часам. Зарплата была не на много выше, чем на тех фабриках и заводах Мордовии, о которых мы уже говорили. Так, например, на строительстве Московско-Казанской железной дороги чернорабочие получали в месяц 12 рублей. Около 10 рублей в месяц получали ремонтные рабочие. Основная масса рабочих депо Рузаевка, по воспоминаниям старого рабочего т. Тростина А. Н., получала в месяц не более 15 рублей. „Из всех слесарей депо,—говорит он,—только 3 человека получали в день по одному рублю. Остальные же получали по 80 коп. и даже по 40 коп. в день". [3]

Токари и медники зарабатывали в месяц 15—25 рублей, молотобойцы—по 12—15 рублей, стрелочники—по 9—11 рублей, кондуктора—около 15 рублей, телеграфисты—от 20 до 30 рублей и т. д. На несколько рублей больше можно было получить при условии сверхурочной работы, когда работу начинали в 6 часов утра и кончали в 10 часов вечера. Часто практиковалась бессменная работа в течение 24 часов, а „во время русско-японской войны заставляли иногда работать бессменно по 36 часов". [4] В депо Рузаевки широко применялись штрафы. „Кузнеца Балахонкина и одного молотобойца администрация оштрафовала по 3 рубля за то, что они из хозяйского материала сделали сковороду, на которой рабочие в обеденный перерыв собирались там же, в депо, жарить картошку". Но иногда штрафы деньгами не брали, а вместо этого лишали рабочего на 3—4 дня работы.

Жилищные условия рузаевских рабочих были очень плохие. На квартирах, построенных хозяином Московско-Казанской железной дороги фон—Мекком, жила только наиболее высокооплачиваемая часть служащих. Основная же масса рабочих жила

---

[1] Статистические данные по Тамбовской губ., т. V, Спасский уезд, стр. 101—102.
[2] Там же, стр. 102—103.
[3] Рукописный фонд МНИИСК. Воспоминания А.Н. Тростина.
[4] Там же.

в окружающих станцию селениях, в тесных, грязных, закоптелых крестьянских избушках. Ни кроватей, ни постелей не было, „спали на лавках, на полу, одним словом, кто где находил себе место". [1] Бани и больницы в Рузаевке не было. В больницу нужно было ездить на станцию Арапово (Ковылкино) за 85 километров.

О тяжелых условиях жизни ремонтных рабочих станции Красный Узел рассказывает также старый железнодорожник Семенов С. Т., ныне депутат Верховного Совета МАССР. „Жили они,—говорит тов. Семенов,—в грязной казарме, где воздух постоянно был спертым, клопы и другие паразиты не давали рабочим покою. Спали на полу. Мастер и другое начальство обращались с рабочими грубо". [2]

Таково было положение железнодорожных рабочих быв. Московско-Казанской железной дороги накануне 1905 г.

По сравнению с фабрично-заводской промышленностью более крупную роль в Мордовии играла лесная промышленность, под которой следует понимать „исключительно приготовление леса на продажу". [3] В связи с общим развитием капитализма в послереформенный период эта отрасль промышленности росла также очень быстро. Строительство фабрик и заводов, железных дорог, жилых домов в городах и рабочих поселках и пр. предприятий предъявляло на лес огромный спрос. Богатая лесами территория современной Мордовии, особенно ее северо-западная часть, становится одним из районов, снабжающих лесом потребности развивающегося капитализма в России. [4]

До проведения через территорию современной Мордовии железнодорожной линии лес сплавлялся главным образом по р. р. Мокше и Суре, а с момента проведения железных дорог стал отправляться и по железным дорогам. Так, например, ст. Пичкиряево в 1894 году, т. е. в первый же год действия Московско-Казанской железной дороги на этом участке отправила 178 тыс. пудов лесных строительных материалов и 1228 тыс. пудов дров. [5] За пятилетие—1898—1902 гг.—она в среднем ежегодно отправляла уже по 590 тыс. пудов строительных лесных материалов и по 1664 тыс. пудов дров. [6] Как видно из приведенных цифр особенно увеличилась отправка строительных материалов. За какие-нибудь несколько лет количество ежегодно отправляемого строительного лесного материала увеличилось более чем в три раза, а дров на 35%.

---

1 Рукописный фонд МНИИСК. Воспоминания А. Тростина.

2 См. газ. „Красная Мордовия" от 23/VI—1938 года.

3 *Ленин*, т. III, стр. 410.

4 По данным на 1893 г площадь, занятая лесом только по Темниковскому и Спасскому уездам, равнялась 430776 десятинам, что составляло в общей площади этих уездов 52%. По качеству пород леса Темниковского и Спасского уездов являлись самыми лучшими (см. Памятную книжку Тамбовской губ., 1894 г., стр. 104).

5 *Романов*, Грунтовые дороги Тамбовской губ., стр. 242.

6 Статист. данные к оценке земель Тамбовск. губ., вып. XI, Спасск. у., стр. 114—115.

За указанное пятилетие (1898—1902 гг.) из пределов Спасского уезда только по железной дороге (станции Пичкиряево, Зубово-Поляна и Торбеево) было отправлено 3896 тыс. пудов строительного леса и 13237 тыс. пудов дров, т. е. в среднем ежегодно около 3,5 милл. пудов лесного груза. Строительный лес направлялся в различные пункты страны, а дрова большею частью в Москву. Кроме того, отправлялось большое количество древесных изделий: древесной коры, угля, дегтя, смолы, рогожи и т. д. Только одного мочала и изделий из него с указанных трех станций в 1901 г. было отправлено 107 тыс. пудов. [1] Такую же картину мы видим и по другим лесным районам Мордовии. По сообщению саранского уездного исправника за 1901 г. из Саранского уезда вывезено было за пределы Пензенской губ. одних только шпал для железнодорожного строительства до 100 тыс. штук, около 90 тыс. ободьев, до 2500 штук саней и т. д. [2]

Поставщиками леса и изделий из него была особая категория предпринимателей-лесопромышленников, которые закупали лес у казны и у частных владельцев и разрабатывали его наемными рабочими. Земская статистика восьмидесятых годов зарегистрировала по одному только Спасскому уезду около 200 лесопромышленников, а по Темниковскому—даже 550 [3]. В отношении последней цифры статистик отмечает, что многие из таких „лесопромышленников" могут быть отнесены к разряду лесорубов. [4] Если число действительных лесопромышленников и по Темниковскому уезду принять примерно в 200 человек, как и в Спасском уезде, то в двух уездах их было свыше 400 человек. Характерно, что большинство лесопромышленников указанных уездов находилось в мордовских волостях: по Спасскому уезду в Ачадовской, Кирилловской, Виндреевской и Зарубкинской волостях, а по Темниковскому уезду в Атюрьевской, Барашевской и Бабеевской волостях [5]. Лицо лесопромышленников и их деятельность земский статистик Спасского и Темниковского уездов характеризует следующим образом: „Это все крестьяне, берущие с торгов у казны и у частных владельцев маленькие делянки или кварталы лесных дач на сплошную или выборочную рубку. Они торгуют всякими необработанными и обработанными лесными материалами (бревнами, готовыми срубами для изб, тесом, дровами, тростями для бочек и проч.). Множество местных крестьян не только работают у леспромышленников по найму, но и покупают у них лесные материалы для какой-нибудь переработки и розничной продажи". [6] Или далее: „Богатые крестьяне-лесопромышленники сами не работают, но нанимают плотников, пиль-

---

[1] Статистич. данные к оценке земель Тамбовск. губ., вып. XI, Спасск. у. стр. 114—115.

[2] Пензенск. обл. гос. архив, ф. 5, д. 9255, л. л., 332—333.

[3] Сборник статист. сведений по Тамбовской губ., т. V, стр. 94, том IV, стр. 195.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же, т. V, стр. 94.

щиков, посудников, лопатников и торгуют не только дровами, лесом в бревнах, но и срубами, пиленым материалом и деревянными изделиями, некоторые промышляют лыками". [1]

Земская статистика конца XIX столетия в Темниковском и Спасском уездах считала 3850 чел. лесных рабочих (лесорубы, углежоги, смолокуры) и 2741 чел. строительных рабочих (плотники, пильщики), которые работали у лесопромышленников и у местных землевладельцев.[2] „В Черменской волости,—пишет земский статистик Романов,—крестьяне почти поголовно всю зиму и частью лето занимаются заготовками леса для крупных лесопромышленников, некоторые крестьяне этой волости работают в частных лесах ближайшей местности Шацкого уезда. Крестьяне Стандровской и Кочемировской волостей тоже занимаются вырубкой и вывозкой леса и дров на пристани рек Вада и Мокши по найму от лесопромышленников". [3] Такое же положение было и по другим районам Темниковского уезда. Крестьяне Бабеевской и Стрелецкой волостей работали в Большой Пуштинской казенной даче и в даче Саровского монастыря". [4] Около 300 пильщиков шести селений Спасского уезда (Малышево, Чотово, Варжелей, Каргалы, Липлейка, Пичкиряевский Майдан) работали также по найму у местных лесопромышленников, а часть из них (из Пичкиряевского Майдана) работала у лесопромышленников в 30 километрах от места своего жительства на Котельнической пристани р. Мокши. [5]

Положение рабочих лесной промышленности было очень тяжелым. Пользуясь темнотой, беззащитностью и раздробленностью рабочих, лесопромышленники подвергали их жесточайшей эксплоатации.

„Лесные работы,—писал В. И. Ленин,—принадлежат к наиболее дурно оплачиваемым; гигиенические условия их отвратительны, и здоровье рабочих подвергается сильнейшему разрушению; положение рабочих, заброшенных в лесную глушь, наиболее беззащитное, и в этой отрасли промышленности царят во всей своей силе кабала, *trucksustem* и т. п. спутники „патриархальных" крестьянских промыслов". [6] Именно в таких тяжелых, отвратительных условиях, за низкую плату и работал многочисленный состав лесных рабочих Мордовии. Приведем некоторые примеры. Дроворубы Темниковского уезда за свой тяжелый изнурительный труд получали в неделю при своей пище 1—1,5 рубля. [7] Таким образом, дневной заработок рабочего равнялся 14—21 копейкам. За эти 14 коп. он работал не менее 14 часов, получая, следовательно, за каждый час своей работы всего лишь около одной копейки. Практиковался наем лесных рабочих и при хозяйской пище, при этом

---

1 Сборник стат. сведений по Тамбовск. губ., т. IV, стр. 195.
2 Сборник статист. свед. по Тамбовск. г., Тамбов, 1890 г.
3 Сборник статист. свед. по Тамбовск. г., т. IV, Темниковск. у., стр. 180.
4 Там же, стр. 179.
5 Там же, том V, стр. 87.
6 *Ленин*, т. III, стр. 412.
7 Сборник стат. свед. по Тамбовск. губ., т. IV, стр.181.

заработок лесного рабочего был еще ниже указанного; он получал за неделю всего 50 коп., т. е. по 7 коп. в день.[1] Ясно, что на такие кабальные условия работы итти человека заставляла лишь большая нужда, стремление сохранить себе жизнь и не умереть голодной смертью.

В аналогичных условиях работали углежоги, получая в неделю за свой труд 1 руб.; пильщики зарабатывали в неделю от 1,5 до 2 руб., а лопатники получали за каждую сделанную лопату всего 3 коп.[2]

Гигиенические условия работы были отвратительные. Рабочие-лесорубы, работающие за 10 и более верст от места своего жительства, жили и в зимнее время в сырых и темных землянках в лесу. Лесопромышленники никаких письменных соглашений с лесорубами не заключали. Это обстоятельство давало им возможность наиболее широко использовать систему обмана, обсчета рабочих. Не в лучшем положении были бедняцко-середняцкие массы крестьянства, работавшие у лесопромышленников на своих лошадях по вывозке леса. Так, например, крестьяне Шалинской волости возили „дрова на местный винокуренный завод по 2 рубля за куб. сажень на расстоянии около 15 верст", а крестьяне Кочемировской вол. заготовляли дрова с вывозкой на 15 и более верст по 2 рубля 50 коп. за кубическую сажень.[3] Куб. сажень дров вывозилась обыкновенно не менее чем на 6 подводах, следовательно, каждый рабочий с лошадью зарабатывал в день всего около 30 копеек.

Ясно, что на эти гроши невозможно было не только семью прокормить, но даже и самую рабочую силу, занятую на вывозке.

В заключение настоящего раздела следует еще сказать о кустарных промыслах. Наиболее распространенными из них в Мордовии являлись промыслы по обработке дерева. Сюда относятся бондари, тележники, колесники, лопатники, рогожники и прочие. По данным земской статистики конца XIX стол. такого рода кустарей в Темниковском уезде было 698 чел., в Спасском—1567 чел.[4] В Краснослободском уезде по данным уездной земской управы за 1901 год насчитывалось таких кустарей 1400 человек, а в Саранском уезде одних только бондарей было 925 человек.[5]

Этот вид кустарных промыслов обслуживал не только нужды местного населения, но в значительной степени и нужды фабрики, поэтому в известном смысле их можно считать придатком последней. Так, например, бондари Инаевской, Ичадовской и Боково-Майданской волостей, Спасского уезда работали на местных лесопромышленников и выделывали им бочечные „трости",[6] которые сбывались на винокуренные заводы.

---

1 Сборник стат. свед. по Тамбовской губ., т. IV, стр. 181.
2 Там же, стр. 186, 188, 190.
3 Там же, стр 182.
4 Сборник статист. сведений по Тамбовской губ., Тамбов, 1890 г.
5 Пензенский обл. гос. архив, ф. 5, д. 9254, л. л. 139—140; д. 9255, л. 334.
6 Тростью назывались дощечки, из которых составляются стенки бочек.

Бондари дер. Беляевки, Ачадовской волости, наряду с производством кадушек на рынок, делали бочки и для местного винокуренного завода.[1] 1110 кустарей Краснослободского уезда, производившие рогожи и кули, сбывали свои изделия на местном базаре в Ельниках скупщикам, которые отправляли их в различные города страны. Промысел этот был распространен в селениях Ельниковской и Урейской волостей.[2]

Организация этих промыслов носила капиталистический характер. О самостоятельности большинства кустарей не могло быть и речи. Они или уже стали наемными рабочими выделившихся из своей среды „хозяйчиков", или сохраняли только видимую „самостоятельность", а в действительности находились в полной зависимости и от лесопромышленников, у которых они покупали сырье для своей работы, и от скупщиков, которым сбывали свои изделия. Приведем несколько примеров, характеризующих положение кустарей в Мордовии в конце XIX в. В с. Богдановке, Ачадовской волости, Спасского уезда был развит промысел по выделке деревянных ведер. Земский статистик отмечает, что „бедные работают на хозяев из готового материала, получая по 3 коп. с ведра".[3] Рогожники Сядемской вол., Спасского уезда работали в г. Моршанске по найму от пензенских лесопромышленников, которые доставляли туда мочало и нанимали помещения для работы кустарей.[4]

Многие лопатники Стрельниковской волости, Темниковского уезда нанимались лесопромышленниками, которые платили им за работу по 3 коп. за лопату.[5] Лопатники с. Зарубина, Спасского уезда продавали свою продукцию „преимущественно в Спасске скупщикам по 7—10 рублей за сотню. Лопаты затем идут в степные местности, частью оттуда за ними являются скупщики".[6] Многочисленная армия кустарей Лукояновского уезда, изготовлявшая рогожи и кули, полностью зависила от скупщиков, по заказу которых она работала, получая мизерную плату. „Рогожи ткут по заказу богатых людей, которые наезжают и раздают по селам работу. Платят по 2—2,5 рубля за сотню рогож".[7] Рогожи и кули отправлялись в Москву на фабрику Морозова и других.

Так как сотню рогож, как увидим ниже, могли выработать в месяц только 2—3 человека, то месячный заработок одного кустаря, работавшего у себя на дому по заказам скупщиков, не превышал в данном случае одного рубля.

Приведенные данные показывают нам, что большинство кустарей являлись наемными рабочими или самостоятельными

---

1 Сборн. статист. свед. по Тамбовской губ., т. V, стр. 91.
2 Пензенск. обл. гос. архив, ф. 5, д. 9255,л. 146.
3 Сборн. стат. свед. по Тамбовской губ., т. V, стр. 91.
4 Там же, стр. 92.
5 Там же, т. IV, стр. 190.
6 Там же, т. V, стр. 91—92.
7 *Плотников,* Кустарные промыслы Нижегородской губ., Н-Новгород, 1894 г., стр. 124.

в кавычках, которые так же, как и наемные рабочие, подвергались жесточайшей эксплоатации.

Для характеристики заработков и условий работы этих „самостоятельных" кустарей приведем несколько фактов из жизни кустарей некоторых сел Лукояновского уезда. В селе Хилкове, состоявшем из 140 дворов, беспрерывно в течение целого года 120 человек занимались выделкой берд. Рабочий день у них начинался в 5 часов утра и кончался в 12 час. ночи с перерывом в 3—4 часа на обед, на ужин и на отдых. В течение целого рабочего дня кустарь мог приготовить 3—5 берд, которые продавались по 8—9 коп. штука. Если вычесть отсюда стоимость материала в 5 коп., то выходит, что кустарь от каждого берда получал 3—4 коп., а за весь рабочий день, следовательно, зарабатывал 10—15 коп. [1] Другой пример возьмем из жизни кустарей Лукояновского уезда, занимавшихся тканьем рогож и кулей.

Жизнь и условия труда этих кустарей были описаны в середине восьмидесятых годов XIX ст. А. Звездиным, из описания которого мы и приведем некоторые данные. „Рогожным промыслом,—писал он,—крестьяне занимаются в своих жилых помещениях... Нечего, конечно, говорить о том, насколько вредна и губительна для кустарей-рогожников их работа на дому. Пыль, летящая в изобилии от мочало, духота и нестерпимый запах весьма заметно отражается на их здоровье; вот почему они не редко жалуются на грудь и руки". [2] „Пища, употребляемая кустарями, самая простая и малопитательная. Пустые щи (по праздникам с говядиной), картофель вареный и каша". [3] Другой, более лучшей пищи у них и не могло быть, так как зарабатывали они очень мало. Чтобы показать их заработок, мы приведем некоторые расчеты: каждый стан, за которым работало 6—4 человека, за месяц мог выработать две сотни рогож, причем каждая сотня продавалась по 12 рублей. На каждую сотню рогож требовалось материала на 7—8 р., так как пуд мочалы стоил 60—70 копеек, а на сотню рогож требовалось 12 пудов. Таким образом, на каждой сотне кустарь зарабатывал 4—5 руб. А поскольку в месяц 4—6 чел. вырабатывали только две сотни, то месячный заработок каждого равнялся всего 1,5 рублям. [4] Следовательно, кустари зарабатывали буквально гроши. Но и эти гроши, эти копейки доставались им „потом и кровью, да бессонной ночью". [5] Действительно, работу свою кустари начинали с 12 час. ночи и оканчивали ее к 8 часам вечера. Вместе с мужчинами работали женщины и дети, последние, начиная с 6-летнего возраста.

Таково было положение большинства кустарей, сохраняв-

---

[1] *А. Звездин*, Кустарные промыслы Нижегородской губ., Лукояновский у., Нижегородский сборник, т. IX, стр. 111—118.

[2] *Там же*, стр. 104—105.

[3] *Там же*, стр. 107.

[4] *Там же*, стр. 106, 108.

[5] *Плотников*, Кустарные промыслы Нижегородской губ., стр. 124.

ших еще видимую самостоятельность, которым жилось „еще тяжелее и хуже, чем наемным рабочим". [1]

Народное просвещение и народное здравоохранение в Мордовии

„Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания,— такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России". [2] Эти ленинские слова с достаточной яркостью освещают состояние народного просвещения в царской России. Царское самодержавие, помещики и капиталисты являлись злейшими врагами культурного развития народных масс, они были заинтересованы в сохранении среди народных масс темноты и невежества, так как темных, забитых людей легче было эксплоатировать и держать в кабале. Еще в большей мере они заинтересованы были в сохранении темноты и невежества среди угнетенных народов.

„Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том,—говорит тов. Сталин,—чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики—неразвитость и политическая отсталость этих народов". [3] Состояние просвещения среди мордовского народа, как одного из угнетенных царизмом народов, чрезвычайно ярко характеризуют статистические материалы, собранные в девяностых годах Петербургским Комитетом Грамотности, а также ряд других источников. По данным этого комитета, относящимся к 1894 году, на территории современной Мордовской АССР была 391 начальная школа, в которых работало 516 учителей и обучалось 20470 детей. [4] Всего же детей школьного возраста (от 7 до 14 лет) было 177000 человек, следовательно, обучением охвачено было только 11,5% всех детей школьного возраста, а охват девочек равнялся всего только 3,2%. [5]

Таким образом, около 90% детей оставались без всякого обучения. Данные не показывают охваченных обучением в национальном разрезе, но можно с уверенностью утверждать, что процент охвата детей мордовской народности был значительно ниже чем у русских. При дальнейшем изложении, когда мы приведем цифры о количестве грамотных среди всего населения территории современной МАССР и отдельно мордвы, в этом вполне можем убедиться.

Политику царизма, политику помещиков и капиталистов в

---

[1] *Ленин*, т. III, стр. 274.
[2] *Ленин*, т. XVI, стр. 410.
[3] *Сталин*, Марксизм и нац.-колон. вопрос, изд. 1934 г., стр. 69—70.
[4] Цифры подсчитаны мной по материалам, опублик. в книге: „Начальное народное образование в России", т. I, СПб., 1900 г.
[5] Там же, т. III, табл. I и II.

области народного просвещения, в частности в районах, населенных угнетенными народами, очень хорошо показывают данные того же комитета об ассигнованиях на нужды народного образования. По этим данным, относящимся к 1893 году, Министерство Народного Просвещения на народное образование одного миллиона населения территории современной МАССР отпускало в год 36741 руб., причем около половины этой суммы (14640 р.) шло на содержание средних учебных заведений, где преимущественно обучались дети господствующих классов. На начальные же школы, которые предназначены были для обучения детей широких народных масс, Министерство отпускало всего 7618 рублей. [1] Кроме ассигнования Министерства Народного Просвещения на народное образование отпускали известные суммы из своего бюджета земства, а для содержания церковно-приходских школ совершенно незначительные суммы выделяли ведомства святейшего синода. По этим же данным земства на нужды народного образования выделяли 78750 руб. или 15,7% своего бюджета, а ведомства святейшего синода—7713 руб., в том числе на содержание низших, начальных школ—915 рублей. [2]

Таким образом, по линии всех ведомств ежегодный расход на народное образование по всей Мордовии составлял 120 тыс. руб. Следовательно, на каждого жителя в год на народное образование тратилось 12 коп. Всех населенных пунктов в Мордовии накануне 1905 г. было около 2000; школ же, как мы видели выше, было всего 391. Таким образом, свыше 80% всех селений не имели у себя школ. Но и в тех селениях, в которых они существовали, помещения и учебная обстановка в них не отвечали самым элементарнейшим требованиям. Школы в своем большинстве не имели собственных помещений. Они ютились в маленьких, низких, темных и грязных помещениях, в которых нехватало воздуха, света, отсутствовали столы, скамейки.

Инспектор народных училищ по Темниковскому уезду А. Стржижевский в своем докладе уездному земскому собранию в сентябре 1900 года о состоянии школ в уезде говорил следующее: „К сожалению среди наших училищ есть такие, которые может быть и годятся на что-нибудь, но только не на училища, ибо соединяют в себе все то, что способно искалечить детей: неимоверная теснота, постоянный полумрак, никуда негодная мебель, отсутствие раздевальни, близость ретирадов, таковы училища Матызлейское и Полхово-Майданское. Особенно грустное впечатление производит первое: в школе холод, грязь, столы без скамеек, скамейки без столов, но даже и таких нехватает, и ученикам приходится стоять целые часы у стены или сидеть на полу". [3]

---

[1] Начальное народное образование в России, т. I, табл. XVII.

[2] Там же, табл. XIII.

[3] Журналы чрезвыч. и очеред. Темниковск. земского собран. сессии 1900 г., Темников, 1901 г., стр. 118—119.

Такую же картину жалкого состояния школ Мордовии дает другой источник: „Обозрение его преосвященством Димитрием епископом Тамбовским и Шацким церквей и монастырей Спасского и Темниковского уездов в августе и сентябре 1903 г." Приведем несколько примеров из указанного источника, которые наиболее ярко характеризуют состояние церковно-приходских школ Мордовии, находящихся, кстати сказать, преимущественно в мордовских селах. „Церковная школа села Атюрьева помещается в церковной караулке, тесной и заметно сырой". [1] В селе Кушках, Темниковского уезда школа „помещается в ветхой, низкой, тесной, сырой и мрачной, и вероятно, зимой холодной церковной караулке... Грязные, закоптелые потолок и стены, покрытый толстым слоем земли пол, черная печь и разрушенные столы свидетельствовали о том, что школа мало чистится и моется и никогда не подновлялась". [2]

В заключение о результатах посещения церковных школ Темниковского уезда говорится: „Все посещенные владыкой церковные школы... имели очень жалкий вид". [3] Аналогичная картина дана и по церковным школам Спасского уезда. Приведем пару примеров. В селе Вадовские Селища „церковная школа помещается в собственном деревянном здании, тесном и грязном. Школьное здание совсем не отвечает потребностям прихожан касательно обучения их детей начальной грамотой, особенно если принять во внимание, что в приходе других школ нет никаких". [4] „Церковная школа в Анаеве помещается в тесной и грязной церковной караулке, мало удобной для школьных занятий. По этим уважительным причинам школа не пользуется надлежащим доверием приходского населения и малолюдна". [5]

Приведенные факты характеризуют состояние всех школ Мордовии накануне 1905 г. При оценке этих фактов надо иметь в виду, что они вышли из под пера человека, которого никто не может заподозрить в преувеличении, как раз надо думать наоборот. Если уж поднялась рука церковника-мракобеса нарисовать такую жуткую картину состояния народного просвещения, то в действительности дело обстояло значительно хуже.

Результатом такой „заботы" царизма и его органов на местах о народном просвещении грамотные в мордовских селах насчитывались единицами. Нижеследущая таблица, составленная

---

1 Обозрение его преосвященством Димитрием епископом Тамбовским и Шацким церквей и монаст. Спасского, Темниковского уездов в августе—сентябре 1903 г., Тамбов, 1903 г, стр. 6.

2 Там же, стр. 12.

3 Там же.

4 Там же, стр 84.

5 Там же, стр. 86.

нами по данным всеобщей всероссийской переписи 1897 года, подтверждает этот вывод целиком и полностью. [1]

УЕЗДЫ	Процент грамотных в возрасте от 10 лет и старше по отношению к населению в этом возрасте			Процент грамотных мордвы в возрасте от 10 лет и старше по отношению к мордовскому населению в этом возрасте		
	Мужч.	Женщ.	Всего	Мужч.	Женщ.	Всего
Ардатовский	31,4	5,3	17,4	23,5	3,0	13,0
Инсарский	22,1	4,8	13,9	13,7	2,3	8,0
Краснослободский .	25,4	8,6	15,7	9,5	0,7	4,0
Наровчатский . . .	24,2	5,7	15,1	13,5	4,8	8,9
Саранский	33,2	9,0	19,6	25,2	2,2	12,6
Спасский	28,8	6,9	15,1	22,3	2,2	11,4
Темниковский . . .	30,3	9,3	18,3	14,1	1,3	7,2
Итого . . .	28,2	6,4	16,6	18,3	2,2	9,9

Таким образом, среди всего населения Мордовии грамотных было около 16%, а среди коренного населения всего около 9%, причем среди женщин-мордовок была почти сплошная неграмотность. В действительности грамотного населения было еще меньше, так как в число грамотных записывали людей, которые не кончали даже и первого класса начальной школы и с трудом могли написать свою фамилию. Среди грамотных мордовского населения таких было преобладающее большинство. Такое положение объясняется в значительной степени тем, что учителя и в мордовских селах преимущественно были русские; учителей из мордвы были буквально единицы. Но и они не имели права обучать детей коренной национальности на их родном языке. Обучение в школе было поставлено на русском языке, в результате учащиеся из коренной национальности, не зная русского языка, плохо понимали объяснения

[1] „Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г". Губернии: Пензенская, Симбирская, Тамбовская.

В виду того, что в материалах переписи отсутствуют некоторые данные о возрастном составе коренного мордовского населения, нам не удалось подсчитать, как это принято, процент грамотных мордвы в возрасте от 9 лет и старше по отношению к мордовскому населению в этом же возрасте. Поэтому пришлось взять процент грамотных в возрасте от 10 лет и старше по отношению населения в этом же возрасте. Разница однако совершенно не существенная. Процент грамотных понижается всего на несколько десятых процента. Так, например, грамотных среди всего населения Мордовии в возрасте от 10 лет и старше по отношению ко всему населению в этом же возрасте имелось 16,6%, при подсчете в возрасте от 9 лет и старше—16,3%.

учителя, что крайне отрицательно отражалось на их успеваемости.

„Успеваемость школьная,—говорится в цитированном уже выше „Обозрении церквей и монастырей Темниковского и Спасского уездов",—весьма страдает от того, что главный учитель школы, приходский дьякон не знает мордовского языка и дети с трудом понимают его объяснения. Это обстоятельство, помимо других, и является причиной малолюдства церковной школы в многолюдном Атюрьевском приходе". [1]

На это же обстоятельство указывает директор народных училищ Пензенской губернии в своем отчете попечителю учебного округа за 1883 год.

„В Пензенской губернии,—пишет он,—существуют в мордовских селах инородческие училища, в большей части которых учение идет неудовлетворительно. Происходит это по той причине, что учащиеся поступают в школу, не понимая ни слова по-русски, вследствие чего сведения, сообщаемые им на русском языке, усвояются ими медленно и неосновательно. Замедление в обучении увеличивается еще тем, что во многих училищах учителями состоят лица, не владеющие мордовским наречием и ведущие занятия с младшим отделением при помощи переводчиков, которыми обыкновенно в таких случаях являются ученики старших отделений, достаточно уже знакомые с русским языком. По причине указанных обстоятельств учебный курс и внутренняя организация учебной работы, принятые в русских школах, к мордовским школам не приложимы. Из того, что сообщается детям инородцев в школе, они успевают пройти очень немного, так как большая часть года уходит на то, чтобы научить их понимать сколько-нибудь русскую речь; таким образом, на обучение собственно остается очень мало времени, и учитель едва успеет пройти с ними звуки и научить их все-таки читать, между тем, на следующий год к нему поступают новые неграмотные мальчики, не понимающие по-русски, которые требуют в свою очередь от учителя массу труда и времени...

Для устранения такого беспорядочного ведения учебного дела в инородческих училищах необходимо издать для мордовских школ особые учебники с подстрочным переводом каждого слова на мордовский язык мокшанского и эрзянского наречий, на котором говорят мордва Пензенской губернии; тогда учащиеся будут понимать, что читают, без помощи переводчика, что облегчит учителя и много подвинет обучение". [2]

Однако несмотря на такого рода признания о трудностях обучения детей мордовской народности и необходимости издания особых учебников для мордовских школ, обучение детей все же продолжало оставаться на русском языке. Царское

---

1 Обозрение его преосвященством Димитрием епископом Тамбовским и т. д., стр. 6.

2 Мордовское население Пензенской губ., его прошлое и настоящее, Пенза, 1927 г., стр. 107—108.

правительство, проводившее руссификаторскую политику в течение веков, не могло согласиться на допущение преподавания в национальных школах на родном языке. Нужно указать, что вопрос о том, на каком языке следует вести преподавание в „инородческих" школах, обсуждался в Ученом Комитете Министерства Просвещения еще в феврале месяце 1867 года. Постановка этого вопроса была вызвана началом проведения в стране буржуазных реформ. Некоторые земства высказались за допущение преподавания в национальных школах на родном языке. Ученый Комитет Министерства Просвещения, обсудив этот вопрос, признал однако введение преподавания на родном языке в „инородческих" школах не целесообразным и не соответствующим интересам правительства. Введение преподавания на родном языке в национальных школах требовало, несомненно, издания и учебников, и учебных пособий на языках этих народностей. Царское же правительство боялось, что печатание учебников и учебных пособий на языках угнетенных народностей „может послужить к пробуждению племенного самолюбия и уважения к собственному языку". [1] А это шло вразрез с интересами царизма, с интересами помещиков и капиталистов. Поэтому, несмотря на то, что многие работники народного просвещения на местах обучение на родном языке и признавали целесообразным, царское правительство с этим не соглашалось. Обучение детей в мордовских школах вплоть до Октябрьской социалистической революции продолжалось на русском языке.

Буквально только единицам из коренного населения удавалось получить образование выше начального. Всероссийская перепись 1897 года зарегистрировала на территории современной Мордовской АССР из мордвы только 16 человек, которые имели образование выше начального (из них одна женщина), а с высшим образованием ни одного человека. Это на 300 тысяч человек коренного населения. Следовательно, начальная школа для коренного населения была и начальной, и в то же время последней, завершающей ступенью образования. Но и в начальной школе имели возможность учиться только дети кулаков и зажиточных, а дети бедняцко-середняцких масс населения, не обеспеченные средствами существования, оставались почти без обучения.

„Поступают и продолжают учение в школе наиболее обеспеченные,—говорил на заседании Темниковского уездного собрания инспектор народных училищ Стржижевский,—покидают же ее, нередко с горькими слезами те, кого нужда гонит в чужие люди, чтобы как-нибудь прокормиться зимой и избавить своих домашних от лишнего рта". [2] Это свидетельство человека, работавшего по линии просвещения и знавшего положение вещей в своем уезде, можно еще подтвердить

[1] Мордовское население Пензенской губ., его прошлое и настоящее, стр. 106.
[2] Журналы чрезвычайного и очередного Темниковского уездного земского собрания сессии 1900 г., стр. 120—121.

данными Петербургского Комитета Грамотности, относящимися к 1894 году. По этим данным количество окончивших курс обучения в начальных школах на территории современной МАССР равнялось 11,9 %.[1] Таким образом, только около 12 процентам всех учащихся удавалось закончить курс низшей школы, а остальные 0,9 по различным причинам, прежде всего по причинам материальным, вынуждены были прекращать учебу, не окончив даже полного курса начальной школы. Большой процент отсева подтверждают также данные земских управ в более поздний период. Так, например, по данным Краснослободской уездной земской управы во все 33 земские школы уезда в 1901 году поступило 968 учащихся, выбыло за этот же год 514 или 53% по отношению к принятым в этом же году и 25% по отношению ко всему составу учащихся.[2] Отсюда ясно, что таких грамотных, которые могли свободно читать и писать, на территории современной Мордовии было очень мало, и еще меньше их было среди коренного населения. Темниковский инспектор народных училищ Стржижевский в своем докладе уездному комитету о нуждах сельскохозяйственной промышленности о состоянии грамотности в уезде говорил, что население Темниковского уезда по степени грамотности „занимает одно из последних мест: более ⅔ селений не имеют никакой школы; есть деревни, где грамотные на перечет, а есть и такие, в которых некому не только написать, но и прочесть письма".[3]

Эта мрачная картина народной темноты и отсталости была результатом экономического, политического и национального угнетения мордовского народа. Следует еще указать, что мордовский народ, как и многие другие угнетенные и задавленные царизмом народы, не имел ни своей письменности, ни своей печати. Царское самодержавие всеми имеющимися в его руках средствами давило на мордовский народ, калечило его культуру и старалось руссифицировать его. С этой целью мордовский язык был изгнан из школ. На родном языке не разрешалось разговаривать в присутственных местах, а также издавать книги и газеты. Единственно, что было напечатано на мордовских (мокша и эрзя) языках—это несколько книг религиозного содержания (евангелие, молитвенник и другие), вышедшие главным образом в конце XIX в. Печатание этих книг преследовало ту же цель: руссификацию мордовского народа, а также воспитание в нем посредством этих книг покорности существующему строю.

В заключение в связи с общими вопросами народного просвещения накануне 1905 года следует несколько слов сказать об экономическом и правовом положении народного учителя. О народном учителе царское самодержавие проявляло столь-

---

1 Начальное народное образов. в России, т. 1, стр. 55—57.

2 Пензенск. обл. гос. архив, ф. 5, д. 9254, л. 145—146.

3 Труды местн. ком. о нуждах с.-х промышленности. Тамбовская губ., СПб., 1903 г., стр. 391.

ко же заботы и внимания, сколько о народном просвещении вообще. Труд учителя оплачивался очень плохо, месячная зарплата учителя в Мордовии не превышала 20 руб., в некоторых же школах церковно-приходского типа не более 10 руб. в месяц, зачастую с одновременным выполнением и должности школьного сторожа.

„Россия бедна,—писал В. И. Ленин,—когда речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленных и почти не жилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец, или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства. Россия бедна, чтобы платить честным работникам народного просвещения, но Россия очень богата, чтобы кидать миллионы и десятки миллионов на дворян-тунеядцев, на военные авантюры, на подачки сахарозаводчикам и нефтяным королям и тому подобное".[1] На территории современной Мордовии были случаи, когда учителю ничего не платили.

В своем отчете Пензенский совет инокентьевского просветительного братства о своей деятельности за 1892—93 учебный год писал: „В Матвеевской школе грамоты (Краснослободский уезд) учитель за неимением средств живет подворно, как пастух, у родителей учеников, но и при таких тяжелых условиях прошел с учениками весьма удовлетворительно все нужное, так что 6 учеников выдержали экзамен на получение льготного по воинской повинности свидетельства".[2] Этот факт чрезвычайно ярко характеризует положение учителя, отношение к нему царских властей и одновременно честное служение многих учителей делу народного просвещения.

Не лучше по сравнению с народным просвещением было поставлено в Мордовии и дело народного здравоохранения. Статистические сведения конца девяностых годов раскрывают перед нами жуткую картину медицинского обслуживания населения этой территории. Приведем некоторые из них. В четырех уездах бывшей Пензенской губ. (Инсарский, Краснослободский, Наровчатский, Саранский) по данным 1899—1900 гг. было 9 больниц с 230 койками, а всех врачей было 15 чел. Чтобы лучше представить медицинское обслуживание населения, надо иметь в виду, что по данным всеобщей переписи 1897 г. в указанных уездах было 623970 жителей. Следовательно, на 41600 человек населения приходится только один врач, а одна больничная койка приходилась на 2713 чел. населения.[3] Не менее ярко состояние медицинского обслуживания населения показывают цифры ассигнований на это мероприятие со

---

[1] *Ленин*, том XVI, стр. 412.

[2] Пензенские епархиальные ведомости, № 4, 1894 г., стр. 137—138.

[3] Журналы Пензенск. губ. земского собрания 1900 г., Пенза, стр 294—295.

стороны земских учреждений. Так, на 1900 год по Инсарскому уезду на каждого жителя на народное здравоохранение было ассигновано 14 коп., по Наровчатскому и Саранскому—17 коп., а Краснослободскому—12 коп. [1]

Такая же картина имелась и по другим районам территории современной Мордовской АССР. Так, например, по Спасскому и Темниковскому уездам имелось только по одной больнице, находившиеся при уездных центрах (то же самое было и в Краснослободском уезде), причем в первой из них было 40 коек, а во второй —29. Следовательно, каждый врач в Спасском уезде призван был обслуживать 30430 жителей, а в Темниковском—58900 жителей. Если кроме совершенно ничтожного количества лечебных учреждений и работающего медицинского персонала в них учесть еще то обстоятельство, что около 60 проц. всех населенных пунктов территории Мордовии находилось от своих уездных центров на расстоянии 25—90 километров, то можно прямо сказать, что медицинского обслуживания широких народных масс фактически не было. Нечего, например, было думать получить медицинскую помощь или положить больного в больницу, когда он от единственной в уезде больницы, находящейся при уездном центре, жил на громадном расстоянии, доходящим до 90 км. Характерно, что в мордовских селах указанных 6 уездов не было ни одной больницы, ни одного медицинского пункта.

Поэтому население при всякой болезни обращалось ко всякого рода ворожеям, знахарям и т. д., которые, пользуясь темнотой трудящихся, обирали и калечили их здоровье. Невыносимо тяжелые экономические условия, отсутствие медицинской помощи способствовали широкому распространению среди населения самых различных болезней. Например, по Симбирской губернии в 1904 году на каждую тысячу человек населения зарегистрировано 653 инфекционных заболеваний.[2] Следовательно, 65 проц. всего населения каждый год болело инфекционными болезнями. Широко в Мордовии распространена была (особенно среди коренного населения) такая социальная болезнь, как трахома. По данным, помещенным у того же автора, среди русского населения Симбирской губ. больные трахомой составляли 10,2 % ко всему населению, а среди мордовского—20,9 %, т. е. больше чем в два раза. [3]

Трудящиеся массы территории современной Мордовии вследствие хищнической эксплоатации помещикав и капиталистов доведены были до физического вырождения. Хищническая эксплоатация, плохое питание пагубно отражались на здоровье трудящихся. Недоразвитость, болезненность крестьянской молодежи не могли скрыть даже официальные источ-

---

[1] Журналы Пензенск. губ. земск. собрания 1900 г., стр. 294—295.

[2] *Шостак*, Материалы по изучению санитарного состояния Симбирской губ. в связи с экономическим благосостоянием, войной и голодом, Ульяновск, 1925 г., стр. 52—53

[3] *Там же*, стр. 74.

ники и вековые враги трудящихся—помещики. Один из помещиков Мордовии в своей докладной записке, поданной в Симбирский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в 1902 году писал: „С каждым годом рослый, здоровый молодой крестьянин встречается все реже и реже. Доказательством служит масса бракованных в последние призывы. В нашем селе,[1] например, в последний призыв доходило до льготных 2-го разряда, тридцать же лет тому назад... оставалось дома половина нельготных, а условия приема были строже". [2]

Показетелем этого же факта являлся совершенно ничтожный естественный прирост населения. Так, например, за пятилетие 1892—1896 гг. ежегодный прирост населения по Инсарскому уезду выразился в 0, 98 %, по Саранскому —0,89%, а по Наровчатскому— 0,70%. [3]

Таким образом, положение основных масс мордовской деревни накануне 1905 г. оказалось невыносимо тяжелым. Нужно было искать выхода из этого положения. Трудящиеся массы все больше и больше убеждались в том, что изменить создавшееся положение может только революционная борьба, направленная против своих эксплоататоров, против своих угнетателей.

Осознать это им помогал рабочий класс и его авангард—самая революционная в мире партия—партия большевиков.

Крестьянское движение в Мордовии накануне 1905 г.

В конце XIX в. крестьянская борьба против помещиков и монастырей начинает заметно усиливаться. Основные формы борьбы этого периода—потравы помещичьих и монастырских хлебов, самовольные порубки леса, поджоги помещичьего и монастырского имущества, захват земли и лугов.

В августе 1885 года пристав 2-го стана Темниковского уезда сообщал уездному исправнику о том, что крестьяне с. Нарышкина систематически производят на землях Саровской пустыни потравы, а в сентябре он сообщал о поджоге монастырских стогов сена, загоревшихся одновременно в трех местах. Кроме того, крестьяне грозили поджечь лесопильный завод монастыря и вообще рассчитаться с монахами. [4] В 1886 г. крестьяне д. Полянки и села Жегалова произвели в дачах Саровской пустыни самовольную порубку леса. [5]

В феврале м-це 1890 года игумен монастыря сообщал о том, что жегаловские крестьяне „многолюдством делают самовольные порубки леса и грозят побоями лесной страже". [6] В ию-

---

[1] с. Большие Березники, того же р-на, МАССР.

[2] Труды местных комитетов о нуждах с.-хоз. промышленности. Симбирская губ., стр. 118.

[3] *Гаврилова*, Дифтерия в Пензенской губ. в 1892—96 гг., Пенза, 1897 г., стр. 36.

Гос. архив МАССР, ф. 1, д. 1150, л. л. 6, 15.

[5] Там же, д. 1162, л. 6.

[6] Там же, д. 1168, л. 6.

не м-це этого же года он сообщал о самовольной порубке леса крестьянами с. Старых Городищ, но задержать порубщиков лесная стража не могла, так как крестьяне были вооружены дубинками, которыми угрожали лесной страже. Игумен жаловался, что производить розыски похищенного леса или преследовать порубщиков лесная стража „не решается в виду печальных последствий, бывших с лесником Каякиным при преследовании их в прошлый раз".[1] Для предотвращения борьбы крестьян против монастыря и лучшей охраны его владений по просьбе игумена в 1891 году при Саровской пустыне организован был особый полицейский участок, который содержался за счет монастыря. Но и с учреждением особого полицейского участка крестьянская борьба против монастыря не прекратилась.

Об усилении крестьянской борьбы против помещиков в девяностых годах, о возраставших с каждым годом поджогах в помещичьих имениях и потравах их полей сообщает исследователь сельского хозяйства Пензенской губернии Бурлуцкий: „Нередко помещик прямо бежит из имения,—пишет он,—находя невозможным решение представляющейся ему диллемы:—крестьянский скот и день и ночь разгуливает по его полям, забирается в сады, огороды и на гумна. Никакой участок не безопасен от потравы и окончательного уничтожения, загоняние скота мало помогает, а возьми штраф даже в размере десятой доли убытка и—„красный петух" выступает на сцену; бьется, бьется помещик, да бежит из именья".[2]

Разразившийся промышленный кризис в Европе в конце XIX столетия захватил и Россию. За годы кризиса в России закрылось до 3 тыс. предприятий и выброшено было на улицу свыше 100 тысяч рабочих. Резко сократилась заработная плата на действующих предприятиях. „Промышленный кризис, безработица не остановили и не ослабили рабочего движения. Наоборот, борьба рабочих стала принимать все более революционный характер. От экономических стачек рабочие стали переходить к политическим стачкам. Наконец, рабочие переходят к демонстрациям, выставляют политические требования о демократических свободах, выставляют лозунг: „Долой царское самодержавие".[3]

Под влиянием рабочего движения весной и летом 1902 г. широко развернулось крестьянское движение на Украине и в Поволжье. Рабочее движение оказало свое влияние и на крестьянские массы современной территории Мордовии. В результате кризиса и безработицы очень многие рабочие вынуждены были возвращаться в свои деревни; много рабочих полицейскими властями отправлено было в деревню за участие в забастовках и демонстрациях 1901—1903 гг.

Эта группа рабочих сыграла в деревне колоссальную роль,

---

1 Гос. архив МАССР, ф. 1, д. 1168, л. 11.
2 *Бурлуцкий*, Характеристика Пензенск. губ., стр. 58—59.
3 Краткий курс истории ВКП(б), стр. 27.

она усилила пролетарское влияние на крестьянство и помогла ему подняться на борьбу против помещиков и царизма.

В это же время, т. е. накануне 1905 года было положено начало социал-демократической работы среди крестьян современной территории Мордовии. Эту работу проводили, главным образом, социал-демократические комитеты и группы городов: Пензы, Симбирска и Н.-Новгорода. В Пензе в конце 90 гг. XIX столетия возникает марксистский кружок, который к началу XX в. превращается в социал-демократическую группу. В 1903 г. возникает социал-демократическая группа в Симбирске, а в Н.-Новгороде социал-демократическая организация возникла значительно раньше. Главным образом через социал-демократические организации этих городов и велась работа в Мордовии. Следует указать, что социал-демократическое слово накануне 1905 г. в мордовскую деревню проникало также и через сезонных рабочих, работавших в различных городах и рабочих центрах России. Один из многих таких сезонников, крестьянин с. Шокши, Теньгушевского района, участник революционного движения 1905 года Черашев Григорий Иванович рассказывает в своих воспоминаниях о широко поставленной социал-демократической пропаганде среди сезонников, работавших на Московско-Казанской железной дороге, в пунктах, расположенных недалеко от Москвы (Рязань, Коломна и др.).

„Помню распространяли среди нас прокламации РСДРП,— говорит он,—названия которых я сейчас точно не припомню. Некоторые прокламации я привозил и домой, в деревню; среди крестьян стал вести агитацию, чтобы они не платили податей в казну, не платили бы жалованья волостному старшине, писарю и т. д. За это несколько раз меня арестовывали и сажали в волостную каталажку на 4—6 суток каждый раз". [1] Пензенский губернатор 13 мая 1902 г. доносил в Департамент полиции о получении из-за границы на имя крестьянина села Б.-Кирдяшева, Наровчатского уезда, Соболева Ф. С. номера газеты „Искра" от 1 апреля 1902 г. [2] Зимой 1902 года среди крестьян с. Селище, Краснослободского уезда разбросаны были прокламации, в которых крестьяне призывались следовать примеру полтавских крестьян. [3] Особенно с 1902 г. революционной пропаганде среди крестьян стал уделять большое внимание Нижегородский Комитет РСДРП. Только в течение 1902 года он издал для крестьян четыре листка: первый из них по поводу демонстрации в Сормове был издан в июне месяце, где доказывалось, что свержение царизма необходимо не только в интересах рабочих, но и крестьян. Тогда же вышел листок „Почему крестьяне волнуются", посвященный развернувшемуся крестьянскому движению на Украине. Листок призывал крестьян отказаться от уплаты податей и выкупных

[1] Рукописный фонд МНИИСК.
[2] ЦАР, ф. ДП, ДО, д. 360, ч. 5, л. 1.
[3] Пензенск. епарх. ведом., № 18, 1903 г., стр. 754.

платежей. В октябре того же года выпущено воззвание „К солдатам“ с призывом требовать созыва народных представителей и отмены постоянной армии. В декабре появился листок „К крестьянам“, в котором крестьянам рекомендовалось примкнуть к борьбе рабочего класса. [1] В 1903 году Нижегородский Комитет выпустил для крестьян два листка. Следует указать, что в одном из них („Письмо к крестьянам от рабочих“) изложение аграрных и общеполитических требований не отвечает программе, утвержденной на 2-м съезде РСДРП, и носит явно оппортунистический характер. [2]

Наряду с распространением печатных изданий Нижегородский Комитет проводил среди крестьян и устную пропаганду. Летом 1903 года по поручению Николая II предложено было открыть мощи Серафима Саровского. Одурачиваемые попами массы кростьянства устремились в Саровский монастырь. Нижегородский Комитет решил использовать это скопление народа для революционной пропаганды, направив в Саров для этой цели агитаторов из рабочих. Начальник Нижегородского охранного отделения 13 июля 1903 г. сообщал начальнику Нижегородского Жандармского Управления по этому поводу, [3] „что из Н.-Новгорода отправляются несколько человек рабочих в Саров для распространения среди богомольцев противоправительственных воззваний и устной пропаганды. Причем выяснено, что 11-го сего июля для той же цели туда отправились: Иван Круглов, Григорий Пародеев и с ними неизвестный лет 20, среднего роста, брюнет“. [4]

В 1902 г. начинает печатать прокламации к рабочим и крестьянам также и Пензенская социал-демократическая группа, примыкавшая по своим политическим взглядам к ленинской „Искре“. В связи с празднованием 1-го мая 1902 г. она выпустила воззвание к рабочим и крестьянам, в котором призывала их к общей борьбе против царского самодержавия. „Во имя освобождения нашей угнетенной родины,—говорилось в воззвании,—мы призываем всех, в ком есть сознание долга перед народом, поддержать освободительное дело русской революции... Там, где появилось сознание, там нет места примирению, ни продаже себя за чечевичную похлебку.

Между правительством и всем, что есть в народе сознательного и смелого, возможно только борьба на смерть. Поймите это, товарищи пензенские рабочие и крестьяне, и дружно объединяйтесь для борьбы с самым лютым врагом своим—самодержавием, угнетающим слабых... Призываем и напоминаем солдатам, что они дети тех же обездоленных рабочих и крестьян. Отказывайтесь стрелять в своих отцов и братьев и

---

[1] *Мороховец*, Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции, М—Л., 1926 г., стр. 78—79.

[2] *Там же.*

[3] Это сообщение начальником Нижегородского губ. Жандармского Управления было направлено для принятия мер начальнику Тамбовск. Губерн. Жанд. Управл. поскольку монастырь находился на территории Тамбовской губ.

[4] Тамбовский обл. архив, ф. ГЖУ, д. 11 (арх. 409), л. 50.

присоединяйтесь к борьбе против общего врага. Пора вам, пензенская молодежь, присоединиться к борьбе ваших братьев-студентов, сотнями идущих в Сибирь за общее дело". [1]

Работа социал-демократических организаций не пропала даром. Крестьяне стали подниматься на борьбу со своими вековыми врагами—помещиками. Правда, формы и методы их борьбы не всегда отвечают формам и методам, рекомендуемым социал-демократами, но важно тут другое: изменилось настроение деревни, возросла ненависть крестьянства к помещикам. Характеризуя положение в деревне летом 1903 года, одна пензенская помещица в своем письме Министру Внутренних Дел писала, что крестьянское население Пензенского уезда „за последнее время стало неузнаваемо: его обуяла какая-то невообразимая дикость нравов, буйства, озлобления, а главное—необузданная мания пожаров... Почти ни одного дня не проходило без набатного звона и пожара, а тем более ночи... Сначала принялись почему-то поджигать кирпичные сараи, затем после сенокоса безусловно у всех землевладельцев начали жечь стога,—на лугах только что собранного сена; во время уборки поджигали копны хлеба в поле, после перевозки хлеба в гумно стали жечь владельческие гумна, скирды хлеба, ометы соломы и заготовленные на зиму корма". [2]

Далее она перечисляет поджоги, которые имели место за три летних м-ца 1903 г. в ближайшем ее соседстве: 6 поджогов в имении помещицы Ладожинской, 4 поджога в имениях помещиц Тиздель и Энем, 6 поджогов в имении земского начальника Битюцкого, 8 поджогов в имении Бер и т. д. „Итого на расстоянии всего нескольких верст с июня по сентябрь 33 пожара, оставшихся у меня в памяти,—писала она далее,—но весьма вероятно, что их было больше, да и теперь они продолжаются". [3] При виде пожара в помещичьем имении крестьяне не скрывали своей радости, а в тушении пожара не только не участвовали сами, но и препятствовали другим. [4]

Движением охвачен был также и Инсарский уезд. Директор Департамента Полиции 1-го ноября 1903 г. телеграфировал пензенскому губернатору, что „в Инсарском уезде, селе Новом Акшине распропагандированные крестьяне производят захваты земли, потравы и порубки в помещичьих владениях, подожгли дом в усадьбе Философова". [5]

Крестьянское движение в Пензенской губ. летом 1903 г. было настолько серьезным, что оно, по донесению пензенского губернатора Хвостова, вызвало „среди владельцев панику и стремление покидать усадьбы и хозяйство и переселяться в город". [6]

---

1 Рабочее и профессиональное движение в Пензенской губ. Материалы к истории, Пенза, 1927 г., стр. 87.
2 ЦАР, ф. ДП, ДО, д. 360, ч. 5, 1902 г., л. 22.
3 Там же.
4 Там же, л. 23.
5 Там же, л. 44.
6 Там же, л. 34.

Начавшаяся русско-японская война еще больше увеличила тяготы, лежавшие на плечах рабочих и крестьян. Положение широких народных масс в связи с войной ухудшилось еще больше. Поражение царской армии показало широким народным массам гнилость царизма. „Ненависть к царизму в народных массах росла с каждым днем".[1] Надежды царского правительства на то, что война предотвратит революцию, не оправдались. Получилось как раз наоборот. Русско-японская война способствовала еще большему революционизированию народных масс и ускорила назревание революционного кризиса в стране.

Чтобы показать какое отражение получил общий рост ненависти к царизму в стране среди крестьянского населения современной территории Мордовии, приведем некоторые факты.

В феврале месяце 1904 года саранский уездный исправник доносил пензенскому губернатору, что крестьянин с. Евлашева, Саранского уезда А. А. Дубков заночевал у лесника Кичаева и, разговаривая о войне России с Японией и о том, что некоторые наши суда разбиты, сказал: „Нашему государю следовало бы за это рыло побить, чтобы он не захватывал чужую землю".[2]

Инсарский исправник в июне 1904 года писал губернатору: „Крестьянин дер. Леоновки, Ново-Троицкой волости Зубарев И. Ф. приблизительно в апреле м-це пригласил к себе в помощь двух крестьян с. Ингеры Пятины Володина С. В. и Рубанова И. И. вспахать землю. Во время завтрака Зубарев, Володин и Рубанов, ведя разговор о войне, перешли на землю. В разговоре Рубанов говоря, что у помещиков много земли, а у крестьян мало, почему им плохо и живется, выразился дерзко по адресу государя и императора так: „За это следовало бы царю голову сшибить".[3]

Летом 1904 г. в ряде районов Мордовии возобновляется крестьянское движение против помещиков. В июне м-це крестьяне дер. Васильевки, Наровчатского уезда начали борьбу против помещика Водар. У них еще начиная с реформы 1861 г. возник спор с их прежним владельцем о 30 дес. луговых угодий. Крестьяне эти луга считали своими, но доказать свою правоту не могли, луга так и оставались в пользовании помещика. „Тогда мы решили действовать силой,—рассказывает группа колхозников в своих воспоминаниях.—В 1904 г. летом наше общество скосило эту спорную площадь лугов, но убрать сено нам не дали, также не удалось его убрать и Водар."[4] Целое лето боролись крестьяне против помещика, но ни помещик, ни крестьяне не уступили. Сено сгнило в рядах. Борьба возобновилась снова весной 1905 г.

---

1 Краткий курс истории ВКП(б), стр. 53—54.
2 Гос. архив МАССР, ф. 21, д. 163, л. 25.
3 Там же, л. 21.
4 Рукописный фонд МНИИСК.

В июле 1904 г. крестьяне деревни Заулок, Темниковского уезда выступили против уездного предводителя дворянства помещика Новосильцева. Корни движения лежали также в реформе 1861 г. Лучшие земли крестьян во время реформы были отрезаны помещику, а крестьяне оставлены на нищенском наделе. В течение 23 лет отрезанную у них землю они арендовывали, но между собой крестьяне считали ее своею. Несколько раз посылались ходоки в столицу, однако доказать свою правоту они нигде не могли. Положение в деревне обострилось после того, как молодежь стала отлучаться на заработки в Нижегородскую губернию на Выксунский чугунолитейный завод. Летом 1904 г. крестьяне составили приговор, в котором записали, чтобы арендный контракт с Новосильцевым не подписывать, поскольку земля де принадлежит обществу. Новосильцев, получив приговор, пригрозил крестьянам сдачей арендуемой земли другим арендаторам, а земский начальник уволил с должности старосту. В ответ на это крестьяне стали пахать помещичью землю, косить его луга и объяснили, что за давностью лет межи не помнят и что последнюю может указать только казенный землемер. Когда землемер прибыл, около тысячи человек мужчин и женщин с грудными ребятами пришли к месту производства работ и прекратили их, причем толпа шумела и угрожала полицейской страже стрельбой. Не в состоянии справиться наличными полицейскими силами, тамбовский губернатор отдал распоряжение собрать всех стражников Темниковского и Елатомского уездов и с этим полицейским отрядом, состоявшим из 100 челов., поехал в Заулки на усмирение. Выступление крестьян на время было подавлено. [1]

* * *

Такова была обстановка в Мордовии накануне 1905 года.

---

1 *Андреев*, 1905 г. Крестьянское движение в Тамбовск. губ., Тамбов, 1925 г., стр. 43—44.

Новые книги

В. И. Ленин. Дневникста страничкат (Странички из дневника). Мордгиз. Саранск. 1940. 55 стр. 1000. 20 коп.

Брошюра является переводом на мордовский (мокша) язык труда В. И. Ленина „Странички из дневника" по текстам 2 и 3 изданий.

И. Сталин. Ленинизмань кизефкст (Вопросы ленинизма). Мордгиз. Саранск. 1940. 645 стр. 2000. 3 руб. 50 коп.

Книга является переводом на мордовский (мокша) язык книги И. Сталина „Вопросы ленинизма" (одиннадцатое издание). Перевод коллектива.

Великой Сталиндэ Закавказьянь сыре робочейтнень ёвтнемаст (Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине). Мордгиз. Саранск. 1940. 106 стр. 2000. 45 коп.

Эта книга переведена на мордовский (эрзя) язык в основном по книге „Рассказы старых рабочих о великом вожде", которую издала Тбилисская газета „Заря востока".

В первом разделе книги помещены воспоминания старых рабочих Закавказья о детских годах товарища Сталина.

Во втором разделе помещены воспоминания о деятельности товарища Сталина как об организаторе и руководителе большевистских организаций Закавказья.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Том I. Под редакцией Института Истории Академии Наук СССР (ответственные редакторы: академик *Б. Д. Греков* и проф. *В. И. Лебедев*). Мордовский Научно-Исследовательский Институт Социалистической Культуры при СНК МАССР. Саранск. 1940. 433 стр. 3000. 11 руб.

Этой книгой начато систематизированное издание документов по истории мордовского народа.

В томе помещены документы, посвященные древнейшей истории мордовского народа.

В первом разделе приводятся отрывки из сочинений разных писателей античного мира, средневековых и арабских (V век до нашей эры—X век нашей эры).

Второй раздел посвящен материалам археологических раскопок и находок, характеризующих начальные ступени культуры и быта мордвы. В конце раздела дан археологический

материал, относящийся к культуре мордвы XIII—XV веков (могильники Аткарский и Черемшанский).

В третьем разделе даны извлечения из древне-русских летописных источников, повестей и сказаний до начала XVII века. Всего в этом разделе помещено 39 документов.

В четвертом разделе опубликованы извлечения из актов, относящихся к истории мордовского народа до конца XVI века, характеризующих быт и судьбы мордовского народа в этот период (57 документов).

В пятом разделе приведены известия иностранных писателей XIII—XVII веков о мордве.

В шестом разделе помещены акты по истории мордвы в XVII веке, в частности документы по истории крестьянской войны 1670 года.

В конце книги приложены указатели личных имен, географических названий и предметный к первому и второму томам настоящего издания.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Том II. Под редакцией Института Истории Академии Наук СССР (ответственные редакторы: академик *Б. Д. Греков* и проф. *В. И. Лебедев*). Мордовский Научно-Исследовательский Институт Социалистической Культуры при СНК МАССР. Саранск. 1940. 350 стр. 4000.11 руб.

Документы, помещенные в настоящей книге, охватывают период усиления национально-феодального гнета мордовского народа после подавления восстания Разина, с 70-х годов XVII века до середины XVIII столетия.

Основной материал книги составляют актовые бумаги XVII—XVIII веков, извлеченные из дел и изданий архивных комиссий в количестве 209 документов.

Извлечения из литературного описания *Посошкова*, *Щербатова* и из описаний путешественников: *Палласа*, *Потоцкого*, академика *Фалька* и др.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Том III, часть 1-я. Под ред. Института Истории Академии Наук СССР (ответ. ред. акад. *Б. Д Греков* и проф. *В. И. Лебедев*). Саранск. Мордовское государственное издательство. 1940.343 стр. 3000. 6 р. (Мордовский Научно-Исследовательский Институт языка, литературы и истории при СНК МАССР).

Книга является хронологическим продолжением двух первых томов, доведших изложение до 1750 года. Она состоит из трех разделов. В первом разделе помещено 72 законодательных и актовых документа, относящиеся к 1751—1775 годам. Во втором разделе даны литературные описания мордвы в XIX в. и в третьем разделе—песни, предания и сказания мордовского народа, сохранившие много бытовых данных и воспоминаний о его борьбе против Московского государства, за национальную самобытность.

В конце книги приведены указатели личных имен, географических названий и предметный.

Мордовская АССР (Административное деление на 1 января 1941 г.). Составители: *Г. Кузнецов* и *В. Жалнин*. Под наблюдением *Н. Юркова* и *Г. Растегаева*. Издание Верховного Совета Мордовской АССР. Саранск. 1941. 114 стр. 1070. 5 руб.

В начале книги даются краткие сведения о Мордовской АССР: территория, население, количество населенных пунктов, с/советов, рабочих поселков, дата образования Мордовского округа, Автономной области и преобразования Автономной области в Автономную Республику и т. д. Дано перечисление районов республики с указанием даты образования каждого из них, расстояние от районного центра до ближайшей жел.-дорожной станции и столицы МАССР.

В книге помещен список переименованных населенных пунктов Мордовской АССР с указанием их старого и нового наименования.

В конце книги помещены важнейшие постановления ВЦИК и Указы Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросам административно-территориального деления Мордовской АССР.

Советская Мордовия. Составители: бригада сотрудников Госплана при СНК Мордовской АССР в составе *М. Бор, П. Дедловского, А. Савкина* и *М. Хотяновича*. Общая редакция *В. Монахова*. Мордгиз. Саранск. 1940. 173 стр. 2000. 4 руб.

Книга представляет статистико-экономический очерк Мордовской АССР и является справочным пособием.

Материал размещен в трех разделах:

1. Общий очерк народного хозяйства Мордовской АССР (административное деление, климат, реки, почвы, леса, население, промышленность, сельское хозяйство, культурное строительство, Мордовская АССР в третьей пятилетке).
2. Города и районы Мордовской АССР.
3. Основные показатели развития народного хозяйства Мордовской АССР.

М. Бор. Развитие социалистической промышленности Мордовской АССР. Под общей редакцией *В. Монахова*. Издательство Мордовского Научно-Исследовательского Института Социалистической Культуры при СНК МАССР. Саранск. 1941. 50 стр. 4000. 1 руб.

Брошюра является популярным очерком промышленности Мордовской АССР и рассчитана на массового читателя.

Первая глава брошюры посвящена промышленности дореволюционной Мордовии, а остальные шесть глав освещают состояние и развитие социалистической промышленности республики с первых лет советской власти и до наших дней.

На основе конкретных фактов и цифр автор показывает как на основе ленинско-сталинской национальной политики из года в год росла и крепла социалистическая промышленность Мордовии.

Последняя глава книги посвящена развитию социалистической промышленности Мордовской АССР в третьей пятилетке.

Записки. Выпуск первый. Издательство Мордовского Научно-Исследовательского Института Социалистической культуры при СНК МАССР.Саранск. 1940. 170 стр. 4000. 5 руб.

В книге помещены:

Статья *В. Верендякина*—Пять лет Мордовской АССР и десять лет Мордовской Автономной области; *В. Данилова*—За глубокое изучение основ марксизма-ленинизма; *Н. Руткевича*—Дело Тяпкина—управителя ясашной мордвы Саранского уезда; *К. Коткова*—Движение рабочих Авгорского завода 1858 года; *И. Воронина*—Новые данные о Полежаеве.

В разделе „Мордовские языки" помещены статьи: *М. Коляденкова*—О склоняемости в эрзянском языке и границы простого и составного сказуемого в эрзянском языке; *Тарасова*—К вопросу о порядке слов в предложении в эрзянском языке и *С. Потапкина и М. Пигина*—Причастия в мокшанском языке.

Записки. Выпуск второй. Мордовский Научно-Исследовательский Институт Социалистической Культуры при СНК Мордовской АССР. Саранск. 1941. 135 стр. 1500. 4 руб.

В книге помещены: статья *Д. Рузавина*—О большевистской агитации; *В. Самаркина* и *Т. Купряшкина*—Крестьянское движение в Мордовии в октябре месяце 1917 г. После вводной статьи авторами опубликовано 19 документов о крестьянском движении в октябре месяце 1917 года на территории современной Мордовии, документы публикуются впервые и представляют большой интерес.

В разделе языка и литературы помещены две статьи известного ученого по угро-финским языкам доктора филологических наук профессора *Д. В. Бубриха*—Мордовская система фонем и Мордовское склонение.

Статья *Ф. Сульдина*—О принципах мордовского правописания и статья *А. Маскаева*—О состоянии и перспективах развития мордовской литературы.

Синтаксис и пунктуация мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Под редакцией *Коляденкова*. Мордовский Научно-Исследовательский Институт Социалистической Культуры при СНК МАССР. Саранск. 1940. 142 стр. 3000. 4 руб. 40 коп.

Книга представляет из себя решения научной сессии Мордовского Научно-Исследовательского Института Социалистической Культуры по вопросам синтаксиса и пунктуации мордовских языков.

И. Воронин. Новые данные о Полежаеве. Под редакцией *А. Бихтера*. Мордовский Научно-Исследовательский Институт Социалистической Культуры при СНК МАССР. Саранск. 1940. 175 стр. 5000. 5 руб.

Книга представляет из себя сборник впервые публикуемых документов о детских годах известного русского поэта-демократа А. И. Полежаева.

В книге содержится 93 документа, извлеченных из фондов Центрархива Мордовской АССР и Пензенского облархива.

Публикуемые документы освещают не только детские годы и обстановку воспитания поэта Полежаева, но и тяжелое положение крепостных крестьян и зверское отношение к ним помещика-крепостника Л. Струйского.

Эрзянь фольклор (Эрзянский фольклор). Составитель сборника *Л. Кавтаськин*; общая редакция *А. Маскаева*. Мордгиз. Саранск. 1939. 401. стр, 5000. 4 руб. 50 коп.

Сборник эрзянского фольклора на мордовском (эрзя) языке содержит более ста произведений устного народного творчества разных жанров.

В сборник включены произведения дореволюционного периода и современные. Весь материал систематизирован, разбит на разделы и имеет предисловие, которое знакомит читателя с мордовским фольклором.

Мокшень фольклор (Мокшанский фольклор). Составители сборника: *Д. Кеняев* и *Т. Талышкина*; редакторы *А. Маскаев* и *С. Потапкин*. Мордгиз. Саранск. 1940. 293 стр. 2000. 3 руб. 75 коп.

Сборник мокшанского фольклора на мордовском (мокша) языке содержит 130 произведений устного народного творчества разных жанров.

В сборник включены произведения дореволюционного периода и современные. Весь материал систематизирован, разбит на разделы и имеет предисловие, которое знакомит читателя с мордовским фольклором.

Эрзянь ёвкст (Эрзянские сказки). Составитель сборника *А. Маскаев*, редактор *Д. Учаев*. Издательство Мордовского Научно-Исследовательского Института Социалистической Культуры при СНК МАССР. Саранск. 1940. 150 стр. 2000. 3 руб.

В сборнике помещено 39 лучших мордовских бытовых сказок на мордовском (эрзя) языке.

В примечании указаны сюжеты, данные о сказителях, данные о времени, месте записи и другие сведения.

Мокшень ёвкст (Мокшанские сказки). Составители: *А. Маскаев и С. Потапкин*. Редактор *Т. Купряшкин*. Издательство Мордовского Научно-Исследовательского Института Социалистической Культуры при СНК МАССР. Саранск. 1940. 166 стр. 2000. 2 руб. 45 коп.

В книгу вошло 30 лучших бытовых мордовских сказок на мордовском (мокша) языке.

В сборнике помещены указатели, в которых записаны данные о месте, времени записи сказок и сообщены сказители.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. **П. Степанов**—К вопросу о происхождении мордвы 3
2. **Проф. Д. В. Бубрих**—Можно ли отождествлять мордву с андрофагами Геродота 29
3. **Е. Горюнова**—Поселения, жилища мордвы XIV—XVI вв. 33
4. **Е. Горюнова**—К истории ткачества у мордвы 41
5. **Т. Купряшкин**—Мордовия накануне первой русской революции 1905—1907 годов 48
6. Новые книги 111

Ответственный редактор *В. Самаркин.*

Тираж 1500 экз. Подписано к печати 7 мая 1941 г. Ю588. Печатных листов 7,3. Авторских 8,38. Типографских знаков в печатном листе 48800. Цена в переплете 3 руб. 80 коп.

г. Саранск, типография „Красный Октябрь". Заказ № 518.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
33	Снизу 6	*Hei Kel*	*Heikel*
	»	*Petzius*	*Retzius*
46	Снизу 4,5	23, мм).	23 микрона).